

ВЛАДИМИР
БУШИН

**ПАТРИАРХИ
И ПРЕЗИДЕНТЫ**

ЛАМПАДНЫМ МАСЛОМ ПО КОСТРУ

**ВЛАДИМИР
БУШИН**

**ПАТРИАРХИ
И ПРЕЗИДЕНТЫ**

ЛАМПАДНЫМ МАСЛОМ ПО КОСТРУ

Москва
алгоритм
2012

УДК 355/359
ББК 63.3
Б 90

Бушин В.С.

Б 90 Патриархи и президенты. Лампадным маслом по костру. – М.: Алгоритм, 2012. – 240 с.

ISBN 978-5-4438-0103-2

Владимир Сергеевич Бушин – автор острых публицистических книг «Иуды и простаки», «Измена. Знаем всех поименно», «Пляски в Кремле. Путин, Медведев и все, все, все», «Сбрендили! Пляски в Кремле продолжаются» и многих других – представляет свое новое произведение.

Автор касается темы, чрезвычайно актуальной в современной России – отношения церкви и государства, с одной стороны, и отношения церкви и общества, с другой. В книге присутствуют такие персонажи как патриархи Алексей II и Кирилл, президенты Ельцин, Путин и Медведев, деятели высшей церковной и президентской иерархии, рассматриваются основные проблемы российской жизни.

**УДК 355/359
ББК 63.3**

© Бушин В.С., 2012

ISBN 978-5-4438-0103-2

© ООО «Издательство Алгоритм», 2012

ПАТРИАРХИ И ПРЕЗИДЕНТЫ

ЛАМПАДНЫМ МАСЛИЦЕМ — ПО КОСТЕРКУ

В нынешнюю пору сильно возросло внимание общества к жизни нашей церкви, в частности, к поступкам и заявлениям ее высших иерархов. Надо полагать, что это объясняется надеждой и упованием на то, что церковь сможет сыграть важную роль в вызволении народа из той зловонной пропасти, в которую загнали его невежественные и бесстыдные, злобные и прожорливые горе-реформаторы во главе с достойным их президентом. Однако до сих пор эти упования, увы, не сбываются...

Высшие иерархи напоказ предстают перед народом в облике больших друзей и великих почитателей да хвалебщиков разрушителя страны. Разве можно забыть, что ведь не где-нибудь, а находясь в патриаршей обители, сей субъект заявил на всю страну: «Только Бог может отстранить меня от власти!» Ну, разумеется, все под Богом ходим. Однако есть еще для всех смертных, в том числе и для властителей, законная Конституция, а для президента — процесс отрешения. Так вот, субъект на все это наплевал. И что Патриарх в ответ на такое наглое заявление отца-реформатора, сделанное с балкона его обители, скромно опустил очи долу и промолчал.

Что ж, не будем строги. Может, долг гостеприимства обязывал Его Святейшество смиренно терпеть непотребство на государственном уровне? Но вот в день тезоиме-

нитства Минотавра Святой отец сам припожаловал к нему в гости. И не с пустыми руками. Преподнес отменный подарочек — статуэтку равноапостольского святого князя Владимира, похоже, что золотую. И при этом, сияя дружеской улыбкой, восхищением и умилением, изрек слова, которые даже перевешивали золотую статуэтку: «Вы, Борис Николаевич, поистине наш новый Владимир Святой». И это было уже после расстрела Дома Советов, после позорной чеченской бойни, после новых капитуляций перед США и НАТО... Святой правитель благоденствующей державы!.. И все, разумеется, передавалось по телевидению. Как же тут было не подумать, с каким чувством слушали эти запредельные восторги и смотрели всю эту умильную сцену хотя бы те, трупы чьих сыновей и братьев, жертв чеченской бойни, числом до 270, до сих пор хранятся неопознанными в холодильнике № 24 города Ростова. Я уж не говорю о миллионах сирых и страждущих...

Вспоминается, что когда представители Чечни находились на переговорах в Москве и могли быть взяты в любой момент в заложники, Минотавр тайно и трусливо слетал на полчаса в Грозный, точнее, на грозненский аэродром. Там по какому-то поводу обратился к рядовому солдату с вопросом. Тот ответил: «Так точно, товарищ главнокомандующий!» Минотавр, проигравший войну, представьте себе, рассердился на солдата и злобно буркнул: «Не главнокомандующий, а верховный главнокомандующий!» Теперь мог бы сказать и так: «Верховный и святой!»

Трогательное единство было явлено и в вопросе об антисемитизме. Ельцин, постоянно окружая себя весьма недоброкачественного свойства евреями, в роли то министров, то советников, помощников, частенько твердит о борьбе против антисемитизма как о важнейшей задаче времени, да уж не важнее ли, чем восстановление разрушенной экономики, укрепление обороны или борьба с туберкулезом и сифилисом, набирающими массовость. И вот

в свое время из сообщений прессы мы узнали, что и наш Предстоятель, явившись в США вслед за Г. Старовойтой, предпринял там шаги в любезном Ельцину направлении: призвал американских раввинов к совместной борьбе против русского антисемитизма... И это в ту пору, когда включи один канал телевидения — и к тебе в квартиру с воплем «Евреи — самая талантливая в мире нация!» вламывается малограмотный хам Жириновский; включи другую — и вприпрыжку вбежит Познер с рассуждениями о том, что Россия ничем не отличается от Гватемалы: у нее такая же судьба, для нее обязательны так же законы истории; включи третью — бочком войдет Ноткин, ведя за руку какого-нибудь Льва Борисовича или Наума Ефимовича; включи четвертую — вползет нестерпимо слащавая Дубовицкая... Уж не говорю о прочих сванидзах...

Все помнят, что, когда наши войска уходили из Германии, наш главнокомандующий ликовал так, словно это было не перенесение линии нашей обороны на сотни верст к Востоку, ближе к Родине, а наоборот, на сотни верст к Западу, чуть ли не к Рейну. Мало того, что он заставил наших солдат, маршировавших на Родину, спеть песню на немецком языке, еще и сам пустился в пляс, да, к изумлению Европы, впервые в жизни стал дирижировать в припадке экстаза... Картину этого национального унижения и фарса опять же весьма согласно дополнил Патриарх: прибыв в Германию, он принес немцам извинение... От чьего имени? Кто его уполномочивал? За что извинение? За то, что наш народ, потеряв миллионы своих лучших сыновей, принес немцам освобождение от фашизма и сотни тысяч наших солдат легли как раз на немецкой земле? Или за то, что после войны они пятьдесят лет жили раздельно в двух государствах? Да они веками жили до Бисмарка в бесчисленных крошечных княжествах!.. А главное, кто из светских или церковных лидеров Германии принес извинение России за весь тот трехлетний кровавый кошмар и грабеж, вплоть до трам-

важных контактных проводов и платформ чернозема из Воронежской и других благодатных областей? Может, еще на Нюрнбергском процессе извинился Геринг? Или потом — Аденауэр? Или Брандт? Или хотя бы собирается извиниться Шредер?.. И это унижительное для всех нас, оскорбительное для памяти павших в Великой Отечественной войне извинение приносится в то самое время, когда со всех церковных и нецерковных амвонов льются речи о возрождении национального самосознания народа, о взлете духовности и т.п.

* * *

Время идет и приносит все новые свидетельства дружбы и единения двух больших сердец. Ельцин вот уже много лет носится с идеей перезахоронения тела В.И.Ленина. Как вспоминает сейчас «Московский комсомолец», эту грандиозную мысль еще в 1989 году на I съезде народных депутатов СССР подбросил Минотавру известный страдалец советской эпохи Марк Захаров, за что, видимо, и стал вскоре членом Минотаврского совета. Впрочем, по другим сведениям, первым сказал «Э!» другой страдалец и член — Юрий Карякин, автор афоризма «Россия, ты одурела!».

Последний раз Ельцин публично высказал свое заветное желание два года назад во время пребывания в Ленинграде. Но тогда его уже никто не поддержал, кроме певицы Пугачевой, что было вполне объяснимо: большинство прихлебателей власти поняли, наконец, всю глупость и мерзость затеи, а Пугачева только что на престижном европейском конкурсе песни получила 17-е место и находилась в полном трансе, могла сказать что угодно.

На днях выскочил на телевидение, уже совсем с крыши на боку, Жириновский и предложил Ельцину назначить его председателем комиссии по перезахоронению тела В.И. Ленина. Видимо, рассуждал при этом так: если председателем

по захоронению екатеринбургских останков был сын юриста Немцов, то почему в данном случае не стать председателем другому сыну юриста. Ну, болтовню Ельцина уже все забыли, Жириновского давно принимают за парламентского дурачка, и, казалось бы, дело заглохло.

Но вот его решил оживить сам Патриарх. В день святых Кирилла и Мефодия, во время крестного хода он под наставленной на него телекамерой вдруг предался размышлениям на давно заданную и любезную президенту тему: «Красная площадь — значит красивая. Она самая главная, центральная. А здесь устроили погост деятелей революции. Я надеюсь, со временем будет создан Пантеон. Потому что это аморально, когда здесь устраиваются рок-концерты. Это же пляски на костях...»

Мягко выражаясь, здесь много неточностей. Во-первых, не знаю, как в Эстонии, где Его Святейшество провел изрядную часть лучших дней своей жизни, а у нас на Руси погостом принято называть не любое кладбище, а сельское. Так, Пушкин писал: «Тело Татищева предано земле в погосте, состоящем в одной версте от его деревни». Сказывают, что Его Святейшество большой почитатель Лескова. У того в «Соборях» можно прочесть: «В углу этого погоста местилась едва заметная хибара церковного сторожа, а в глубине ютился низенький трехконный домик просвирни...» Тоже речь идет о кладбище сельском. А на Красной площади — государственный мемориал выдающихся сынов Отечества. И слово «погост», где хоронят всех окрестных жителей деревни, звучит здесь уничижительно.

Во-вторых, на Красной площади похоронены вовсе не одни только «революционные деятели». Да и что такое «революционные деятели»? Они были ими в основном до октября 1917 года, а потом за известным исключением революционеров перманентных, кстати, конечно, на Красной площади и не нашедших места, они стали государственниками, строителями державы, ее защитниками. Здесь похо-

ронены великие ученые, знаменитые полководцы, пионеры космоса... Его Святейшеству не по душе, что здесь покоится прах И.В. Курчатова и С.П. Королева, И.Д. Папанина и Ю.А. Гагарина, Маршалов Г.К. Жукова и К.К. Рокоссовского? Да уж не потому ли, что все они были членами Коммунистической партии Советского Союза? Или главная печаль Его Святейшества — могилы В.И. Ленина и И.В. Сталина?.. Тогда тут уместно сказать, что наша Родина остается пока независимой не благодаря его перманентно хмельному другу, сидящему в Кремле, а благодаря великому труду, неусыпной заботе как раз тех, чей прах в кремлевской стене и около нее. Названный друг только разорял страну, разрушал своей бездарностью и сумасбродством ее могущество и славу, а те возвели ее до уровня сверхдержавы, вручили атомное оружие, которое сейчас только и уберегает нас от судьбы Югославии, в чем сомневаться могут только такие олухи царя небесного, как Гайдар или Юшенков.

Кроме того, полезно напомнить, что весь «погост» занимает лишь узкую полосу у стены, это малая часть огромной площади.

* * *

Заявление Патриарха не было образцом прямоты и ясности. С одной стороны, он явно выражал недовольство тем, что на красивейшей и самой главной площади похоронены «деятели революции», а с другой — возмущался, что «на их костях», то есть на костях именно их, устраивают пляски. С одной стороны, не упоминал конкретно Ленина и Сталина, но с другой — говорил обо всех «деятелях», а значит, и о них.

Сразу после смерти И.В.Сталина, 6 марта 1953 года, было принято решение ЦК КПСС и Совета министров СССР о строительстве Пантеона, куда предполагалось перенести прах всех похороненных на Красной площади. Но, думается, что в те траурные дни это решение было принято

в спешке, во всяком случае, его широкого предварительного обсуждения не было. И не случайно в последующие лет тридцать пять советской власти никто о Пантеоне не вспоминал. И вот теперь вспомнили и поддержали решение коммунистов Марк Захаров, Ельцин, Пугачева, Жириновский и, увы, Патриарх.

Что ж, пантеоны есть в некоторых странах. Так, в Вестминстерском аббатстве покоится прах Ньютона, Диккенса, Дарвина... Почему в благоденствующей стране и не обсудить такую проблему в тихое благополучное время. Но ведь Его Святейшество не может не знать, что вопрос о Мавзолее превратился в нынешнее взрывоопасное время в предмет острейшей борьбы между силами патриотическими и антирусскими. И вот, проходя по Красной площади, Предстоятель взял и плеснул лампадным маслицем на готовый вспыхнуть костерок, который может стать пожарищем... И ведь не скажешь: «Прости их, Отче, ибо не ведают что творят...»

1998 г.

С КЕМ ВЫ, МАСТЕРА АМВОНА?

Это не вопрос, как в знаменитой статье классика, а возглас горького недоумения по поводу всем известного...

На страницах «Советской России» и некоторых других изданий еще бушуют страсти, схлестнувшиеся после публикации 26 июля письма десяти академиков, озабоченных «все возрастающей клерикализацией нашего общества». И уймутся ли эти страсти?..

13 августа митрополит Кирилл (Владимир Гундяев) заявил по телевидению, что готов встретиться с академиком. Группа писателей и артистов, историков и военных, в основном московских, на страницах «Советской России» и «Завтра», епископ Лонгин в саратовской газете «Взгляд» и

другие оппоненты ученых уже заочно встретились с ними. Но встреча с глаза на глаз, к сожалению, не состоялась.

И я вспомнил при этом один эпизод замечательной сказки Пушкина «О попе и о работнике его Балде». Помните? В порядке борьбы за социальную справедливость бестрашный правозащитник Балда — это вам не демократическая мямля-антисоветчик Лукин! — решил провести налоговую реформу и обложил паразитическое чертово племя прогрессивным налогом на доходы и недвижимость (печи для поджаривания грешников и т.д.). Избалованное бесовское племя панически перепугалось. Послали к Балде бесенка, первоклассного переговорщика, каким славился когда-то у демократов наш Касьянов, например, и строго наказали, чтобы выше чем на 13 процентов касьяновец не соглашался.

Вынырнул подосланный бесенок,
Замяукал, как голодный котенок:
«Здравствуй, Балда-мужичок;
Какой тебе надобен оброк?
Об оброке век мы не слыхали,
Не было чертям такой печали...»

Представляете, даже не слыхали! Начался спор: 13 процентов для всех, независимо от доходов, или прогрессивно возрастающий? Балда стыдит бесенка. Да ты посмотри, говорит, что в других царствах-государствах! Богатые платят 40 — 50 процентов, в Англии даже 65, а вы, бесовское племя, олигархово отродье, даже от 13 увиливаете.

Тогда inferнальный переговорщик предложил решить спор посредством состязания в беге на длинную дистанцию вокруг касьяновского или солженицынского поместья в Троице-Лыково: кто прибежит первым, тот и прав.

Засмеялся Балда лукаво:
«Чего ты это выдумал, право.

Где тебе тягаться со мною,
Со мною, с самим Балдою...
Это было б лишь времени трата.
Обгони-ка моего меньшого брата».

Надеюсь, читатели помнят, чем дело кончилось: Балда с помощью невинной уловки заставил-таки российских чертей платить прогрессивный налог, как в Англии, и те начали с тоски вымирать. Вот бы нашему президенту взять пример с Балды!

* * *

Вспомнив этот эпизод, я подумал: а не сыграть ли и мне в неоконченном по сути споре роль меньшого брата академиков?

В этом качестве, а также как солдат Великой Отечественной войны я встретился бы со святым отцом и прежде всего спросил, в каких войсках товарищ Гундяев служил. Случаем, не в кавалерии? Не в разведке? Или на Балтийском флоте, корабли коего уже в нынешнем сане посетил еще в 1992 году? Явившись в том же году на Всеармейское офицерское собрание, митрополит заявил: «Церковь окружила людей ратного труда заботой, вниманием и любовью» (Наш современник, №5, 92).

Прошло 15 лет, и сейчас я спросил бы: что именно означают эти несколько отвлеченные слова, что конкретно за ними стоит, кроме молитв будто бы «за каждым богослужением»? Может быть, «забота» означает, что церковь построила на свои средства дома для военнослужащих? А «любовь» — это школы для их детей, больницы? А «внимание» — кого-то вызволили из чеченского плена? Что, говорю, именно? Ведь не раз приходилось читать, что Ельцин предоставил РПЦ какие-то весьма выгодные возможности в торговле вином и табаком и что тут хорошие деньги. Об

этом напоминают некоторые участники и нынешней дискуссии. Они правы? А я еще спросил бы, что двигало высоким иерархом, когда он на том офицерском собрании уверял слушателей, будто все «семь десятилетий советское общество потешалось и глумилось над памятью православных священников и яростно топтало могилы их» (там же). И зачем святой отец поносил с трибуны «сталинскую империю», все «последние семь десятилетий» советских, еще и утверждая, что они «не имеют ничего общего с исторической общностью народов, населяющих наше Отечество» (там же).

Сталин в знаменитой отповеди Демьяну Бедному за его фельетон «Слезай с печки!» и другие, в которых тот стал «провозглашать на весь мир, что Россия в прошлом представляла сосуд мерзости и запустения, что стремление «сидеть на печке» является чуть ли не национальной чертой русских», — Сталин тогда, еще в 1930 году, заявил, что, не говоря уж о крестьянах, но даже «русские рабочие, проделав Октябрьскую революцию, конечно, не перестали быть русскими» (Сталин И.В. Соч. Т. 13, С. 25). Не перестали! Были русскими и остались русскими. А вы — «ничего общего»! А вы — Советскую эпоху, сделавшую родину великой сверхдержавой, на свой лад изображаете сосудом мерзости и запустения. Вы, святой отец, далеко превзошли баснописца и фельетониста Демьяна Бедного, по выражению Троцкого, «кавалериста слова».

Как же рядом с приведенными фактами выглядит ваша попытка свалить нынешние мерзости на советское, которого нет уже двадцать лет, прошлое «со всем его бесчувствием к национальному, культурному и религиозному началам»? Вы еще и настаиваете: Советская власть «игнорировала национальные начала» (цит. соч. С. 4).

Да за тысячу лет никто больше коммунистов не сделал для расцвета национальных культур, и прежде всего — русской. Вам нужны цифры? По России вы их обязаны знать

сами при всей вашей ненависти к ним. А по бывшим республикам СССР дайте задание своему Отделу внешних сношений. Вам представят картину: что там было до революции и что стало за эти тупо прокливаемые 70 лет.

Сталин писал Д. Бедному: «Критика недостатков жизни и быта СССР, критика обязательная и нужная, стала перерастать в Ваших произведениях в клевету на СССР, на его прошлое, на его настоящее» (Цит. соч., С. 25). Перед вами, святой отец, Демьян Бедный — дитя. В ваших словах нет ничего обязательного и нужного, а одно только поправление правды. Но понося Советское время, все же сквозь зубы иногда лицемерно признаете хотя бы такие факты, что «многие люди получили жилье при прежней социально-экономической системе». Лицемерие тут в том, что не смеете выговорить «в Советское время», а с другой стороны, умалчиваете, что жилье-то получали, как правило, бесплатно.

Вам учиться бы надо у коммунистов защищать прошлое и настоящее родного народа, как, впрочем, и родную землю. Иногда вы что-то мурлычете о порнографии, проституции, грабеже и тому подобных прелестях демократии. Но ведь одни общие слова, никаких фактов, никаких имен! Вы их боитесь. А каким жалким тоном обращаетесь вы к власти! Вчитайтесь в свое «Соборное слово» XI Всемирного собора: «Мы поддерживаем решение убрать из городов средоточия греха — казино и другие игровые заведения». Если понимаете, что это средоточие греха, то церковь перед родным народом и перед Богом обязана была не «поддерживать» решение власти спустя три года, а первой выступить против этого греха. Да не словесно, не речью с амвона, а на крестный ход народ поднимать. Как недавно в Бирме вышли на демонстрацию буддийские монахи по непостижимой для вас причине — повышение цен на бензин. Вот они вместе с народом. А вы?.. И почему же «убрать из городов» только? А деревни и села, вся остальная наша земля — на нее церкви наплевать? Пусть она гибнет в гре-

хе? Коммунист Фидель Кастро запретил эти «средоточия» во всей стране. А ведь они существовали на Кубе сотни лет. И тут есть, батюшка, у кого вам учиться. Но вы боитесь сказать в полный голос против того, что появилось на нашей земле только что и корней не имеет.

Кончается то ваше «Соборное слово» так: «Судить об итогах политики народ будет по конкретным делам». Вы как с неба свалились! Словно эти люди только что пришли к власти. Да они уже двадцать лет! Каких еще ждете итогов, раб Божий, если вот уже пятнадцать лет жертвами их политики и конкретных дел ежегодно становится миллион жизней!

«Сделаем же все, чтобы искоренить бедность, чтобы Родина стала духовно и материально богатой». Какая пустая декламация, рассчитанная на олухов царя небесного! Что — все? Прежде всего надо вернуть народу то, что украли у него Ельцин, Чубайс, Гайдар.. Но разве вы посмеете это сказать! Ведь ваш предстоятель объявил Ельцина не гробовщиком России, а Владимиром Святым нашего времени по прозванию Красное Солнышко.

И неужели во время речи на том Всеармейском офицерском собрании не пришла вам в голову, святой отец, простая мысль, что ведь слушают вас в большинстве своем офицеры-коммунисты, приносившие присягу Советскому государству, но преданные, брошенные и государственным и военным руководством, оклеветанные и нищие. Конечно, мог там быть какой-нибудь полковник Шаравин, слушавший вас сочувственно, как нашелся редактор, напечатавший вашу речь. Но что, кроме отвращения, вызывала ваша клевета у большинства? И потому сеяли вы не согласие и умиротворение, а раздор и злобу.

Господи, а каким языком-то все это было сказано! «Эта общность ничего не имеет общего»... «нравственная мотивация ратного труда»... «...тенденция к радикальной реализации суверенитета»... Тут из пяти слов русское только

предлог «к». Да ведь Суслов-то лучше говорил. И Сванидзе говорит приличней, и Новодворская.

А вот пример уж просто загадочный: «власть предержажие...» Это о ком? На неужто не читали вы, святой отец, Послание апостола Павла римлянам? Оно же так широко известно. Там сказано: «Всяка душа властем предержажим да повинуется. Несть бо власть аще не от Бога» (13, 1 — 5). Власть предержажая — высшая власть, но нелепость — какие-то люди, «власть предержажие», за фалды, что ли.

* * *

А еще поинтересовался бы я, знает ли г-н Гундяев обращение Гитлера к немцам 22 июня 1941 года, которое Геббельс в этот же день огласил по радио. Думаю, что не знает. А оно начиналось так: «Немецкий народ! Национал-социалисты!» И дальше на протяжении всего длинного и многословного обращения: «Национал-социалисты!.. Национал-социалисты!.. Национал!..» То есть с самого начала было означено, что это нацистское нашествие. А кончалось обращение мольбой к небесам: «Да поможет нам Господь в этой борьбе!» То же самое и в его приказе в этот день по войскам, изготовившимся к вторжению: «Да поможет нам в этой борьбе Господь Бог!» А у немецких солдат, с винтовками, пулеметами и гранатами ринувшихся с рассветом 22 июня на спящих женщин и детей Советского Союза, на ремнях были крупные сияющие пряжки со словами «Got mit uns!» («С нами Бог!»). То есть нацистское вторжение сверху донизу прикрывалось именем Бога.

Чем дело кончилось, я полагаю, тов. Гундяеву известно. Так в чем же состоял Промысел Божий? Как объяснить, что если все совершается по Его воле, почему он оружием Красной Армии, ведомой коммунистами, жестоко покарал тех, кто Его славил и шел в бой с Его именем на пузе, а спешествовал тем, кто о Нем и не вспоминал?

Конечно, русская церковь сыграла добрую роль в годы войны: ободряла верующих, утешала скорбящих вдов и сирот, собрала средства на танковую колонну «Дмитрий Донской», на авиаэскадрилью «Александр Невский». Но в то же время на территории, захваченной немцами, иные служители РПЦ, к сожалению, вели себя совсем не так, о чем сейчас лучше не вспоминать. Однако победа была за нами! Не атеисты в Москве, а верующие в Берлине подписали безоговорочную капитуляцию. Тут богатая пища для религиозных размышлений...

Но — это уже сравнительно далекая история. А вот события совсем недавних дней. 16 августа в Перу произошло землетрясение силой в 8 баллов. Погибло более 500 человек, ранено свыше 2000. И во всей этой ужасной трагедии загадочно выглядят два факта. Рухнули, до основания разрушились самые почитаемые в стране святыни: в городе Писко — церковь Св. Клементя, а в городе Ика — церковь Сеньор де Лурен. Спасатели предполагают, что в первом случае под еще не разобранными руинами погибло до 200 молившихся мужчин, женщин и детей, во втором — несколько десятков. Мир их праху... И одновременно в городе Чинча обрушилась не кровля, а только одна из стен большой тюрьмы, и около 600 заключенных бежали. Как же так? Божьи храмы рушатся в прах, а тюрьма — лишь частично; молящиеся гибнут, а безбожные преступники обретают свободу. В чем и тут, учитель, Божий Промысел? Ведь Бог всеведущ, всемогущ, вездесущ и всемилостив. Не так ли?..

* * *

Потом я обратил бы внимание собеседника на то, что в своем письме его единомышленники и защитники кое в чем весьма важным сами себе противоречат, сталкиваются лбами. Так, в начале они пишут о православной культуре как о «составляющей отечественной культуры», против чего ни-

кто и не возражает. Но тут же она объявляется «истоком» и «духовной сутью» нашей культуры. Так составляющая или суть? А в конце письма еще круче: «Основы православной культуры были, есть и будут самыми главными и непоколебимыми основами, на которых зиждется великая, многонациональная, русская культура». Но, во-первых, наша культура вовсе не многонациональная, это просто русская культура. Ваши собратья, святой отец, путают вопрос национальности с тем, что деятели русской культуры могут быть этнически и не русскими, как украинец Гоголь, турок по матери Жуковский, без единой капли русской крови Даль, то же самое — евреи Левитан и Пастернак... Перечислять можно долго, вплоть до поляка по отцу Рокоссовского и Шолохова, мать которого украинка. И среди этих славных людей, составляющих гордость русской культуры, есть те, кто никогда не был ни православным, ни вообще верующим. Как быть, допустим, с католиком Святославом Рихтером — не наш? А еще раньше — Чаадаев или Вячеслав Иванов, перешедшие в католичество, — тоже выбросим? Но главное — все же «составляющая» или «суть» и «основа»?

А далее приводится длинный список имен мыслителей, писателей, ученых, полководцев от митрополита Илариона и иконописца Андрея Рублева до Менделеева, Пирогова, академика Павлова. И среди них — ни одного человека Советского времени! Да хоть бы себя, что ли, вставили писатели Котькало, Дорошенко и Бондаренко. Нет! Отсюда неизбежный вывод: русскую культуру Советского времени авторы письма не считают русской культурой, напроочь отсекают ее, не жалея при этом даже самих себя, таких замечательных. И культура Руси до ее крещения тоже для них не существует.

Таким образом с того и другого конца обрублено лет 250 — 300. В других землях особо старательные патриоты всеми правдами и неправдами стараются расширить поле своей национальной истории и культуры, например, гово-

рят, украинцы уже доказывают, что полное имя одного из братьев-основателей Рима и его первого царя Ромула на самом деле Тарас Ромуленко, а наши суперпатриоты озабочены тем, как бы половчее усечь русскую историю и культуру. Уникальное явление в сфере умственной деятельности. Отсечение советской культуры тем более удивительно, что ведь не только Бондаренко и Дорошенко, но и подписавшие письмо Ганичев, Карпов, Куняев совсем недавно состояли в Союзе советских писателей и были там очень большими начальниками.

Доктор физико-математических наук А.Б. Попов из Дубны спрашивает в «Советской России» авторов письма-ответа: защищая православную духовность и культуру, готовы ли они к названным ими столпам нашей духовности отнести и Белинского, Герцена, Чернышевского, Толстого, а также — Алексея Толстого, Пришвина, Шолохова и других крупных советских писателей?

Ну, о советских писателях уже сказано: ни один не подходит для их понимания русской культуры. А некоторые объявлены авантюристами, другие — даже преступниками. Что же касается классиков XIX века, то, например, Белинский у них «большой путаник», о чем еще будет речь дальше, о Герцене один подписант давно объявил: «Понятие чести у него было полностью разрушено». Его коллега по работе А. Сегень, секретарь Союза писателей России и лауреат каких-то премий, поведал в интервью: «Перечитай-те повесть Толстого «Хаджи Мурат». Ее написал предатель России» (Десятина, №2, 2001, С. 7). И тому подобное.

* * *

В ненависти к русской литературе эти люди плотно смыкаются с такими фигурами, как протоиерей Михаил Ардов, сын Виктора Ефимовича Ардова. Это был, по словам хорошо знавшей его Э.Г. Герштейн, «развязный, охальный

анекдотчик-юморист». Ардов-младший совмещает церковную службу с писанием по-отцовски развязных, охальных сочинений, за что назван Евгением Рейном «одним из лучших прозаиков моего поколения».

Белинский у него — «полуграмотный неуч». Чернышевский — «нравственный урод и графоман». И так до Шолохова: «Памятный нам персонаж, любимец палачей». По пути, разумеется, не забыт и Пушкин: «почти всю жизнь прожил кощунником, развратником, дуэлянтом, картежником, чревоугодником... волочился за графиней Воронцовой...».

Ну, «волочился», если святой отец другого слова не знает. Но после этого остались гениальные стихи, которые своим благородством и красотой воспитывали множество поколений русских людей. А за кем волочился сам батюшка и что после этого осталось? Еще интереснее узнать бы, чем, кроме юмористики, занимался его родитель.

Эмма Герштейн писала, что после долгих лет довольно дружеских отношений «Ахматова стала холодно относиться к Виктору Ефимовичу... В конце концов Анна Андреевна потеряла к нему доверие» (Цит. соч., с. 485).

В чем дело? М. Ардов изображает родительский дом на Ордынке некой уютной обителью свободы и вольнодумства. Но вот что писала об ордынском монрепо Надежда Мандельштам, часто бывавшая там с Ахматовой. Она также подтверждает, что «Ахматова не доверяла этому хохмачу». И дальше: «Мы не случайно воздерживались в квартире Ардовых от лишних разговоров — этот умел записывать и улавливать с голоса все, что требовалось. Ни одного неосторожного слова мы при нем не сказали». И тут же строчки из Ахматовой:

Окружили невидимым тыном
Крепко слаженной слезки своей...

И наконец, несколько раз упомянув о письме Ардова во время дела Льва Гумилева в важные инстанции, Мандельштам прямо пишет, что это «предательство Гумилевых, отца и сына» было лишь «ничтожной вехой на славном пути седобородого хохмача Ардова» (Вторая книга. М., 1990. С. 475, 254 и 31).

Что за всем этим стоит? Поделился бы, батюшка.

* * *

Приходится признать, что письмо в защиту претензий РПЦ написано развязно и недобросовестно. Авторы приписывают академикам свои собственные выдумки. Например, уверяют, что «причиной их обращения к президенту явилось решение недавнего XI Всемирного русского народного собора о необходимости введения (имеется в виду в школьные программы. — В.Б.) курса «Основы православной культуры». Писателям, историкам и военным хорошо бы понимать разницу между причиной и поводом. В данном случае помянутое решение ВРНС явилось лишь поводом.

А причин, как всегда, много. На мой взгляд, одна из самых важных в том, что и церковь и Собор часто заняты совсем не тем, чем следовало бы, и не занимаются тем, что их прямой долг. Антиакадемики с гордостью сообщают: «Уже 15 лет ВРНС является трибуной широкого общественного мнения различных сил общества. И на XI Соборе главный вопрос был «Богатство и бедность». Осуждалось невероятное материальное расслоение, социальное неравенство, нищета и бедность, духовная и нравственная деградация общества в последние годы. Это было признано нетерпимым и требующим устранения».

И они еще гордятся, выставляют как заслугу то, что на 15-м году своего многоглаголения на помянутом XI Соборе наконец выдавили заветное словцо о нетерпимости нищеты и деградации народа, лживо изображая это бедой лишь

«последних лет». А при Ельцине лучше было? Да если Собор действительно трибуна широкого народного мнения, то он обязан был во весь голос сказать о великой беде еще в 1992 году, когда собрался впервые. Ведь уже тогда дело дошло до вымирания народа. Но вы ждали, когда перемрет 10 — 12 миллионов ваших братьев во Христе, и только после этого Валаамова ослица разверзла уста.

Да при том еще и хватает православного духа стыдить других: «Не замечено, чтобы эти академики решительно выступали против этого». «Эти против этого», т.е. против деградации и нищеты народа.

Не замечено только вами по причине подслеповатости, глуховатости, лежебокости или чрезмерной сосредоточенности на целовании святых мощей. Так говорил старик академик, когда они чухались.

Именно «эти академики» — покойный Дмитрий Львов, Виталий Гинзбург и Жорес Алферов — давно и решительно выступали «против этого» с самых высоких трибун общественного мнения. Вот, например, что гневно говорил со страниц «Литературной газеты» еще шесть с лишним лет тому назад нелюбезный вам академик В. Гинзбург (нелюбезный за свою антисоветчину и мне, но об этом в другой раз): «За время реформ произошло много уродливого, отвратительного... Как Ельцин разваливал Советский Союз!.. И сейчас ведь черт знает что творится! Отвратительно плохое управление. А социальное неравенство... Многие не могут купить даже лекарства. Стыд!.. А кругом какие-то латифундии, многомиллионные заборы... А капиталы олигархов — это же все наворовано. Но ведь они повсюду, куда ни плюнь. Необходимо принимать какие-то меры, чтобы обуздать всю эту сволочь... Я был членом комиссии по борьбе с привилегиями, пытался с ними бороться, выступал на собраниях, говорил с президентом — все бесполезно!.. Приватизацию можно было провести иначе, не дав обогатиться всякой швали».

Именно так говорил академик. А ведь ему уже тогда было 85 лет. Но на ваших одиннадцати молодежных соборах кто решился молвить об отвратительной работе власти? Кто набрался храбрости назвать приватизацию грабительской? Кто хоть одним словом вроде «сволочь» и «шваль» запустил в американского холуя Ельцина или в Березовского? А кто говорил с президентом о нищете и деградации народа — может, вы, святой отец, или сам патриарх? Не замечено...

Через два года в «Новой газете» Гинзбург твердил о том же: «Трагически взрывоопасным представляется мне разрыв между гигантскими богатствами меньшинства и нищетой большинства народа». Да еще с полным сочувствием и для подтверждения своего собственного взгляда привел слова академика С.П.Капицы, сказанные на президиуме Академии наук: «Если когда-нибудь будет суд над нашей эпохой, то СМИ будут отнесены к преступным организациям, ибо то, что они делают с общественным сознанием, иначе квалифицировать нельзя». Как называется эта эпоха? Ельцинско-путинская. Какие СМИ имеются в виду? Почти все, но перво-наперво — телевидение. На ваших Соборах, православные патриоты, за 15 лет кто-нибудь посмел назвать телевидение преступной организацией?

Наконец, выступал Гинзбург и в «Правде», при упоминании которой иные члены вашего Собора падают в обморок: «Я считаю самой важной сейчас проблемой социальное неравенство, я ненавижу жуликов. Многие живут на доходы ниже прожиточного минимума. У нас полные полки в магазинах, но весьма значительная часть населения не может ничего купить. Пенсионер не может купить даже лекарство — какой стыд!.. А какие-то «новые русские» посещают ночные клубы, разъезжают на иномарках, строят роскошные дачи, покупают недвижимость за границей. Как нажиты эти деньги? Акты приватизации представляются преступными. За границу утекли многие сотни миллиар-

дов долларов. Я возмущен всем этим до глубины души. Такое неравенство не имеет никакого оправдания. Это — основная угроза существованию страны!.. Я приветствовал бы любые разумные, пусть жесткие, меры для устранения безобразного разрыва между богатыми и бедными, коррупции и бюрократизма».

Кто на каком из одиннадцати ваших Соборов назвал приватизацию преступной? Кто на каком вашем Соборе предложил жесткие меры во имя спасения страны и народа? Кто из вас увидел в вопиющем социальном неравенстве опасность для существования страны и объявил об этом на Соборе?

* * *

Николай Коняев, один из авторов протестного письма литераторов, уже во время завязавшейся полемики еще и отдельно, самостоятельно вопрошает в «Советской России»: «Наши высокоученые академики обеспокоились опасностью преподавания в школе «Основ православной культуры». Но прозвучал ли хоть один голос деятелей науки, возмущенный глумлением над памятником Александру Третьему в Ленинграде?»

Да неужели непонятно, что ученым дело народного образования гораздо ближе и важнее единичного и анонимного факта неуважения к памятнику этому царю. Ныне таких фактов — не счесть! Автор именует царя «великим» и в доказательство приводит такие доводы: «Всю жизнь вставал в семь часов утра, обливался ледяной водой и надевал крестьянскую рубаху, русский кафтан и широкие шаровары... Мог согнуть пальцами серебряный рубль... Былинный персонаж!» Убедительно! Но корить за молчание в этом эпизоде следовало бы прежде всего монархистов (они же есть ныне, например, Сергей Семанов и другие коммунисты-монархисты), а также — людей искусства. По ряду соображений целесообразно было бы пристыдить Илью Глазунова:

он и монархист, и художник, и ленинградец. Кому, как не такому человеку возвысить голос! А он промолчал...

Весьма примечательно и такое заявление в письме православных патриотов: «Может быть, пора обществу поговорить о... мизерных вложениях государства в науку». Какая запоздалая маниловщина! Они, видите ли, 15 лет все еще предположительно размышляют: «может быть, пора»?.. А, может быть, еще рановато?..

Да ведь вся оппозиционная пресса, прежде всего «Правда», «Советская Россия» и «Завтра», давным-давно во все колокола бьют об этом. Отложите на часок «Четьи-миней», найдите в Интернете хотя бы «Правду» за 20 июля этого года, прочитайте там статью члена ЦК КПРФ и депутата Госдумы Виктора Видьманова, крупного экономиста и хозяйственника. Прочитайте. Может, и перестанете тогда — все перстом да все в небо. И «эти академики» тоже били тревогу изо всех сил.

Но пока приведу вам слова все того же избранного вами академика Гинзбурга почти семилетней давности: «Если перейти к разговору о науке, то основные проблемы тут связаны со скудным финансированием. Если еще лет десять продлится нынешнее безденежье, если научным работникам не будет существенно повышена зарплата, все придет еще в больший упадок. Бюджет США на 2001 год выделяет на науку 85,3 миллиарда. У нас же в целом по стране расходы на науку составят 760 миллионов долларов. На науку денег еще долго не будет хватать, хотя где-то крутятся огромные средства». Гинзбург поднимал и другой важнейший вопрос, связанный с наукой. В ту пору, когда президент ликовал по поводу бегства из страны ученых кадров («Это свидетельствует о их мировой конкурентоспособности!»), академик писал в надежде просветить кремлевские мозги: «Трагедия в том, что мы в значительной степени готовим студентов для Америки... Мы не можем создать для выпускников условия, сопоставимые с тем, что они находят на Западе».

Вы, православные, ничего этого не читали, т.к. читаете только те газеты, где сами печтаетесь. И вот, проведя 15 лет в бормотании и стенании о любви к великой России, отстав от того же Гинзбурга по меньшей мере лет на 8 — 10, еще и глумитесь над давно ушедшими вперед.

* * *

23 августа прошла Всероссийская акция в поддержку гибнущей деревни. В 60 регионах в 30-градусную жару состоялись митинги множества обездоленных и разоренных крестьян во главе с коммунистами. Над толпами реяли лозунги: «Вернем российскую землю народу!», «Остановим нищету и вымирание деревни!», «Возродим село — спасем Россию!», «Защитим Землю Русскую от нашествия оккупантов!», «Могильщики страны и народа — вон из правительства!», «Долой антинародный режим!», «Путин и Фрадков развалили сельское хозяйство!»...

Да, 90-летний академик Гинзбург не участвовал в народном протесте. Но кто из вас-то, писатели-патриоты, метнул там грозовую речь или хотя бы подержал плакатик? А ведь вы в большинстве своем, в отличие от академика, сами родом деревенские, многие из вас так и слынут «деревенщиками». Но кто же из вас участвует в движении «Крестьянский фронт», который под руководством Марии Прилежаевой сказал 23 августа свое гневное слово? А по возрасту иные из вас годятся академику в сыновья, а то и во внуки: Л. Бородин (1938), В. Крупин (1941), Н. Коняев (1949), Н. Дорошенко (1951), Н. Переяслов (1954)...

Что удержало от поездки в этот день на малую родину, допустим, Ганичева — в Ленинград, Распутина и Бородина — в Иркутск, Белова — в Вологду, Крупина — в Киров, Мустафина — в Уфу, Бондаренко — в Петрозаводск, Дорошенко — в Курск, Г. Иванова — в Бежецк? Хоть все вы, кроме, кажется, одного, ныне писательские председатели да секре-

тари, но как же не поддержать земляков в их нужде и гнев! Или страшно было стоять под плакатами, среди коих красовались и такие: «Помни, буржуй, о крестьянских вилах!»

Али все ныне распрекрасно, Валентин Григорьевич, в родной деревне Усть-Уда? Али расцвела и благоухает на всю Вологодчину твоя Тимониха, Василий Иванович? Или уж просто бесполезно было ехать, поскольку вымерло ваше село Кильмезь, Владимир Николаевич?.. Или вы все ждали, когда выйдет на митинг академик Гинзбург, чтобы уж по привычке идти следом за ним?

Тут надо назвать еще примкнувшего Александра Боброва. Он решительно поддержал своих собратьев. В большой статье «Три спаса», напечатанной в «Советской России», он известил нас: однажды еще в юности «в зыбкий миг на границе мглы и света я поклялся, что положу всю свою жизнь, все отпущенные мне силы и способности на то, чтобы запечатлеть, воспеть и сберечь русскую красоту». Прекрасно! И вот в письме академиков он, как видно, усмотрел страшную угрозу для исполнения своей благородной аннибаловой клятвы.

С негодованием писатель обрушился на невежество и бескультурье, что «прут сегодня изо всех щелей». Справедливо! Да и кому, не щадя себя, бросится в бой против этого, как не человеку, окончившему Литературный институт да еще и Академию общественных наук при ЦК КПСС. Академию! При ЦК! Может, с самим Суловым ручкался. А теперь гневно бросает в лицо невеждам: «Учиться надо!» Верно!

Правда, иногда, к сожалению, он палит из крупнокалиберных пушек эрудиции по жалким воробьишкам невежества. Вот заметил на вокзале транспарант со стихом, в котором пропущена запятая — пишет об этом в свою газету. Вот стыдит другую газету за то, что к статье о кинорежиссере Александре Столпере там присобачили портрет Валентина Катаева. Что это за газета? В Большеве выходит, районная. Да что с нее взять, с районной-то! Ведь даже из сто-

личных щелей, даже из правительственных сегодня прут примеры куда похлеще.

Вот скончался великий композитор Тихон Николаевич Хренников. Телевидение скорбно сообщает: «Это он написал незабываемую песню «Шаланды полные кефали»... А что однажды отмочило супердемократическое и архиинтеллигентное НТВ! Показало душераздирающую картину похорон писателя Д.Г.: утопающий в цветах и лентах гроб, скорбные лики родных и друзей, траурный Бетховен... Я плакал. А потом оказалось — в гробу лежал академик Гольдманский Виталий Иосифович — царство ему небесное! А Д.Г., слава Богу, и поныне здравствует, продолжает регулярно получать ордена, премии и вполне заслужил медаль «За долголетие». Так сравните: в районной газете перепутали двух все-таки деятелей искусства и все-таки усопших, и им это, увы, уже до лампочки, а тут на центральном телевидении — живого писателя перепутали с усопшим ученым, который еще и моложе живого. Правда, оба члены КПСС и лауреаты Ленинской премии. Каково было пережить это Д.Г.! И ведь никто не извинился. А вы говорите, Катаев...

* * *

Однако следует признать, Бобров отнюдь не всегда палит по воробьям. Однажды заодно с Ардовым добрался тоже до Белинского, до орла! В той же «Советской России» он уверяет, что великий критик был «большим путаником» и даже «иногда превозносил то, чего стыдиться надо». Что, разве критик напутал, дав высокую оценку Пушкину, Лермонтову, Гоголю, первым шагам Достоевского? Чего ему тут стыдиться? А ведь это было главным в его работе, в частности же кто из смертных не ошибался? Впрочем, кое-чего Белинский и стыдился, например, своей статьи о «Горе от ума» Грибоедова. Тут занесло неистового...

Но Бобров имеет в виду не это, а знаменитое «Письмо» Белинского, в котором он решительно осудил «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя. Да, осудил. Но ведь эти «Места» далеко не главное у великого писателя, не ими он остался гордостью русской литературы. И хорошо бы помнить, что полтора века лучшие умы России были здесь солидарны с Белинском. Сам же автор упоминает, что Достоевский был приговорен к смертной казни за то, в частности, что распространял это «Письмо». И только ныне, в эпоху благоухающей демократии, когда библиотеки называют именами гробовщиков родины, а прохвостам сооружают памятники, стали поносить и «Письмо», и всего Белинского да глумятся и над самим Гоголем. В Александринке, на сцене которой за полтора века играли Каратыгин и Комиссаржевская, Николай Симонов и Николай Черкасов, Меркурьев, Борисов, Горбачев, на этой сцене мерзавец худрук, именующий себя Фокиным, выполняя завет Мейерхольда, заставил в своем «Ревизоре» Марию Антоновну сексуальничать с Хлестаковым. Рассказать, что проделывают еще и с Чеховым?.. Честному человеку не рука принимать участие в этом хотя бы отдаленно.

А между тем, о многом говорит даже такая частность: «Письмо Белинский написал в благословенном западном курорте Зальцбруни». Во-первых, не «бруни», а «брунн». А главное, зачем это упомянуто? Чтобы ненавязчиво намекнуть, как роскошно жил критик, блаженствуя на знаменитых курортах? Да ведь он поехал туда на средства, собранные Боткиным. И не помог ему с его чахоткой благословенный курорт: через год в возрасте 37 лет критик скончался. И друзья похоронили его вскладчину.

Тут невольно подумаешь: еще надо посмотреть, кто больший путаник. Белинский, например, не путал царя Алексея Михайловича с никому не ведомым царем Александром Михайловичем, как Бобров; если был бы верующим, воздержался бы назойливо и без меры, щеголяя сво-

ей религиозностью, совать в свои газетные тексты имена святых, религиозные праздники, названия церквей и т.п., как это делает Бобров; не писал критик, что Аустерлицкое сражение произошло во Франции, как мы читаем ныне у Боброва, будто Брусиловский прорыв наша армия совершила в Карпатах; не стал бы он картины любимых художников, такие, допустим, как «Христос в пустыне» Крамского или «Богатыри» Васнецова, называть по-другому, как вздумается; не стал бы вслед за Радзинским уверять, что в 1927 году «Сталина мало кто знал», — это на шестом-то бурном году во главе партии, а по существу и страны; не повернулся бы у Белинского язык сказать «празднование (!) годовщины со дня гибели Пушкина»; не поставил бы он в один ряд с Сергеем Королевым и Михаилом Шолоховым не очень великого писателя Елизара Мальцева (Пупко) как Героя Социалистического Труда, каковым тот никогда не был в отличие от знаменитого полевода Терентия Семеновича Мальцева, дважды Героя; и уж можно дать голову на отсечение, что не взбрело бы Виссариону Григорьевичу на ум учить нас патриотизму на примере дикого средневекового закона, принятого ныне в некоторых странах, по которому за малейшее сомнение в холокосте дают тюремный срок. Да, не взбрело бы, не стал бы, не перепутал бы... Кому тут стыдиться надо?

Уж заодно надо отметить относительно путаницы, что у адептов клерикализации немало ее (путаницы) как раз в религиозных понятиях, речениях, терминах. Например, случилось как-то мне одного священнослужителя назвать «святым отцом». Боже, что тут началось! Как на меня накинулся некий шибко православный писатель! «Он живого человека назвал святым! Это издевательство, это глумление!..». Новообращенные патриоты не знают, что есть высокая процедура причисления к лику святых и есть житейское обыкновение называть священников святыми отцами. Ну заглянули бы хоть в «Бориса Годунова» — там это мож-

но видеть. Другой писатель этого круга однажды воскликнул о Боге: «Он есмь!» Как его Господь тотчас не покарал — загадка. Ведь это «аз есмь», а ты — еси, он — естмы, они — суть и т.д. Третий патриот пишет: «скудельная толпа». Что такое? Видимо, слышал церковное выражение «сосуд скудельный». Но слово это означает «глиняный», и только. При чем же здесь толпа? Такие примеры желания блеснуть церковным словом, библейским оборотцем, без понимания их смысла и значения, увы, у наших патриотов нередки. Что делать!..

Но вот что главное-то. Чуть не со студенческих лет член КПСС, воспитанник ЦК, сотрудник вроде бы коммунистической газеты, а с каким почтительным придыханием говорит он на страницах этой газеты о фигурах, деликатно выражаясь, уж совсем некоммунистических. Из статьи в статью таскает и цитирует, например, антисоветчика №1, всегда именуя его, в отличие, допустим, от Белинского или Гоголя, по имени-отчеству: Александр Исаевич. Или: никогда не напишет просто «патриарх», а непременно — Святейший Патриарх Московский и Всея Руси — пять слов подряд и все с заглавной буквы! И «Церковь» с заглавной, но «царь» и даже «бог» — с маленькой (хотя бы СР, 18.10'07). В какое ж положение православный коммунист патриарха ставит! Выше Бога!..

А вот как примечательно сказано: «25 августа 1917 года по приказу Верховного Главнокомандующего русской армией, генерала Лавра Георгиевича Корнилова, к Петрограду был подтянут кавалерийский корпус».

Как торжественно! Можно подумать, что под командованием этого Верховного Лавра было спасено отечество. А зачем, с какой целью был «подтянут» кавкорпус Крымова? Молчание... Приходится объяснить: с целью удушить революцию и разогнать Советы. Но регулярная армия и части Красной гвардии дали отпор. Мятеж, которому содействовали Англия и Франция, провалился. Крымов застрелил-

ся. Лавр Георгиевич удалился — бежал в Могилев, в Ставку. Там его арестовали вместе с Деникиным и другими генералами, но удалось бежать, чтобы вскоре погибнуть в рядах Добровольческой армии, готовившейся к походу на советскую Москву.

Да, к Корнилову, Солженицыну и патриарху писатель-патриот весьма почиттелен, но совсем иначе в устах вчерашнего коммуниста звучат слова о недавнем советском прошлом. Например, ему, видите ли, в Академии при ЦК «занудно преподавали политэкономiku (так в тексте), марксистскую эстетику и социалистическую культуру, втолковывали догмы хуже теологических». Да кто ж заставлял тебя, несчастного, терпеть такие муки мученические? Разве в Академию насильно загнали, по мобилизации? Плюнул бы на догмы да ушел себе на вольные хлеба и сочинял бы для Чикина частушки. Нет, высидел полный курс да еще кандидатскую защитил. Не на тему ли «Религия — опиум народа»? И этого стыдится бы надо.

От ненависти к «марксистам» автор даже теряет способность ясной речи. Например: «Все гневные отклики марксистов были обращены — (?) к иерархам, богатым и политически обязанным представителям церкви». Что это такое — какие, какого характера отклики? каких марксистов? где? что за политически обязанные представители церкви? в чем состоят эти их обязанности?..

Дальше автор сообщает: «Я непрерывно(!) езжу по России. Я знаю реальную жизнь. Вот яркие примеры». И рассказывает о двух священниках. Протоиерей Николай Новоселов восстановил в селе Черемухово Курганской области церковь, воспитал шесть детей. А теперь его зятя и сын окончили Духовную семинарию и четверо внуков — там же. Идет расширенное воспроизводство клириков. Прекрасно!.. А в подмосковных Снегирях отец Александр тоже «спонтанно(!) решил восстановить храм... Теперь храм сияет куполами». Мало того, в школе при храме детей кормят.

Да еще батюшка газету издает. Замечательно! Интересно, как газетка называется — «Любая власть от Бога»? Или — «Христос терпел и нам велел»? Да неужто — «Царство Божие не для богатых»? Неизвестно...

* * *

И вот гневный финал рассказа о богоугодных деяниях: «Кто мне из наших марксистов-полемистов приведет подобные примеры действий при загнувшемся сельском клубе или кабинете политпросвещения? Я с интересом и с энтузиазмом распространю такой опыт! Но его просто нет».

Скажите, как решительно и с каким презрением к марксистам-полемистам! Но, во-первых, хотелось бы знать, откуда средства у названных подвижников веры? Не святой же дух восстановил храмы из руин, устроил питание для детей да еще газетку учредил. Тут нужны тысячи да тысячи. Откуда они? Толстой, например, на создание школы и на издание журнала свои средства тратил. А тут? Автор почему то деликатно молчит. А ведь это очень важно знать в свете таких, например, фактов.

9 августа в той же «Советской России», в которой давно сотрудничает А. Бобров, инженер О.А. Головин сообщал, что «в Калининграде к 750-летию города построена церковь, она обошлось в несколько сотен миллионов рублей, хотя сама церковь обладает большими средствами. Недавно вступила в строй еще одна — на улице Комсомольской». 23 августа москвич В.Н. Буравлев спрашивал: «Почему церковь молчит, что народ вымирает, когда иные попы живут как олигархи? Почему строят церкви на государственный счет? Почему с нас дерут такие деньги за крещение, венчание, отпевание — это по-христиански? Зачем внедрять попов в армию? Солдат насильно гонят на молебен, а они смеются». 30 августа С.В. Волощук из Краснодара писал там же: «Губернатор Ткачев просто обезумел от любви к церк-

ви. На фоне вымирающего народа в крае построено более 350 церквей». Даже если допустить, что тут описка или автор ошибся в десять раз и построено только 35 церквей, все равно — откуда средства?.. А 8 сентября все в той же «СР» мы читали, что в Омской области «за последний год закрыли 97 сельских школ (считай — уничтожили столько же деревень). Зато в последнее время на бюджетные средства построено 10 церквей» (стр. 2). И ведь такая картина — повсеместно.

Мало того, заявив, как Буравлев, что «церковь купается в золоте, а народ вымирает», некоторые товарищи вспомнили кое-какие подробности прошлогоднего ограбления квартиры известной Л.К. Слиски, вице-председателя Думы. Обнаружив поразительную в таких делах память, мадам тогда составила список украденных вещей — часов, кулонов, колье, браслетов и т.д. — всего 90 предметов. Потом корреспонденту «Комсомольской правды» она весь список прокомментировала. Много тут было подарков Чубайса, Касьянова, Лужкова, Миронова, Зурабова, Ресина... Но, к изумлению православных, среди них оказалось немало подарков и священнослужителей, причем в широчайшем диапазоне — от безымянных до самого патриарха. Находят же средства для таких галантных дел! Например, вот одна пропaja: «Цепочка золотая и подвеска с образом Николая Чудотворца». Слиски: «Подарок одного из священников». А вот другая: «Икона Богородицы. Серебро и сусальное золото стоимостью 40 тыс. рублей». Слиски: «Это все подарки священников, которые поздравляли меня с днем рождения». Вы подумайте! Священники знают о ее дне рождения.

Дальше: «Был подарок и от Святейшего Патриарха. Он мне подарил ко дню рождения складень и сказал: «Любовь Константиновна, вы часто путешествуете». Откуда ему известно? «Пусть мой складень оберегает вас в дороге». И это был не единственный подарок Святейшего. «Украли даже икону Серафима Саровского, которую подарил патриарх!»

Увы, не уберегли бедняжку ни Чудотворец Николай, ни Богородица, ни преподобный Серафим, ни даже святой подарок самого Святейшего, и даже не в дороге, а дома, даже за семью замками при вооруженной охране и телевизионном наблюдении за домом. Право, от одного этого можно впасть в беспросветный атеизм.

Чтобы завершить вопрос о доходах церкви, упомяну статью Ульяны Махкамовой о первом в России кладбище для животных. Там, оказывается, и батюшка есть. Журналистка спросила его: « Собаку можете отпеть?» — «Да хоть кошку! — ответил батюшка. — Только денег не пожалейте» (Российская газета. 21.9.07. С. 22). И то сказать, что тут удивительного? Если уже давно нашелся благочинный, повенчавший двух мужиков, то уж это-то совсем просто...

* * *

Так вот от имени «марксистов-полемистов», во-первых, должен высказать великое недоумение и сожаление: знаток «реальной жизни» непрерывно ездит по России и ни разу не встретил «подобные примеры» благолепия среди людей нецерковных, не побывал, допустим, в селе Троицком Орловской области в колхозе «50 лет Октября», где недавно отмечали юбилей «марксиста-полемиста» Леонида Егоровича Бородина, в кабинете которого — портрет Леонида. О нем писала «Правда» 14 сентября этого года.

С кем Бородин полемизирует? Да вот хотя бы и с отцом Николаем: тот служит в церкви одиннадцать лет, а Леонид Егорович руководит колхозом уже тридцать семь лет. Тот воспитал шесть детей, а этот — пять, но — еще не вечер. У того дети и внуки пошли по церковной стезе, а у этого, мне думается, станут тружениками — возьмут в руки не кадила, а молотки и вилы, циркули и ланцеты, сядут к компьютерам и микроскопам. Когда коммунист-зоотехник Бородин пришел в этот колхоз, здесь хоть и висел тоже в правлении

портрет Ленина, но собирали зерна по 14 — 15 центнеров с гектара, а в прошлом году собрали по 28,5. К тому же — двухтысячное стадо, и дают буренки в среднем по 5 тысяч литров. Ну, есть кое-что и еще. Так что вопросы о том, как удалось довести средний заработок в колхозе до 8,5 тысячи, на какие средства существуют клуб, детский сад, баня, как сумели газифицировать все село, заасфальтировать дороги, — эти вопросы отпадают. Но в контексте нашей темы можно ответить и так: все достигнуто не молитвами, и не пением акафистов, не с неба свалилось по милости Всевышнего. Чем может отозваться на это отец Николай? Сиянием куполов? Прекрасно!

А вот еще одна «марксистка-полемистка» — Татьяна Михайловна Наумова, более двадцати лет председатель колхоза им. Ленина в селе Торбаево Рязанской области. Можно вообразить себе, что и она полемизирует, допустим, с отцом Александром. Сколько у него прихожан? Неизвестно. А в колхозе только работников — около 400. Святой отец устроил школу, и в колхозе школа. Сколько в его школе детей? Тайна. А в колхозной в прошлом году было 225 юных граждан. Есть еще и детский сад, где 42 малыша, а плата как в советское время — символическая при средней зарплате колхозников 7100 рублей.

Конечно, подо всем этим солидная база: 5300 гектаров пашни, 3500 голов крупного рогатого скота, 59 тракторов, 40 автомашин... Как все это удалось сохранить, больше того — сделать жизнь в колхозе лучше, чем была в советское время? Может, обнесли вокруг села икону Божьей матери? Уверяют же ныне суперпатриоты, что не кровью и жизнями советских людей, иконой спасли в 41-м году Москву. Нет, и здесь обошлись без Б.М. и без крови тоже, а одним только умом да потом. В сущности говоря, следовали завету того, чье имя с гордостью носит колхоз: учиться работать, учиться торговать, учиться смотреть правде в глаза.

Бобров привел два «ярких примера» благолепия. Я в ответ — тоже два, и мог бы этим ограничиться. Но как не воспользоваться случаем и не упомянуть о «школьном колхозе» в селе Пустотино Рязанской области, который создал директор тамошней школы Сергей Викторович Кудрявцев! Когда то знаменитый совхоз развалился, швейная фабрика, на которой работало полсела, закрыта. А жить-то надо. Как быть?

Выклянчил Кудрявцев у селян бесполезные земельные паи, полученные при развале совхоза, что-то еще прихватили, получилось в итоге 150 гектаров, удалось не прозевать почему-то случайно не разворованные комбайн, три трактора, четыре автомашины... А рабочая сила — вот она, пацаны обоего пола от восьми до семнадцати лет! Что им, нехристям, делать летом? Их 87 живых душ, 174 молодых и ловких руки. Да им в охотку! И пошло, поехало, побежало... Только не зевать! Только вовремя и куда надо направить юную силу. В прошлом году собрали 170 тонн зерна, 70 тонн картошки и 15 тонн овощей. И торгуют и себя обеспечивают. Жить можно. Да еще как! И учебники, и обеды в школе, и ее ремонт — бесплатно для детей и родителей. А чего стоят посещение в Рязани Музея Воздушно-десантных войск, поездки в Тулу на юбилей Куликовской битвы, в Третьяковскую галерею, в Московский цирк. Все это очень интересно будущим... да нет, уже нынешним юным землеробам, может быть, и не знающим «Отче наш».

Могу дать еще один адресок, который, впрочем, сотрудник этой газеты мог бы знать и сам: Оренбургская область, село Елизаветинка, Опытно-производственное хозяйство «Советская Россия». Там директором кандидат сельскохозяйственных наук Виктор Николаевич Ключев. Вот смотрит он на меня с газетного листа из своего кабинета, а за спиной на стене — портрет, представьте себе, не Корнилова и не патриарха, а Владимира Ильича Ленина.

Тут уж легкости ради я не буду перечислять гектары и центнеры, рога и копыта, но все же упомяну, что в хозяйст-

ве 855 коров и 427 лошадей. Как! Лошадей? Да-с, именно. Кое-кто рановато списал саврасок. Они еще послужат крестьянину. А рядом с этим — Дворец культуры с зимним садом, где до потолка вымахала пальма, еще и Ледовый дворец с двумя хоккейными полями, роскошные праздники урожая и многое другое вопиюще антидемократическое.

Еще? Помянем еще колхоз «Путь к коммунизму» Алтайского края. Здесь председателем больше двадцати лет работает коммунист Виктор Борисович Реус. А в Новосибирской области достоин почтительнейшего внимания колхоз «Ирмень», которым руководит Герой Социалистического Труда Юрий Федорович Булгаков... Впрочем, всех не перечислишь, к тому же о них и в газетах писали, можно прочитать.

Так вот, товарищ Бобров, смею полагать, что герои этих кратких рассказов, в обстановке режимной вражды организующие множество людей на коллективный труд, который позволяет по-человечески жить и крепит их человеческое достоинство, — эти герои, несмотря на отсутствие сияющих куполов, ближе к Богу, чем ваши с куполами и при поддержке властей, а может быть, и на народные средства делающие свое дело. Тем более, что имеют место еще и такие факты. В сельское хозяйство сейчас рвутся разного пошиба авантюристы и преступники, не останавливающиеся ни перед чем. Дело доходит даже до убийств, как это было с Алексеем Большаковым, директором агрофирмы «Псковская»... А у ваших-то батюшек, поди, телохранители имеются? Если родина выживет, то только благодаря таким труженикам и бойцам, коммунистам-ленинцам, как Леонид Егорович, Татьяна Михайловна, Сергей Викторович, Виктор Николаевич, Виктор Борисович, Юрий Федорович да их многочисленные сподвижники, которых я, к сожалению, не мог здесь назвать. Вот кого следует, невзирая на партийность, при жизни причислить к лику святых. Вот чей опыт следует вам распространять с обещанным энтузиазмом.

А недавно в «Литературной газете» (№35) была напечатана статья «Отряхнулись от старого мира» большого философа Георгия Добыша. Врет философ напропалую и в расчете на олухов. Например, уверяет, что после революции «родину покинули» писатели А. Толстой, А. Куприн, М. Цветаева, А. Белый, В. Шкловский, И. Эренбург, скульпторы С. Коненков, С. Эрьзя... Покинули — и все. А на самом деле все они, кто раньше, кто позже, вернулись. Шкловский, например, кажется, и года не выдержал в Германии (1922—1923), быстро сообразив, что там он никому не нужен; Белый уезжал по издательским и творческим делам с советским паспортом всего на два года (1921 — 1923); Толстой продержался четыре года (1919 — 1923); Эренбург рванул во Францию еще в 1908 году, а в 1917-м как раз вернулся, но в 1921-м опять рванул туда же и с 1932 года стал там корреспондентом «Известий», часто приезжая в СССР, пока не остался здесь совсем.

Или вот философ изображает поэта В.Кириллова и критика Семена Радова, громившего-де русскую культуру. На самом деле последнего звали Родов Семен Абрамович (1893 — 1968). А Радов Георгий Георгиевич (Вельш) — очеркист, покойный муж ныне здравствующей поэтессы Риммы Казаковой.

Да, Кириллов и Родов громили. И что, никто не давал им отпора? А чего стоит хотя бы одна строка Маяковского:

Герасимов, Дорогойченко, Кириллов, Родов —
Какой однообразный пейзаж!

В статье много и другой литературногазетной чепухи, но я вспомнил философа не по этой причине, а из-за той замшелой тупости, которой статья начинается: «В.И. Ленин

русский народ не любил... Русские для него — нация, никакими достоинствами не обладающая» и т.п. Дядя философ, съездили бы вы в названные хозяйства и спросили бы их руководителей и рядовых работников, чего это одни из них до сих пор портреты не любившего их человека в кабинетах держат, другие — даже доньше не отказались от его имени, коим называли когда-то свои хозяйства, третьи — памятники ставят человеку, считавшему русский народ никакими достоинствами не обладающим. Это после стольких-то лет телевизионно-газетно-думского поношения Ленина! Чего стоит одна лишь малограмотная чушь председателя Думы Грызлова, которому Троцкий с того света шепнул, что Ленин добивался поражения России в войне против Германии.

Вот и послушали бы вы, философ, допустим, Виктора Николаевича Ключева. Он тоже кандидат наук и свое дело вон как знает, в Оренбуржье пальмы выращивает. Наверняка не думает он, допустим, и того, что Алексей Толстой как уехал из России, так и сгинул где-то за бугром. Право, послушали бы. Ведь тут великая философская загадка. Может быть, и ноги потом удалось бы унести... Но в любом случае не забудьте зайти в колхозную библиотеку и попросить там воспоминания Горького о Ленине. Там есть и такие строки: «Я нередко подмечал в нем черту гордости Россией, русскими, русским искусством. Иногда эта черта казалась мне странно чуждой Ленину и даже наивной, но потом я научился слышать в ней стыдливый отзвук глубоко скрытой, радостной любви к своему народу». Кому же верить — газетному философу, выдавшему Ленина только в Мавзолею да на своем партбилете, в ужасе сожженном при первом шорохе контрреволюции, или великому писателю, близко знавшему Ленина долгие года?

А ваш Собор, г-н Гундяев, с самого начала вместо того, чтобы сблизать и примирять русских людей, сеял раздор и вражду посредством антисоветчины, коммунофобии, поношения Ленина. Вот что сказал на первом же Соборе член

его Думы, один из ваших нынешних подписантов Вася, бывший первый секретарь райкома комсомола, а потом член ЦК КПСС, и, конечно, обладатель ордена Ленина да еще и множества советских и антисоветских премий: «Мастера переделывать мир, любители нового мирового порядка в 17-м году знали, что делать. Знают они и сейчас. Разрушение русского национального сознания продолжается и сию минуту». Они! То есть те же самые. Коммунистов, в 1917—1922-м и в 1941—1945-е годах во главе народа спасших страну, выведших ее на мировую вершину, — и демократов, путивших по ветру пот и кровь многих поколений русских людей, оратор представил разными поколениями одной идеологической шайки.

А еще раньше он требовал: «Крепостное право, основанное на марксизме, должно исчезнуть!» Ну, исчезло, Вася, следа не осталось. И что выросло на месте «крепостного права», кроме твоих орденов да премий?

А как на Восьмом Соборе глумился над вчерашним днем народа парторг Крупин! Сколько он зла посеял, сколько оттолкнул от Собора! Тоже ставил на одну доску творцов и грабителей, спасителей и убийц, причем с бесстыдной прямотой: «Для меня слова «коммунист» и «демократ» синонимы!» Из этого следует, что сам он лет тридцать был родным братцем Валерии Новодворской, а потом бросил бедную девушку на произвол судьбы и удрал на сладкие харчи в Духовную академию.

В антисоветском рвении Крупину, как и некоторым другим подписантам, делить с академиком Гинзбургом нечего, — в одной упряжи с ним бредете, православные, одну песенку гнусаво тянете.

* * *

Православные патриоты неоднократно подчеркивают, что письмо против клерикализации подписали всего лишь «несколько академиков». Ну, а у нас, мол, «более сорока из-

вестных имен», да еще и другие. Мне лично почти половина этих имен, к сожалению, совершенно незнакома. Ни в биографических, ни даже в телефонных справочниках я не нашел никаких следов, например, Сергея Котьяло, Андрея Печерского, Александра Стрижева... А они, вишь ты, стоят под манифестом свои имена рядом с именами чемпиона мира Анатолия Карпова и Героя Советского Союза Владимира Карпова, рядом с Распутиным, Беловым, Прохановым. Они фигурируют в центральной прессе, сокрушают академиков...

А кто такая, например, Галина Боголюбова, стоящая третьей в списке? Ну, член Общественной палаты, как Ганичев и Бородин, променявшие на это звание свое писательское первородство. А что за ней еще? Только после публикации обоих писем случайно выяснил: почитательница Малевича, пишущая во славу его такие вот сочинения:

Я брожу по квадратным улицам,
мой взгляд окружают квадратные дома,
люди блуждают по квадратным лужам,
меня гнетет квадратная тоска.

И сама же резюмирует: «Не случайно Малевич нарисовал квадрат. Это отражение целой философии». Прекрасно! И не случайно Михаил Швыдкой, киргиз с квадратными мозгами и главный заботник русской культуры, недавно за этот квадрат выложил на бочку из народной казны миллион долларов. Да, прекрасно. Только дома — тоска это все-таки не рифма. И непонятно, почему люди блуждают по лужам, когда можно обойти. И что такое «квадратная тоска»? А бывает треугольная, овальная или кубическая?

Впрочем, дело совсем не в изящных философских стихах красавицы Боголюбовой, а в том, что, вступив на стезю количественных подсчетов и противопоставлений, православные патриоты не понимают, как это опасно.

Один из них в разговоре со мной ужасно возмущался подборкой читательских откликов в поддержку академиков, которую дала «Советская Россия»: «До чего дошел Чикин, а!»

От В. Чикина хорошо бы услышать ответ на два вопроса по этой теме. Во-первых, почему «Советская Россия» в свое время предоставила трибуну служителям церкви? Не «Известия», не «Труд», не «Московская правда», а именно она, тогда еще орган ЦК КПРФ с миллионным тиражом, а потом — все равно газета коммунистической оппозиции. Во-вторых, почему после нескольких лет нежной дружбы, доходившей под Пасху и на Рождество до трогательных портретов на первой полосе тов. Зюганова и Чикина в обществе патриарха, в конце концов, дружба все же пресеклась и святые отцы исчезли со страниц газеты? Не потому ли, что они не знали устали в поношении Советской эпохи?

А сейчас я ответил: «Если Чикин хотел быть честным, то он обязан был дать такую подборку». — «Да разве ты не знаешь, как делаются такие подборки! — воскликнул православный собеседник. — Всегда в газете можно найти отклики на любой вкус». Это был ответ человека, давно привыкшего к манипуляциям. «Дорогой мой, — ответил я, — ты не понимаешь время, в которое живешь. Сейчас очень многое поддается проверке. Так вот, в первые два-три дня «СР» получила по Интернету около 60 откликов, из коих лишь 7-8 поддерживали вас, остальные — академиков. Кем же был бы Чикин, если дал бы подборку в вашу поддержку? «Завтра» получила 39 откликов, из них только 5-6 в вашу пользу. Есть все основания думать, что и позднее как по Интернету, так и по обычной почте письма шли в такой же пропорции».

* * *

Между прочим, один автор обращался к православным патриотам: «Опомнитесь! Сейчас Россия не та, что сто лет назад!» А что было сто лет назад или даже сто пятьдесят?

Что писал на сей счет Белинский, все знают. Но вот сам Пушкин. Он сожалел об этом, но отмечал как факт «в нашем народе презрение к попам и равнодушие в отечественной религии... Может быть, нигде более, как между нашим простым народом, не слышно насмешек насчет всего церковного» (Заметки по русской истории XVIII века). Да еще и сам к этому руку приложил.

Прошло восемьдесят лет... 16 января 1902 года Лев Толстой писал из Гаспри в Крыму царю Николаю:

«Любезный брат!

Такое обращение я счел наиболее уместным потому, что обращаюсь к вам в этом письме не только как к царю, сколько как к человеку — брату. Кроме того еще и потому, что пишу вам как бы с того света, находясь в ожидании близкой смерти».

Писатель был тяжело болен, со дня на день ожидали его кончины. И вот в этом письме «как бы с того света» человек, который знал родной народ несколько лучше, чем Валентин Распутин, Василий Белов и Владимир Крупин совокупно, писал царю:

«Ваши советники говорят вам <...> что русскому народу как было свойственно когда-то православие и самодержавие, так это свойственно ему и теперь и будет свойственно до конца дней и что поэтому для блага русского народа надо во что бы то ни стало поддерживать эти две связанные между собой формы: религиозного верования и политического устройства. Но ведь это двойная неправда. Во-первых, никак нельзя сказать, чтобы православие, которое когда-то было свойственно русскому народу, свойственно ему и теперь <...> Во-вторых, если справедливо, что народу свойственно православие, то незачем так усиленно поддерживать эту форму верования и с такою жестокостью преследовать тех, которые ее отрицают» (ПСС. М., 1984. Т. XIX — XX, С. 503).

А вот еще более позднее свидетельство совсем с другой стороны. Генерал Деникин: «Религиозность русского

народа, установившаяся за ним веками, к началу XX столетия несколько пошатнулась <...> Этот процесс духовного перерождения русского народа слишком глубокий и значительный <...> Поступавшая в военные ряды молодежь к вопросам веры и церкви относилась довольно равнодушно. Командовавшие частями знают, как трудно было разрешение вопроса даже об исправном посещении церкви <...> Надо признать, что духовенству не удалось вызвать религиозного подъема среди войск <...> Голос пастырей с первых же дней Февральской революции смолк, и всякое участие их в жизни войск прекратилось. Съезды духовенства в Ставке и в штабах армии не имели реального значения» (Очерки русской смуты, гл. 1).

О времени более позднем можно вспомнить еще и свидетельство митрополита Вениамина, главы духовенства армии Врангеля: «Авторитет церкви вообще был слабый... Горения не было ни в мирянах, ни даже в нас, духовных. У нас почти не было руководящих идей, как не было их, конечно, и при Деникине <...> Одна из главнейших причин провала всего белого движения в его безыдейности».

И еще: «С Петра Великого духовенство вообще не было в почете. Церковь была сдвинута тем государем с места учительницы и утешительницы. Государство совсем не при большевиках стало безрелигиозным, а с того же Петра, более двухсот лет тому назад» (На рубеже двух эпох).

Наконец, не воинствующий безбожник Емельян Ярославский (М.И. Губельман), а верующий Василий Розанов: «Переход в социализм и, значит, в полный атеизм совершился у мужиков и солдат до того легко, точно в баню сходили и окатились новой водой <...> Христианство вдруг все позабыли в один момент — мужики, солдаты — потому что оно не вспомоществует; что оно не предупредило ни войны, ни бесхлебицы. И только все поет, поет... Не грудь человеческая сгноила христианство, а христианство сгноило грудь человеческую».

Вот такая печальная картина, а вы все стелаете о «безбожных пятилетках большевиков». И ведь все это писали, говоря словами письма-протеста, «люди умнейшие», а то и достойнейшие.

* * *

И вот представьте себе, в фильме «Вторая мировая война. Русский взгляд» его создатель и ведущий, православствующий В. Правдюк заявляет: «Красная Армия была очень религиозной, поскольку 78% населения были верующими». Какая точность! Одним махом опроверг и Толстого, и Деникина, и Розанова. Вы только подумайте: как подскочила в Советское время религиозность... Похоже, что создатели этого фильма в армии не служили, а я за три года на фронте встретил только одного верующего — Васю Клокова, ездого. Милейший был парень, но, увы, — в единственном экземпляре. И ни на одном — а ведь и в баню ходили, и в реке купались иногда — не видел я креста. И это не только в армии. Ни у деревенских и фабричных мальчишек, среди которых прошло мое детство, ни за десять лет учения в пяти деревенских и городских школах, ни после войны в институте, ни в редакциях самых разных газет да журналов, где работал, ни в своей обширной родне, опять же деревенской и городской, — нигде не встречал я верующих, кроме помянутого Васи Клокова да родного деда Федора Григорьевича, председателя колхоза им. Марата в Тульской области на Непрядве.

А что говорят ныне о количестве верующих люди специально занимающиеся этим вопросом? Вот замдиректора Института социологии РАН Наталья Тихонова: «Реально как о верующих можно говорить о 3 — 4% населения» (Л. Г. 10.8.07). Эту же цифру называют и писатель М.Ф. Антонов, сам человек верующий, и Александр Бобров, знаток проблемы (СР. 31.03.07).

Приведенные цифры показывают, чего стоят заискивания КПРФ перед церковниками и верующими, когда она в расчете на их избирательские голоса то в «Правде» печатает в четырех номерах подряд восторги члена Президиума ЦК В. Зоркальцева по поводу «духовного ренессанса» в виде очередей не во МХАТ, не в Третьяковку, не в консерваторию, а к мощам святого Пантелеймона, то устами своего лидера нахваливает мэра Петрозаводска (секретаря обкома), поскольку тот восстановил не больницу, не школу, а церковь, то, наконец, просто теми же лидерскими устами накануне выборов возглашает, как дьякон с амвона: «Мы уповаем...»

С людьми, называющими себя верующими, я столкнулся только в нынешнюю пору. Но какие это верующие? Меня дед крестил, как полагается, в младенчестве, а например, о Р. и Б., двух наших антиакадемиках, известно, что они крестились, вероятно, после того, как увидели по телеку Ельцина и Старовойтову в церкви со свечами в руках, т.е. лет в 50—60. О чем это говорит? О том же: значит, ни родители их, ни другая родня, ни окружающие не были озабочены сей проблемой. И вот теперь на страницах газеты они красуются друг перед другом: «Ты где крестился?» — «В старинном городе Ельце. А ты?» — «А я в деревенской церкви на севере...» И умиляются на глазах публики...

Лев Толстой до пятидесяти лет был неверующим, а в этом возрасте поверил в учение Христа, правда, на свой весьма необычный манер. И что?

Он пишет: «И жизнь моя вдруг переменилась: мне перестало хотеться того, чего прежде хотелось, и стало хотеться того, чего прежде не хотелось. То, что прежде казалось мне хорошо, показалось дурно, и то, что прежде казалось дурно, показалось хорошо <...> Направления моей жизни, желания мои стали другие...».

А что переменилось в жизни иных подписантов после крещения, допустим, в жизни Владимира Бондаренко? Может, прекратил оголтело нахваливать свое непосредствен-

ное начальство или стал выплачивать гонорар авторам своей меньшевистской газеты «День»? Ничего подобного! Как нахваливал, так и нахваливает, как не платил по примеру демократических кровососов, так, пользуясь русской безропотностью и безвыходностью нашего положения, и не платит. Нет сомнения, что на его месте Лев Толстой выплачивал бы из собственных гонораров, — перечислял же он их духоборам, помогал голодающим. Вот Александр Проханов всегда платил, и сразу, как появилась возможность повысить гонорар, — повысил. Вот истинно христианская душа!.. А что перевернулось у Владимира Крупина, после тридцатилетнего пребывания в компартии и на высоких должностях в Союзе писателей ставшего вдруг профессором Духовной академии? Хотя бы крестится он перед трапезой, как мой дед? Хотя бы молится на ночь с той же аккуратностью, с какой платил партвзносы? Ох, сомнительно...

Когда в 1901 году была учреждена Нобелевская премия, то по литературе были выдвинули две кандидатуры — разумеется, Лев Толстой и... французский поэт Сюлли-Прюдом. Премию дали, конечно, французам, ныне давно и прочно забытому. Шведские писатели и ученые осудили такое решение и выразили Толстому свое сочувствие и глубокое почтение. А сам писатель?

Он из той же Гаспры ответил им:

«Дорогие и уважаемые собратья!

Я был очень доволен, что Нобелевская премия не была мне присуждена. Во-первых, это избавило меня от большого затруднения — распорядиться этими деньгами, которые, как и всякие деньги, по моему убеждению, могут приносить только зло; а во-вторых, это мне доставило честь и большое удовольствие получить выражение сочувствия со стороны стольких лиц, хотя и незнакомых мне лично, но все же глубоко мною уважаемых.

Примите, дорогие собратья, выражение моей искренней благодарности и лучших чувств» (Цит. соч. С. 509). Это одно из свидетельств душевного переворота.

И вспоминается беседа уже упоминавшегося подписанта с одним писателем старшего поколения. Тот в который уже раз горестно сетовал на то, что лет пятьдесят тому назад его первую опубликованную повесть выдвинули на Сталинскую премию, но в последний момент что-то сорвалось: премию дали другому. «Да как вы это смогли пережить! — воскликнул собеседник. — Ведь тут и спиться можно, и свихнуться, и в петлю полезть!» Это из-за премии-то... А беседа была уже после того, как подписант крестился. Как видим, переворота в отношении к премиям у него не произошло.

* * *

Читатель из Владивостока, подписавшийся «Иоанн, колхозник, солдат, истинно православный», заявил в «СР»: «Говорят: любая власть от Бога. Я с этим не согласен... Нынешняя власть от сатаны. Она только разрушает. Кормит народ отбросами Запада, не лечит, не учит, не дает жилья. Перетянула посулами некоторых патриотов и церковь».

Кто-то скажет: «Ну, что с него взять: колхозник! Где понять ему Божий промысел!» Допустим.

Но вот что писал через сорок лет после Пушкина и за сорок лет до Толстого великий поэт и верующий монархист Федор Тютчев накануне освобождения крестьян, т.е. в царствование Александра Второго: «Только намеренно закрывая глаза на очевидность... можно не замечать того, что власть в России исходит не от Бога, а от материальной силы самой власти... Власть на деле безбожна» (Цит. по: Х. Исхаков. Пушкин и религия. М., 2005. С. 10).

А лет за пять до этого тот же верующий монархист почтил помазанника Божьего такой эпитафией:

Не Богу ты служил и не России —
Служил лишь суете своей.

И все дела твои, и добрые и злые, —
Все было ложь в тебе, все призраки пустые:
Ты был не царь, а лицедей.

А патриарх Тихон 7 апреля 1925 года, за два дня до смерти, написал в своем завещании: «В годы гражданской разрухи по воле Божьей во главе Русского государства стала Советская власть».

Так считает и солдат, назвавшийся Иоанном: «Вот Советская власть была от Бога. Она созидала, свой народ кормила, одевала, обувала, бесплатно лечила, бесплатно учила, бесплатно жилье давала, работу давала. При Советской власти мы жили по заветам Христа. Нравственность была на самом высоком уровне в мире... Ежедневно молю Бога: Господи, верни Советскую власть в Россию!».

Да разве он один! Тысячи. Миллионы. До самой петли молил и Борис Примеров, до последнего вздоха молил и Николай Тряпкин:

За великий Советский Союз!
За святейшее братство людское!
О Господь! Всеблагой Иисус!
Воскреси наше счастье земное!..

Не держи Ты всевышнего зла
За срамные мои вавилоны, —
Что срывал я Твои купола,
Что кромсал я святые иконы!..

О Господь! Всеблагой Иисус!
Воскреси мое счастье земное.
Подними Ты мой красный Союз
До креста Твоего аналая.

Валентин Григорьевич Распутин однажды с большим чувством сказал: «Даже Згибнев Бжезинской признает, что православие — последняя защита России». Даже!.. А кто такой Бжезинский? Пожизненный лютей враг России. С какой стати нам ему верить? Неужели Распутину на восьмом десятке жизни все еще неведомо, что в мире существуют интриги, обман, дезинформация, желание сбить противника с толку, направить его усилия по ложному пути. Или писатель считает Бжезинского другом России, желающим помочь ей мудрым советом?

Так вот этот советчик уже немало достиг. Судите сами. «Советская Россия» сообщает, что главный санитарный врач страны Онищенко с целью предохранения в летний сезон от массовых кишечно-желудочных заболеваний рекомендует устраивать крестный ход. А кемеровский губернатор Аман Тулеев после нескольких страшных катастроф на шахтах области, унесших сотни жизней, обратился к священникам с просьбой усердней молиться о защите от таких катастроф (СР. 31.3.07). А тов. Зюганов сердечно похвалил устно и печатно коммуниста Антропова Михаила Васильевича, бывшего первого секретаря Мурманского обкома, а ныне мэра города Апатиты, не за то, что под его руководством построены или отремонтированы школы, больницы, детские сады и т.п., а за то, что он завершил строительство начатой демократами церкви. Вот, мол, эстафета «национальной духовности» подхвачена... (СР. 22.2.07).

Уж если главный врач, уж если губернатор впали в такой маразм, уж если для председателя компартии церковь для вымирающего народа важнее больницы, то чего же ожидать от рядовых граждан? Это, Валентин Григорьевич, именно то, на что рассчитывает Бжезинский, вот что так желанно ему: не наша борьба, не сопротивление, не работа, не стара-

ния предотвратить беду, а крестные ходы, молитвы, сияние куполов да патриотический колокольный треп. Он потирает ручки... Ведь как удобно тащить землю из-под ног народа, занятого молитвами. Вы этого хотите, Распутин?

Церковь могла сыграть важную благотворную роль в эти трагические годы, но во главе ее, как во главе и страны в конце 80-х годов, оказались люди мелкие, мстительные, недалекие. И они вместе с Горбачевым, Ельциным, Яковлевым прошли свой путь до конца.

2007 г.

КУЛЬТУРКИ НЕ ХВАТАЕТ

11 января мне позвонил мой добрый друг Игорь Ляпин: «Старик, зайди в Союз писателей. Тебя здесь ждет персональное приглашение в Кремль. С тобой хотят встретиться патриарх и Путин». Я опешил. Что такое? Знать, где-то медведь сдох. Ельцин, именовавший себя верховным главнокомандующим, к каждому Дню Победы присылал записочки: желаю, мол, здоровья и благоденствия, как самому себе, драгоценному. Но рюмочку пропустить, побеседовать, чайку попить с баранкой ни разу не пригласил, ханыга. Видно, боялся за рюмкой расслабиться и проговориться, сколько они там с Пал Палычем рассовали по разным углам подлунного мира моих кровных. А тут! Я обомлел... Что ж, говорю, меня одного приглашают? Оказывается, нет, многих из нашего Союза. Все равно интересно. Ведь тот-то одних лишь своих собирал: Марка Захарова, Вознесенского с женой, говорящей человеческим голосом, Михаила Глузского, до восьмидесяти лет остававшегося латентным антисоветчиком, и тому подобную художественную публику. Говорят, и баранки выставлял на стол.

Ладно, поехал я в Союз, взял роскошный билет-приглашение, почему-то зеленого цвета, как мусульманское зна-

мя, с двуглавым ельцинским орлом и с обращением «Господину Бушину В.С.». Дожил на восьмом десятке! Как у них просто. Новый демократический вариант старой теории «стакана воды»: был член Политбюро — стал антисоветчик, вчера «товарищ» — сегодня «господин», совсем недавно — красная звезда да серп и молот, сейчас — двуглавый. А ведь за всем этим живые люди, в том числе не только школьники, за этим прожитые жизни, присяги, привычная форма одежды, ордена...

Что ж, мне было о чем поговорить и с патриархом, и с ельцинским выдвиненцем в президенты. Я подумал, что патриарха спрошу, например, за что он, будучи в Германии, приносил извинения немцам, коих мы, вопреки их отчаянному сопротивлению, стоившему нам миллионов и миллионов жизней, спасли от фашизма — за это, что ли? Спрошу еще, помогают ли ему американские раввины в борьбе против антисемитизма в России, о чем он просил их в США. Наконец, уверен ли он и теперь, после отставки Ельцина, что в свое время выразил волю всех верующих, когда в день тезоименитства названного субчика на глазах всего народа подарил ему золотую статуэтку равноапостольного князя Владимира Святого, чувствительно присовокупив при сем: «Вы уж простите меня, Борис Николаевич, за стариковскую бесцеремонность, но не могу удержаться и не сказать вам прямо в глаза: вы у нас теперь — чудным образом воскресший из мертвых князь Владимир Красное Солнышко. Истинно говорю вам! Солнышко №2-бис...»

Кое о чем спросил бы я и Владимира Путина. О том, например, с какой стати отставной инвалид Ельцин со свитой, по зарубежным данным до 180 гавриков, прокатился в Святую землю за народный счет? Ведь один лишь авиабилет — тысяча долларов, да еще проживание каждого гаврика в люксовском номере суперотеля «Хилтон», да еще жратва. Одного Чубайса прокормить чего стоит. Он, говорят, за единый присест полпоросенка весом с Гайдара съедает. Во

сколько же обошелся этот богопротивный вояжик вчерашних членов «Союза воинствующих безбожников» народу и стране, где 50 миллионов бедствующих и голодающих?

Вот Евгений Евтушенко, пламенный певец коммунизма, обитающий ныне в США (там освободилось место Виталия Коротича, вернувшегося в Киев, где редактирует ныне газету «Бульвар», нашел, наконец, свое истинное призвание!), подал в эти дни голос из-за океана. Начал, как всегда, с хлесткого вранья: «В романе Дудинцева «Не хлебом единым» мальчишки подбирают на снегу около вокзала апельсиновую кожуру и с любопытством нюхают этот неизвестный им фрукт»... Есть в романе и снег, и апельсиновая кожура, но нет нюхающих ее мальчишек как символа нищеты и дикости. Это вранье о прошлом, а дальше уже о дне нынешнем: «Сегодняшнее «младое племя» России, слава богу, не знает, что такое очереди за апельсинами и бананами»... Да, названные 50 миллионов не знают ныне очередей за апельсинами, но и о самих апельсинах знают разве что по роману Дудинцева.

Спросил бы я еще у Путина, чего это ради отставному держиморде предоставляют в Кремле персональный кабинет, оборудованный как президентский, включая не только теплый санузел, но и узел космической связи. Уж если старцу так трудно расстаться с Кремлем, выдайте ему тулуп, автомат Калашникова и поставьте у Спасских ворот, пусть стоит, в кулак дует. Это ж гораздо легче для казны. Ну можно еще сотовый телефон выделить для переговоров с супругой да с Бородиным, и все. Интересно бы узнать также, где на душу населения приходится больше демократии: в огромной России, где отставного забулдыгу объявили неприкасаемой священной коровой, как и весь его коровник, или, например, в небольшой Германии, где отставного канцлера Коля за финансовые проделки привлекают к суду и обещают ему, Отцу народа, пять лет на нарах. В нашей необозримой России, где отныне никого из обитате-

лей помянутого коровника нельзя даже привлечь к допросу, или, допустим, в крошечной Южной Корее, где недавно за превышение полномочий приговорили к смертной казни двух подряд президентов, но казнь, правда, то ли отложили, то ли заменили тюрьмой, то ли ждут, чтобы в компании с Ельциным. Ах, если бы получить ответ!

* * *

И вот в начале седьмого я в Кремлевском дворце съездов. Народу — тьма. И все какие фигуры! Общеизвестные и важные, как субъекты Федерации! Одних бывших премьеров целая охапка. И политики, и писатели, и артисты, и бесчисленные президенты бесчисленных фондов, и просто белокрылые ангелы, на которых печать негде ставить. Давненько не бывал я в таком бомонде. Невольно вспомнились строки Хомякова, о котором мы и дальше упомянем:

Народом полон Кремль великий,
Народом движется Москва,
И слышны радостные клики,
И звон и громы торжества...

Вот прошелестел мимо белоснежными крыльями знаток Макиавелли и Мао Цзэдуна, несбывшийся академик Федя Бурлацкий, как всегда, с молодой дамой. А это кто — в кирзовых сапогах и при бабочке? Никак подзабытый писатель Василь Быков? Каким ветром занесло из Финляндии, куда он сбежал от ужасной жизни в родной Беларуси, словно какой-нибудь Собчак в Париж? А, впрочем, как не сбежать, если сограждане пропускают мимо ушей то, говорит, «что исходит от современного апостола Беларуси, от Зенона Позняка». Оный Зенон, как известно, тоже сбежал, но на другой конец света — в США. Поди, вместе с Евтушенкой пока едят там апельсины бочками, но скоро, ей-ей, бу-

дут лишь нюхать кожуру, или откроют тараканы бега, или начнут мастерить тряпичные петрушки в образе Ельцина да Шушкевича и ходить с ними по базарам, выкрикивая по примеру славного генерала Чарноты:

Не рвется, не ломается,
А только кувыркается!

Так Быков это или нет? Уж больно ликом страшен, словно вся злоба и желчь вылезли наружу. И нос, как морковь, сделался. С чего бы уж нос-то? Вполне возможно, что Быков и есть. Он недавно прикатил в Москву, и в самом Большом театре в присутствии самого Бориса Николаевича сама Зоя Борисовна Богуславская, автор знаменитой трагедии «Контакт» и эпопеи «Транзитом», а ныне говорящая жена самого Андрея Вознесенского, вручила ему Девятого января, в Кровавое воскресенье, премию «Триумф». Это, как пишет газета «Культура», «одна из самых таинственных премий». Действительно, членами жюри состоят двадцать будто бы всем известных и признанных «выдающихся деятелей российского искусства», они тайно выдвигают кандидатов на премию, никакого публичного обсуждения кандидатур не устраивают, «обсуждение проходит в обстановке строгой секретности», и даже стенограммы и протоколы заседаний не ведутся. Что такое? Как в масонской ложе. И при этом кое-кто еще то и дело потешается над приверженностью коммунистов к секретности! Уж со Сталинскими-то премиями во времена ужасного культа ужасной личности все было наоборот. Публиковались имена кандидатов и тех, кто выдвинул, и шло долгое обсуждение в газетах, журналах, на радио, и знали мы наперечет членов Комитета по премиям. А тут — на тебе, сплошная непроглядная демократия, а все делается под ковром! Здесь сама собой напрашивается такая перпендикулярная параллель: процессы 30-х годов, которые проходили открыто, публично, в присутствии представите-

лей советской и зарубежной прессы, и — тайная подковерная работа яковлевской Комиссии по реабилитации.

Остается добавить, что фонд Сталинских премий составляли гонорары за издания произведений И.В.Сталина, а фонд «Триумфа» — 250 тысяч долларов каждый год на пятых — карманные деньги всем известного благодетеля Бориса Абрамовича.

Как известно, Сталин помогал многим. Только что в «Досье» №3, выпускаемом «Гласностью», напечатано его письмо другу молодости Петру Каканадзе, пережившему пожар:

«Петр, здравствуй!

Как видно, мою телеграмму получил. Посылаю 2 тысячи рублей. Больше нет у меня. Эти деньги из моего гонорара. В основном гонорары мы здесь не получаем, только в исключительном случае получаем иногда. Для меня твоя беда — исключительный случай, и поэтому я взял гонорар, чтобы использовать для тебя. Кроме этих денег, тебе дадут в долг 3 тыс. рублей, я об этом говорил Берия (секретарю областного комитета Закавказья). И он дал слово: «обязательно выполню».

Итак: 2 тыс. рублей получай как дружеский подарок от меня и 3 тыс. руб.— как долг.

Живи долгие годы.

Твой Сосо.

7.12.33 г.»

В архиве Сталина есть документы, свидетельствующие, что он помогал нуждающимся товарищам и позже, причем посылал суммы гораздо более значительные. Так, В.Г. Соломину в Туруханск — 6 тысяч, М. Дзерадзе и Г. Глурджидзе в Грузию — по 30 тысяч, П. Капанидзе — 40 тысяч... Вот и не дает Борису Абрамовичу спокойно спать пример тирана. Вот и отвалил он финскоподданному Быкову 50 тысяч.

Нет, я не хочу сказать ничего плохого о лауреатах «Триумфа», пусть на здоровье триумфаторствуют. Однако...

Наградили «Триумфом», например, Беллу Ахмадулину. Прекрасно! «Вы молоды, вы пахнете бензином...» А Сталинскую получили Ольга Берггольц и Маргарита Алигер за произведения о героях Великой Отечественной войны. Отметили «Триумфом» кинорежиссера Алексея Германа. Замечательно, если вам по душе его друг Иван Лапшин. А Сталинских премий были удостоены Эйзенштейн и Пудовкин, Пырьев и Довженко, Александров и Герасимов, Козинцев и Ромм... Порадовали «Триумфом» балерину Нину Ананиашвили. Исполать! А четыре Сталинские премии, да еще Ленинскую, получила Галина Уланова... Нет, нет, я не хочу поставить под сомнение «триумфаторов», но все же, все же... Все же курица не птица...

Однако всматриваюсь в человека, похожего на Быкова. Если был бы уверен, что это он, подошел бы и сказал: «Триумфатор, читал я, что всех русских, живущих в Белоруссии, вы объявили «пятой колонной»; говорили мне, что вы еще и против Союза с Россией. Что ж, тогда поцелуйтесь с Явлинским и Кириенко. Последний даже грозил в суд подать на родину в случае этого Союза. А про себя скажу: в 1943 — 1944 годах я всю Беларусь протопал наискосок от Наровли до Гродно со своей 50-й армией, потеряв при этом и уложив на вечный сон в белорусской земле немало сверстников и друзей, в большинстве своем — русских. Вы не забыли ли, триумфатор, зачислить и их в «пятую колонну»? А в Минске давно живут со своими семьями две мои сестры. Тоже «колонна номер пять»? Да вы сами-то, триумфатор, случаем не из «палаты номер шесть»?» Увы, кажется, это был не Быков...

* * *

Но вот и звонок. Народ устремляется в зал. Я занимаю место в 23-м ряду у самого прохода. Справа над сценой — большой лик Христа, слева — Богородица с Младенцем,

на стенах — эмблемы юбилейного Рождества. Моя соседка справа — давняя знакомая, скромная и, как тут же вдруг обнаружилось, очень религиозная женщина. Между нами происходит мини-дискуссия. Разумеется, она спрашивает: «Вы верите в Бога?» О, куда ныне деваться от этого вопроса! Как совсем недавно столь же обязательно: «Вы за «Динамо» или за «Спартак?»» Устало, но внятно отвечаю: «Я в Бога не верю, но он, Всеведающий, в меня верит, ибо знает, что я Его не подводил и не подведу». Соседка смотрит на меня изучающим взглядом апостола Петра у ворот рая.

Внимание! На сцену выходят их высокопреосвященство и полковник Путин. Подчиняясь древнему советскому инстинкту, все встают. Перед Владимиром Святым я бы тоже встал, но с какой стати вставать перед человеком, который считает «Владимиром наших дней» душителя моей Родины? Да и перед Путиным нет причины вскакивать. Вот если скажет хорошую речь, тогда, что ж, можно и похлопать. А какого рожна заранее-то из кожи лезть? Помнится, здесь, в Кремле, но в другом зале на подобной встрече творческой интеллигенции я и перед членами Политбюро не вставал к изумлению сидевших рядом Татьяны Глушковой и Юли Друниной. Недоразвиты у меня эти инстинкты — вскакивания и хлопанья.

А в Путине привлекательна его моторность. Успел уже везде побывать, даже в мой родной Литературный институт заскочил, хотя там студентов и преподавателей всего-то вместе сотни полторы. Между прочим, мне рассказывали, будто бы там ему кто-то попенял, что, мол, нехорошо было сказано «надо гадину истреблять на корню». Он признал и заметил: «Увы, культурки не хватает...» Что ж, сама нехватка, конечно, не радуется, но откровенность заслуживает медали.

К тому же, Путин — не туп. Он хорошо обучаем. Может быть, лучше, чем Абрамович-Чукотский, восхищающийся сообразительностью Березовского. Действительно, вспом-

ните, Путин появился перед нами с ворохом нелепостей на устах. О вторжении чеченских бандитов в Дагестан сказал, что это, мол, зайцы с соседнего поля нагрянули, мы их в два дня перебьем. Потом поставил на одну доску Сталина и Ельцина — как же иначе, дескать, ведь оба верховные главнокомандующие! При вручении наград солдатам вздумал еще и поздравления от кремлевского чучела передавать. Культурка... Но, смотрите, уже избавился от умственной хвори, подцепленной, скорей всего, от Анатолия Парижского.

Но вот встал патриарх и подошел к микрофону. Я включил диктофон. Речь председателя была достаточно краткой. Главным в ней был, разумеется, призыв к смирению, терпению и примирению. Чего еще властям надо? Удивило своей бодростью такое заявление: «Еще недавно, каких-нибудь десять лет назад, подобная рождественская встреча здесь, в Кремле, была бы немыслима, но сегодня вместе с церковью и государственные деятели, и военачальники, и деятели культуры, врачи и учителя, политики и журналисты...» Вообще-то говоря, представители всех перечисленных профессий собирались в Кремле или в Большом театре частенько всегда, в частности, и в пору Горбачева, деятельность которого во главе государства вы, ваше святейшество, еще будучи тогда митрополитом, именовали «титанической». Правда, собирались не по случаю Рождества, а, например, по случаю очередной годовщины Великой Октябрьской социалистической революции, великой Победы над врагом, грозившим гибелью Отечеству, по случаю юбилея Пушкина или Толстого, Глинки или Чайковского, Сурикова или Репина... Да что ж перечислять! Вы же сами, ваше святейшество, не раз бывали в Кремле и на годовщине Октября, и на других празднествах.

Однако вот что ныне важно отметить. Да, десять лет назад немыслима была рождественская встреча в Кремле. Но тогда немыслимо было и многое другое. Например, празднество хасидов здесь же, в Кремле, среди святынь право-

славия. А вот совсем другое. По дороге сюда, на это пышное празднество, мне встретились в переходах метро и на улицах шесть нищих и не меньше дюжины проституток. Десять лет назад это было немыслимо, невообразимо. А вернусь я домой после этих возвышенных рождественских речей и песнопений, включу телевизор, и в уютный дом мой ворвется гнусная орда содомитов. Десять лет назад в нашей стране это не могло никому присниться в самом страшном сне, но уже планировалось там, где вы, ваше святейшество, взывали к раввинам о помощи в борьбе против русского антисемитизма...

Начинает речь Путин:

— Я бы хотел сегодня вспомнить первого президента России Бориса Николаевича Ельцина...

Где-то сзади, в углу зала, раздаются аплодисменты и делятся семь секунд.

— В новое тысячелетие Россия вступает обновленным государством.

Речь идет в первую очередь об объединении нации во имя повышения авторитета и достоинства страны на основе общечеловеческих гуманистических принципов, историческим и логическим продолжением которых стал приоритет права и свобод...

Какое обновление, когда экономика упала до уровня первого года первой пятилетки? Какие авторитет и достоинство страны, когда официальные лица США говорят нам в глаза: «Мы совершили большую ошибку, позволив России считать себя самостоятельным государством». Какие права и свободы, если народ не защищен от нищеты, болезней и убийц... Не иначе, как Анатолий Парижский сочинял этот рождественский спич...

Когда я размышлял над словами Путина об «объединении нации», моя тихая набожная соседка спросила меня:

— А вон там, впереди, не Чубайс ли?

Я взгляделся. Да, это был он.

— Как вы думаете, сколько тут метров?

— Пожалуй, метров пятнадцать.

— С такого расстояния я бы не промахнулась, — задумчиво сказала тихая набожная соседка и посмотрела на Чубайса взглядом то ли Веры Засулич, то ли Марии Спиридоновой. Вероятно, она имела в виду — плюнуть.

— Тсс... Пока давайте слушать...

— 90-е годы в новой России — это время становления новых отношений государства и церкви, отношений исключительно уважительных...

Ну, началось-то становление еще в сентябре 1943 года, когда товарищ Сталин пригласил сюда, в Кремль, высших иерархов церкви, душевно побеседовал с ними и распорядился выполнить все их просьбы... Что ж, никто не против уважительного отношения государства к церкви, но почему же все эти 90-е годы уважительное отношение к церкви сочеталось у государства с издевательским отношением к народу — это по-божески?

— Именно эти новые формы жизни, а также неустанный труд духовенства во многом позволили сохранить гражданский и межконфессиональный мир в стране...

О каком мире он декламирует, когда в Чечне льется кровь, и уже, по официальным данным, погибли более 600 наших солдат и офицеров?

* * *

На заднике сцены находился большой телеэкран, справа и слева от сцены — два поменьше. И вот после этих двух речей там одна в трех лицах появилась всем известная диктор телевидения милая Анна Шатилова. Она сказала, что когда-то славянофил Хомяков выдвинул идею объединения всех людей на основе любви к Богу, красоты, нравственной полноты жизни и свободы личности. И вот, говорит, мы обратились к известным политикам, а также к пат-

риарху с просьбой высказаться на сей счет. И дальше на протяжении всего вечера между музыкальными и литературными номерами возникали на трех экранах по очереди эти политики и патриарх со своими размышлениями о сих предметах.

Первым был Евгений Примаков, вторым — Геннадий Зюганов, а третьим... хотите верьте, хотите нет... Жириновский! Право, уж лучше бы Сванидзе посадили, лучше бы Доренко, даже Новодворскую легче было бы вынести, а тут... И это на рождественском вечере в Кремле в компании с его святейшеством! Вот уж что особенно немыслимо было десять лет назад...

Вам приятно в великий праздник видеть эту личность? Вам интересно знать, что он думает, допустим, о нравственной полноте жизни? Разве вы недостаточно осведомлены о полноте, разнообразии и безобразии его собственной жизни? Или организаторы вечера полагают, что Алексей Хомяков говорил от лица таких, как Жириновский, когда писал:

Мне нужно сердце чище злата
И воля крепкая в труде,
Мне нужен брат, любящий брата,
Нужна мне правда на суде...

Уж особенно не нужна этому рождественскому собеседнику патриарха правда на суде, которым грозит ему, как пишут об этом «Советская Россия» и другие газеты, юная молдаванка Мария Новак, изрядно потерпевшая от неуместного стремления Жириновского к нравственной полноте жизни.

Размышлизмы Жириновского о нравственности, о божьей благодати, а потом еще лекции на эту же тему какой-то Гули, президентши какого-то очередного фонда, доконали меня. Я попрощался с Верой Засулич и, пригнувшись, направился к выходу.

...Ночь была теплой и звездной. От Кутафьей башни я повернул направо, медленно шел по темному и безлюдному Александровскому саду и читал вслух Хомякова:

Спала ночь с померкшей вышины.
В небе сумрак, над землею тени,
И под кровом темной тишины
Ходит сонм обманчивых видений.

Ты вставай во мраке, спящий брат!
Освяти молитвой час полночи!
Божьи духи землю сторожат,
Звезды светят, словно божьи очи.

Ты вставай, во мраке спящий брат!
Разорви ночных обманов сети!
В городах к заутрене звонят:
В божью церковь идут божьи дети...

Ты вставай, во мраке спящий брат!
Пусть зажжется дух твой пробужденный...

Меня прервал тихий голос:
— Подайте Христа ради...

2007 г.

АПРЕЛЬСКИЕ КАЗУСЫ

Прошло уже несколько дней, а я все не могу одолеть тягостное впечатление, которое оставил отчет главы правительства Владимира Путина в Думе 6 апреля. Очень отчетливое, но именно тягостное и безнадежное.

Оратор начал так: «Правительство заинтересовано, чтобы его работа получила оценку законодателей». Конеч-

но. Но думаю, оно заинтересовано получить оценку и рядовых граждан и оппозиционных газет. Так вот...

Как человека, всю жизнь работающего со словом, отчет прежде всего удручил меня своим языком. Люди, безразличные к родному языку, сразу скажут: «Ну, нашел о чем тревожиться! Тут высокая политика, жизнь страны, кризис, безработица, а он...» Нет, друзья, не мной и давно сказано: «Язык — душа народа». Через него открывается многое.

К сожалению, отчет написан языком то глухого к слову замшелого чинуши, то узколобого дельца, орудующего специальными терминами, то бюрократа, желающего блеснуть образованностью посредством обилия иностранных слов, а главное — всегда языком человека, не знающего народ, не понимающего своей роли, равнодушного к стране.

С того хотя бы и начать, как отчет напишкан варваризмами, то бишь иностранщиной. Ведь тут слушателю-читателю и словари не помогают! Речь идет, разумеется, не о таких словах, как «бюджет» или «кризис», «финансы» или «кредит». Это давно освоено русским языком и всем понятно. Таких «иностранцев» даже в шуточный обиход пустили: «Мои финансы поют романсы». Или: «Дебет, кредит сходятся, а деньги не находятся» и т.п.

Но вообще-то и такие слова из уважения к родному языку не следует употреблять там, где есть вполне достойная, а то и лучшая русская замена. Например, было сказано: «Мы стремились сконцентрироваться на решении наиболее востребованных задач»... «Наш выбор — консолидировать все то, что составляет базу качественного роста экономики». Хотя что такое «востребованные задачи» и «база качественного роста» не совсем ясно, но выделенные слова иностранного происхождения, пожалуй, всем понятны, однако они явно вытеснили русские: сосредоточиться, собрать все силы, сосредоточить. Чем эти слова провинились перед властью? Можно ли себе представить, чтобы канцлер А.М. Горчаков в свое время сказал не «Россия сосредото-

точивается», а «Россия концентрируется» или «консолидируется»? Это было бы нелепо.

Вместо «адаптироваться к новым реалиям» можно было сказать «приспособиться к новому положению (к новым условиям, обстоятельствам, обстановке)». Или: «реализовать программу реструктуризации». Язык сломаешь! А ведь гораздо не только родней, но и мелодичней было бы — «выполнить план перестройки (переделки, улучшения)». Или: «Мы парировали дефицит ликвидности». Разве не лучше — «Мы преодолели недостаток наличных денег»? А что такое «санация проблемных финансовых учреждений»? Санация, кажется, оздоровление. В свое время Пилсудский установил в Польше «режим санации» Это вспомнилось мне, когда-то учившему золотую латынь, но, увы, ее учили не многие. А здесь это банковско-финансовый термин, многозначный смысл коего могут не знать даже изучавшие латынь. И зачем тут расплывчато-неопределенное слово «проблемные», когда можно сказать внятно: ненадежные, слабые, сомнительные и т.п.?

Вместо «запущен в эксплуатацию нефтепровод» проще выглядело бы «вступил в строй» или «начал работать». Но оказывается, он запущен «пока в реверсном режиме». Может быть, эрудиты-спикеры Грызлов и Миронов знают, что это такое, но мы с соседом Васей понятия не имеем. Как и о том, например, что такое «среднесрочная перспектива», «субординированные кредиты», «ставка рефинансирования», «оптимальные квазифискальные меры», «квазифискальные расходы», «программа развития конкуренции», «амортизационная премия», «конкурентная среда внедрения логистических схем» и т.д. и т.п. Надо думать, все это имеет какой-то смысл для профессионалов или для жулья, что у нас часто одно и то же, но говорил-то премьер не только для них. Мы с Васей не знаем даже, что такое «коммунальный транспорт». Общественный, что ли, — трамвай, автобус, метро? А «нормальная экономика»? Для оратора

это, ясное дело, капиталистическая экономика с эксплуатацией, безработицей, миллиардерами и нищими, а для нас с Васей — экономика без всего этого, но с законом: кто не работает, тот не ест. А что такое «история новейшей России»? Это то же самое, что тут же явленная «новейшая история России»? И где начало этой истории, этой России — приход в Кремль Ельцина, Путина, Медведева? Впрочем, это уже вопрос не языка.

* * *

А возвращаясь к языку, надо опять заметить, что в отчете многое не понятно и там, где нет или почти нет никакой иностранщины. Например: «отрицательные темпы роста». Это для маскировки? В таких случаях по-русски говорят «снижение», «падение», «убыль». Но деликатный оратор не может произнести таких грубых слов и говорит: не падение, не убыль, а хоть и отрицательный, но рост. А как понимать это: «В прошлом году были снижены налоги на инвестиции предприятий в НИОКРы, на технологическое обновление производства». Что за НИОКРы? Откуда взялись? Кому и зачем нужны? Кто их придумал — не Чубайс ли изобретатель? Для меня лично новость и то, что обновление производства облагается налогом. Надо же было подготовить меня к этой сногшибательной новости. Никто и не подумал, даже златокудрая нимфа Голикова.

Специальные термины, как и аббревиатуры, вполне естественны, когда они на своем месте. Например, в религиозной литературе пишут: «прп». Что это? Преподобный. «Свмк» — что такое? Святой великомученик. «Св. Ап.» — святой апостол, и даже «б.м» — Божья мать и т.д. Уж не говорю об РПЦ. И читатели этой литературы все понимают, они привыкли. Прекрасно! Но нельзя же главе правительства разговаривать с народом посредством специальных терминов и сатанински-таинственных аббревиатур.

А вот вроде бы все понятно, но это же совершенно не по-русски: «компенсировать сжатие рынков», «альтернативные формы торговли», «мы намерены продвинуться в развитии и повышении доступности медицинской помощи», «механизм материального стимулирования офицеров заработал», «завершен этап выхода нефтепровода к китайской границе»... Такое впечатление, что это писали как раз китайцы, плохо выучившие русский. Когда-то в журнале «Крокодил» был занимательно-поучительный разделчик для таких языковых уродцев — «Нарочно не придумаешь». Так это же все именно оттуда речеписцами и взято и вложено в премьерские государственные уста! А он и не чувствует, что изъясняется языком крокодила. Ведь порой, как говорится, без пол-литра и выговорить-то невозможно: «реализация масштабных инфраструктурных и инновационных программ»... А ему хоть бы что! И не замечает, что это дикая несъедобщина. Вот что значит чекистская закалка!

И нет конца этим концентрациям, реализациям, ситуациям, капитализациям, адаптациям, реструктуризациям, инновациям, консолидациям, демонстрациям, диверсификациям... Не продраться!

Из всего этого видно, что оратор просто не понимает, что говорит он не только для высоколобых депутатов Думы, таких, как доктора важных наук Жириновский или Слиски, что его слушает вся страна, весь народ, ибо — как к нему ни относись — он глава правительства. Но глава ничуть не озабочен тем, чтобы его понял народ. Отзвонил и с колокольни долой.

Но он еще и похвально: мы, говорит, заложили новую традицию — отчет правительства Думе. Да чего тут нового? Так во всех царствах-государствах, и вам давным-давно пора было сделать это. Вот бы еще заложить одну «новую традицию» — перед выборами, как принято всюду, принимать участие в дискуссиях, чего все вы до сих пор трусливо избегали.

Еще и цену набивает «новой традиции»: какое, говорит, неподходящее, невыигрышное время — кризис, а я вот он, стою перед вами тепленький. Товарищ, видно, и не слышал о том, что уж какое было невыигрышное время — война, тяжелейшее положение в 1941, 1942 годах, однако же Сталин всю войну три раза в год — 23 февраля, 1 мая и 7 ноября выступал с докладом или писал приказ, и это было не чем иным, как именно отчетом о положении в стране и на фронте. И не набивал себе цену даже 7 ноября 41-го на Красной площади: смотрите, мол, фашисты в тридцати верстах, а я речь произношу.

Петр Толстой, ведущий первого канала телевидения, известный своим остроумием, в итоговой воскресной передаче 12 апреля объявил отчет Путина в Думе как «Апрельские тезисы». Что он хотел этим сказать о Ленине или Путине — непонятно. Скорей всего, ничего, просто взбрело в голову и брякнул. Но раз уж слово все-таки сказано, то интересно заглянуть, сопоставить восемь тезисов Ленина и семь «приоритетов» Путина.

Так вот, прежде всего видишь: Владимир Ильич понимал, что говорит с народом и хотел быть понятым. Поэтому его речь проста, внятна, доступна любому. В ней нет никакой «диверсификации», «транспарентности», «реструктуризации» и подобных им заморских чудищ, кроме, конечно, таких слов, как «революция», «буржуазия», «аннексия» и других, всем и тогда понятных.

Смотрите, как ясен и четок, например, третий тезис: «Никакой поддержки Временному правительству, разъяснение полной лживости всех его обещаний». Все понятно. И между прочим, весьма злободневно также и в новые времена лживости обещаний правительства. Только один пример. Министр многих отраслей Голикова (между прочим, это не новый ли Гайдар в юбке тайно внедрен в правительство? Ведь Гайдар — псевдоним, а настоящая фамилия и отца, и Тимура, и Егора именно Голиков)... Так вот, новый

златокудрый Гайдар заявил в прошлом году, что в ближайšie два года все участники Великой Отечественной войны получат машину или 100 тысяч рублей. Господи, да ведь говорить-то об этом как о государственной проблеме стыдно. Сколько нас осталось?.. Но вскоре сам Путин поправил благодетельницу: не в два года, а в этом, 2008 году все фронтовики получают обещанное. Старцы ликовали, хороводы водили, Некрасова декламировали: «Вот приедет барин, барин нас рассудит...»

Но вскоре вдруг было кем-то объявлено: получают только те, кто подал заявление до 1 января 2005 года. Какое заявление? Где, когда было объявлено, что надо его подавать? И кому, куда подавать — в военкомат? в райсобес? на имя златокудрой? Речь-то идет о людях, которым за восемьдесят. Вы, госмадам, понимаете, что такое восемьдесят с гаком? Это взять вас, вашего волоокого мужа Христенко, такого же многоотраслевого министра, да еще прибавить ваше дитяtko, если оно есть в этом или прежнем браке — вот и будет восемьдесят с хвостиком. Ведь даже если о заявлении писали в газетах или говорили по телевидению, фронтовики могли этого и не читать и не слышать, а услышав — на другой день забыть. Повторяю: 80 + !.. Все нынешние фронтовики старше Льва Толстого. Увы, никто из фронтовиков, которых я знаю, ничего не получил. Ни о каком заявлении они и знать не знают. И в Думу приходят письма фронтовиков, желающих покататься, а не на чем. В отчете же мы услышали: «Наши обязательства предоставить фронтовикам автотранспорт или денежные компенсации уже исполнены». Товарищ Путин, пошлите ко мне вашу златокудрую. Лучше — вместе с Христенко и с собакой-ищейкой. Пусть они в четыре руки, в три носа произведут у меня обыск на предмет обнаружения вашей компенсации. Найдут — подарю мешок отменной репы с собственного огорода.

Между прочим, у меня такой подарок запланирован еще с того дня, когда правительственная нимфа заявила:

«Вы потеряли работу? Мы создали в Интернете базу данных, где можно ее найти. Обратитесь в Интернет, ищите». Ах, как это похоже на французскую королеву Марию Антуанетту, которая однажды заявила: «У крестьян нет хлеба? Пусть едят пирожное!» Краснопресненская нимфа и не подозревает, что Интернет стоит денег, которых у безработных нет.

* * *

В начале отчета наш оратор уверенно заявил: «Все мы хорошо знаем, в какой ситуации находимся... Наша экономика переживает, мягко говоря, нелегкие времена». Во-первых, хотел бы я знать, что еще должно стрястись в стране, чтобы премьер перестал наконец говорить мягко и перешел бы на язык государственного мужа — эпидемия чумы? падение нового Тунгусского метеорита на Кремль? атомная бомбежка Бочарова Ручья?

Во-вторых, с чего он взял, что все мы хорошо знаем ситуацию? Я лично до этого дня вроде действительно знал и согласен с оратором, что «Россия не могла остаться в стороне от кризиса, избежать его». Какое там избежать, если все двадцать лет правители только тем и были озабочены, как бы покрепче прикрутить нашу родину к Америке: пустили в страну доллар, назвали на подмогу Чубайсу советников и консультантов, перевели за океан несметные национальные богатства... Прав, умница, прав: не могли.

Но дальше вдруг читаю: «Проблемы возникли не у нас и не по нашей вине. С этим никто не спорит». Продолжая изъясняться мягко, оратор не посмел назвать виновником кризиса США, а выразился деликатно: «не у нас». Кто-то может подумать, на Мадагаскаре. А что до спора, то в карманном правительстве за все годы демократии никто вообще в этом не был замечен. Как можно-с! Политкорректность, блин... Но за пределами Кремля и кабинетов на Краснопресненской набережной все знают, что когда в США разразилась Великая депрессия с остановкой предприятий и жут-

кой безработицей, в Советском государстве шло успешное выполнение Первой пятилетки (1929 — 1932), в ходе которой национальный доход вырос в 2 раза. Все знают и то, что нынешний кризис разразился именно у нас по почину Горбачева да Ельцина и длится уже двадцать лет, принимая разные формы, вот теперь — такую. Это лишь частный случай последствия ваших тупоумных реформ, вашей бесстыдной демократии.

Попытка мягко, скрытно, трусливо свалить вину за кризис целиком на Америку особенно неприглядна рядом с бесцеремонной и циничной попыткой представить до сих пор существующие двухтысячные пенсии как «наследие прошлого, советского периода». Да что же мешало за двадцать лет демократии сначала вашему благодетелю Ельцину, а потом хотя бы за десять лет вашего персонального владения властью упразднить такие пенсии и установить достойные великой эпохи новейшей России? Вам некогда было, вы занимались созданием режима наибольшего благоприятствования для помянутых вами жирных котов.

После доклада мне стало многое сомнительно в самой картине кризиса. Оратор призвал: «Давайте по-серьезному, без лозунгов!» Почему? Что несерьезного в лозунге «Все на борьбу с Деникиным!» или «Кадры решают все!»? Советская власть выполняла свои лозунги и призывы. Другое дело, когда возглашаются, например, лозунги «Удвоим ВВП!» или «Война коррупции!», но это так и остается лишь сотрясением атмосферы. Но почему-то, осудив лозунги, оратор тут же воскликнул: «Давайте реализовывать лозунг: «Помощь — в обмен на эффективность!» Так как же быть с лозунгами?

Дальше — больше. Что думать, когда, с одной стороны, оратор жалуется на «отток западного капитала», на то, что даже какой-то неизвестный мне «спекулятивный капитал начал уходить с нашего рынка», а с другой — уверяет, что и без этого сбежавшего капитала инвестиции выросли почти на 10%. Так ли это?

А что касается итогов нынешней формы кризиса, то отчет совершенно сбил меня с толку. В самом деле, например, с одной стороны, оратор радостно объявил, что «мы должны не просто сохранить, но и ускорить... не только поддерживать, но и создать... не только уберечь, но и продвинуть»... А в итоге «наша промышленность должна выйти из кризиса более сильной и современной». Ах, как хорошо! Значит, кризис нам на пользу. Но, с другой стороны, тут же ошарашил известием, что нам предстоит эпоха «посткризисного восстановления». Как так? Ведь восстанавливают только разрушенное. Так что ж, окрепнет наша промышленность или будет разрушена окончательно? Радоваться мне кризису или горевать? Похоже, что оратор не всегда понимал то, что говорил, вернее, то, что оглашал написанное ему златокудрыми и волооками.

Немало теперь возникло у меня и других недоумений о «ситуации, в которой находимся». Так, я услышал: «Нам удалось избежать худшего сценария». Во-первых, что за сценарий, кто его для нас писал — Бжезинский? Чубайс? Новодворская?... Во-вторых, что значит худшее? Ныне на телевидении повелось так. Например, рассказывают об очередном пожаре в доме инвалидов. Погибло 56 стариков. А вот Ивану Кузьмичу как-то удалось выбраться. И журналист подводит итог: «Удалось избежать худшего сценария». Так мы избежали такого рода «худшего» или чего-то другого? Неизвестно.

Что-то у оратора вообще не все в порядке с пониманием худшего и лучшего. Уверяет, например, что после Второй мировой войны во всем мире были те самые «отрицательные темпы роста». Помилуй Бог! Все наоборот. И в нашей стране, и в Германии, Франции, Англии шло стремительное восстановление разрушенного. У нас в ходе выполнения Четвертой пятилетки (1946 — 1950) национальный доход по сравнению с 1940 годом вырос на 64%, валовая продукция промышленности — на 72%. Где, в какой стране ваши советники разыскали отрицательный рост? Сами они отрицательные умники.

Озадачило меня и такое веселое сообщение: «В 2008 году было построено 64 млн. кв. метров жилья. Это лучший показатель за все время новейшей России». За все! Тут два вопроса. Думаю, что время новейшей России оратор исчисляет все-таки не с дня своего появления на Олимпе, а хотя бы — Ельцина или Горбачева, т.е. это лет двадцать с лишним. Так вот, во-первых, в последнюю советскую пятилетку, в 1986 — 1990 годах в РСФСР было сдано 343,4 млн. кв. метров жилья (С. *Кара-Мурза*. Белая книга. М., 2004. С. 262). Значит, в среднем ежегодно вводилось в строй более 68 млн., т.е. на 4 млн. больше, чем в 2008-м. Где же ваш рекорд? Кто вам подсунул эту цифру — Жуков, Фурсенко, Авдеев? Отправьте их в тот край, где счет ведется не на квадратные метры площади, а на кубы древесины.

Второй вопрос. В 1988 году все 68 миллионов были бесплатно предоставлены гражданам страны. А вы за все свои 64 миллиона будете драть с соотечественников три шкуры. Ведь это не совсем одно и то же, о чем вы, оратор, почему-то умолчали.

Путин счел возможным сообщить и о том, что по неким программам «20 тысяч человек получили или получат в ближайшее время (курочка в гнезде!) новые квартиры, а всего улучшат (курочка там же!) квартирные условия жизни 7 миллионов человек». Какие цифры! И во сколько же обойдется счастливым это «получение» и «улучшение»? А вот данные Советского предреформенного времени. В девятой пятилетке (1971 — 1975) получили бесплатно или построили собственные квартиры 56 миллионов человек, в десятой (1976 — 1980) — 51 млн., в одиннадцатой (1981 — 1985) — 50 млн., за три года двенадцатой (1986 — 1988) — 33 млн. (СССР в цифрах. М., 1989. С.106) Как рядом с этими цифрами выглядят ваши?

Тут нельзя не вспомнить и «материнский капитал». Как у тех, кто ежемесячно гребет сотни тысяч и миллионы (прежде всего у тех же министров), поворачивается язык называть эти 250 тысяч «капиталом». В житейских расходах и хлопотах, связанных с рождением детей, такая сумма могла бы сыграть важную роль. Но нет! И тут своя закавыка. Эти деньги (немного больше 7 тысяч долларов), видите ли, предназначены только, исключительно для приобретения квартиры. На днях Анна Краснолуцкая поведала на НТВ, что в Москве один квадратный метр стоит 4300 долларов. А моя жена уверяет, что нет, нет — всего 3 тысячи. Хорошо, пусть три. Так какую же квартиру можно приобрести за 7 тысяч долларов? Размером, чуть превышающим комфортабельный гроб с телефоном и телевизором...

От жилья резонно перейти к самой жизни человеческой. Иные писаки и пустобрехи о войне, вроде телевизионщиков Сванидзе и Пивоварова, любят поддеть то время вопросом: «Публиковались данные о потерях немцев. А что ж о своих потерях молчали?» Они считают, что мы, исходя из их принципов гласности, должны были давать врагу точные сведения на сей счет. Но вот никакой войны нет, однако премьер заявляет: «В 2008 году у нас родился 1 миллион 717 тысяч детей — самый высокий показатель с начала 90-х годов». Опять рекорд! Порадуемся. А какова смертность? Молчание. Военная тайна. Вот вы, Пивоваров, и спросите у Путина, почему он умалчивает об утратах даже в мирное время в эпоху гласности и трансферентности (так написал?).

Зато оратор порадовал еще вот чем: «Ожидаемая продолжительность жизни достигла почти 68 лет». Дай Бог, товарищ Путин, дожить вам до этого возраста, но примите во внимание, что, по данным Госкомстата, в 1986 — 1987 годах, т.е. накануне ваших великих реформ, ожидалась жизнь до 75 лет, а после удушения вами Советской власти началось снижение, но все-таки в 1995 году было 72 года (В чем острота демографической проблемы в России. МГУ. 1997. С. 59). И как опять же рядом с этим выглядят ваши «почти 68»?

Иной раз я ничего не мог понять в отчете и там, где нет ни терминов, ни варваризмов, а только понятные сами по себе русские слова. Например, вот что мы услышали в рассуждении о подоходном налоге: «И те, кто получают большую зарплату, и те, у кого маленький доход, платят 13%». Смотрите: к богачам оратор применил слово «зарплата», хотя богатство их, порой невероятное, сложилось вовсе не из зарплаты, их сделал богачами совсем иной доход, порой просто грабительский, а о бедняках сказал «доход», хотя они-то именно и живут на зарплату. Ловко! Я недооценивал его. Собчаковская школа. Уже эта словесная игра многое делает ясным. А вы говорите, зачем к языку цепляться!

«Где же справедливость? Вроде бы действительно надо изменить. Но у нас уже была дифференцированная ставка». Когда? В какую пору? В Советское время? При Ельцине?

«И что было? Все платили с минимальной заработной платы...» Опять он о зарплате, хотя дело вовсе не только в ней, а еще и в самых разнообразных доходах. «...а разницу получали в конвертах». Тут уж я ничего не понимаю. О ком речь? О какой разнице? Кто кому ее платил и почему, с какой стати? Понятно только, что речь идет о каком-то жульничестве, как о тайной отправке народных богатств в Америку. Если это было при Ельцине, имя которого, как США, оратор не смеет произнести, так он же не просыхал, ему не до налогов было и вообще ни до чего, кроме бычьей шкуры. Но вы-то теперь с Медведевым да с Грызловым, с Мироновым да Сердюковым — все почти молодые, спортивные, по-английски ботаете, собак держите. Вот и наведите наконец порядок. Но он не верит ни себе, ни своим бравым соратникам: «Что может случиться, если мы вернемся к дифференцированной ставке? Стыдно об этом говорить, но, скорее всего, будет то же самое... Те, кто получает сегодня высокую зарплату, будет ее часть получать в конвертах. И тоже никакой справедливости». Боже мой, какое действительно стыдное признание в беспомощности! Да где ж

твоя вертикаль? Зачем создавал ее, обливаясь потом, как раб на галерах? Да только свистни — и тотчас примчатся названные выше и Слиска, и Жириновский, и Чубайс... Все с дубовыми вертикалями в руках. И будут ими выбивать налог с миллиардеров.

Нет, не хочет, он в восторге от того, что есть: «Когда мы ввели плоскую шкалу, поступления по этому налогу возросли — прошу внимания! — в 12 раз!.. Эффект абсолютно очевидный».

В порядке исключения, можно поверить: в 12 раз. Но даже при этом, увы, здесь абсолютно очевидная демагогия и обман. Восемь лет тому назад в стране было 3—4 миллиардера и десятков миллионеров. Их доля в общем доходе от налога была не так уж невелика. Но за эти восемь лет в стране под чутким руководством оратора продолжалось ограбление страны, и число богачей росло. Пять лет назад, по данным журнала «Forbes», самым последним в первой сотне богачей — прошу внимания! — был Ралиф Сафин с капиталом 210 млн. долларов. А во второй сотне? А в третьей?... За последующие пять лет до нынешних дней вылупилось уже больше сотни долларовых миллиардеров и тысячи миллионеров. Теперь в первую сотню не входит даже министр Юрий Трутнев с его 370 млн. рублей (откуда столько у работающего чиновника?). Это уже целое племя, нация в нации. Теперь прогрессивный налог с них дал бы рост дохода не в 12, а — прошу внимания! — в 120 раз и был бы огромным вкладом в казну государства. Но оратор делает вид, что не понимает это.

* * *

Мало того, он уж совсем оборзел: «Весь мир нам завидует, весь мир нам завидует! Я вам точно говорю! Я знаю, что говорю!» С вашими знаниями, дорогой товарищ Путин, с вашей точностью, ваше степенство, мы за десять лет познакомились основательно, наелись этих деликатесов до

отвала. В данном случае «весь мир» вы путаете с кучкой сверхбогачей, которых встречаете во время своих зарубежных вояжей. Да, бесспорно, им, с которых государство требует и получает где 40, где 60, а где и все 80 процентов налога с доходов, им, конечно, страшно завидно смотреть на наших абрамовичей, которые платят всего 13. Но это, повторяю, отнюдь не весь мир, а его ничтожная часть.

Но вот что еще очень загадочно. Если оратор уверен, что весь мир нам завидует, как, допустим, завидовала Америка запуску нашего первого в мире спутника или полету Гагарина, то нет оснований менять шкалу налога, надо и дальше шпарить в том же самом духе. Но вдруг мы слышим: «Я не говорю, что мы никогда не примем прогрессивную шкалу. Примем когда-то, но без спешки». Вот те на! Да зачем же менять такую распрекрасную, единственную в мире, как балет Большого театра, шкалу? А если все-таки по каким-то неведомым нам соображениям менять, то какая тут спешка? Уже лет десять живем по этой шкале. Или надо дожидаться полного, окончательного, дотла разграбления страны? Может быть, когда-то вы и смертную казнь для изуверов введете — когда они начнут орудовать в коридорах Кремля, в Зубалове и Новом Огареве? Не поздно ли будет, отец мой?

2008 г.

ПРЕЗИДЕНТ, СТАНЬ РУССКИМ!

Кое-кто из моих знакомых уже откликнулся на призыв президента помочь ему спасти родину, а для начала пособить в составлении ежегодного послания к парламенту в ноябре. Ну, как не выручить молодого человека, начинающего политика!

Но меня смущало то, что со своей великой статьей «Россия, вперед!» президент обратился к народу через интернет. Неужели думает, что все 145 миллионов любимых со-

отечественников уже обинтернечены? Да знает ли он еще и о том, что компьютер и интернет совсем не бесплатны, а 35 миллионов у нас бедствуют, особенно сейчас, в пору кризиса, да и сводящим концы с концами не до интернета? К концу октября, т.е. почти за два месяца, прислали ему 13 тысяч интернет-писем. Да это же для такой страны даже не капля в море, а одна молекула H_2O в океане. Вспомните, сколько народа принимало участие хотя бы в обсуждении проекта Конституции в 1936 году или Программы КПСС в 1961-м. Миллионы!.. Так почему бы президенту, принимая во внимание исключительность его обращения, не напечатать его еще если уж не в «Правде», «Советской России» и «Завтра», то в гораздо более многотиражных изданиях демократов?.. Думается мне, что уже в способе публикации обращения видно непонимание, незнание страны и времени. Через интернет — это все равно, как если бы Сталин свою великую речь 3 июля 1941 года произнес не по радио, а огласил в мегафон с Лобного места. А ведь сейчас положение страны хуже, чем тогда.

Однако мой гуманизм поборол мой скептицизм, и я тоже кинулся на помощь, бросил спасательный круг, даже несколько. Первым было письмо с приложением:

«103073. Москва, Кремль.

Президенту РФ тов. Медведеву А.Д.,
автору статьи «Россия, вперед!»

Уважаемый тов. Медведев!

Прежде чем оглашать державу стоном «Россия, вперед!», полезно было бы изучить прилагаемую работу «Грозящая катастрофа и как с ней бороться», написанную, возможно, известным Вам публицистом В.И.Ульяновым-Лениным в сентябре 1917 года, т.е. еще до того, как большевики взяли власть, а страна находилась в более отчаянном положении, чем сейчас. Позвольте напомнить, что, взяв власть, они, вандалы-большевики, под руководством автора упомянутой статьи и спасли страну от катастрофы.

Думаю, что статью Вам надо изучить, а потом передать тов. Путину с целью совместного обсуждения с участием ваших умных супруг.

Пошлите ксерокопию статьи и другу своему Б. Грызлову, который вопил вслед за Троцким, что Ленин жаждал поражения России в мировой войне. Разжуйте ему, что, даже не будучи у власти, Ульянов думал, как спасти родину. А в 1919 году, когда еще шла Гражданская война, сей шпион в числе других враждебных России злодеяний, например, подписал еще и декрет «О ликвидации неграмотности», которой страдало тогда 75 процентов населения.

Желаю успеха!

2 октября 2009».

Через несколько дней бросил второй круг по адресу:

«123242, Краснопресненская набережная,
Дом правительства.
Главе правительства Р.Ф. тов. Путину В.В.,
вероятному соавтору статьи «Россия, вперед!»

Первая половина письма была примерно о том же. А кончалось так:

«Надеюсь, статья В.И.Ленина поможет Вам предотвратить катастрофу. Изучив и законспектировав, передайте ее тов. Медведеву, чтобы потом обсудить вместе с участием ваших образованных супруг, но — в отсутствие Кони.

Думаю, мое письмо и предложение Вас не удивят, как никого не удивило, что тов. Зюганову на день рождения Вы подарили «Коммунистический манифест» Маркса и Энгельса. Что ж, это естественный процесс взаимного обогащения патриотов России.

Желаю успеха!

6 октября 2009».

Но обратимся, наконец, с самой статьёй. Проницательный Юрий Мухин пишет: «Нет ни малейших сомнений, что Медведев эту статью не писал, скорее всего, и не читал». А я едва ли ошибусь, назвав тех, кто ее написал. Скорее всего, это сидящие в правительстве Эльвира в очках и Лорелея с золотыми кудрями. Уж очень много явно женских уловок и сугубо дамских хитростей, а уж логика — ну чисто бабская.

Смотрите, какова хотя бы эта логика. В статье названы пять «стратегических векторов» спасения, пять судьбоносных вопросов, которые стоят перед страной. И тут же сказано: «У меня есть ответы на эти вопросы». Если есть, то чего ж о помощи голосишь, чего взываешь? Работать надо!.. Но потом, оказывается, что никаких ответов у него и нет, а есть только благие намерения, отрадные пожелания, маниловские мечтания да еще опять же явно не мужского происхождения лукавство, ужимки, умолчания.

Например: «Мы, современное поколение, получили большое наследство». Не большое, сударь, а великое, грандиозное, небывалое, — какое не получало ни одно поколение. Почему, зачем принижено? Потому, что это советское наследство.

Наследство, завоеванное, заработанное упорными усилиями наших предшественников. Каких ваших предшественников — святого Николая Кровавого, путинского любимца Деникина, прославляемого американского живоде-ра Колчака? Нет, речь идет не о ваших, а о наших предшественниках — о Советском народе.

«Мы располагаем гигантской территорией, колоссальными природными богатствами, солидным промышленным потенциалом». Тут следовало бы напомнить, что наши предшественники — Ленин и Сталин — сперва сохранили страну от развала на множество госкусов, а позже без единого выстрела увеличили территорию страны, вернув

Западную Украину, Западную Белоруссию, Бессарабию, а затем, правда, уже с оружием в руках — и кое-какие еще земельки на западе и востоке, а ваши предшественники — шкурник Горбачев и алкаш Ельцин — без единого выстрела отдали 5 миллионов квадратных километров Советской земли. Это, во-первых.

А во-вторых, тут хорошо бы пустить хоть крокодилову слезу о том, что эти богатства, принадлежавшие народу, отданы вами — тем же алкашом, страдавшим недержанием мочи, и его избранником в руки кровососов вроде Дерипаски.

В-третьих, не «солидный», а второй в мире промышленный потенциал доведен вами до того, что какой-то новый тип электролампочек, которые вы запланировали ввести через несколько лет, подаете как промышленную революцию. И говорится это в дни катастрофы на Саяно-Шушенской ГЭС, происшедшей из-за вашей бездарности, безответственности и скупердяйства. И вы об этой катастрофе — ни слова.

В-четвертых: «Мы располагаем впечатляющим списком (!) ярких достижения в области науки, техники, образования, искусства». Привел бы хоть пяток имен из этого «впечатляющего списка». Увы, это опять были бы только советские имена. А у вас корифеи в области науки — Кашпировский, техники (подсчета голосов) — Чуров, образования — Фурсенко, искусства — шаман Эдвард-оглы-Радзинский.

В-пятых: «Мы располагаем славной историей армии и флота, ядерным оружием». Какой армии? Красной, Советской. Какого флота? Красного, Советского. А откуда взялось у вас атомное оружие, которое ныне только и спасает нас? Из советского наследства. Но не могут выговорить такие слова кремлевские манкурты. А располагать славной историей армии — хорошо. Но еще лучше — иметь славную армию. Но где, в чем слава армии Грачева — Сердюкова? Разве что в великой победе над грузинскими бегунами на дальние дистанции. Так этой войны вообще могло не быть, если бы вы, президентушка, не туризмом по Енисею зани-

мались, не сидели по два часа у компьютера, а решились бы своевременно сказать веское слово.

В-шестых: «Мы располагаем авторитетом державы, игравшей значительную, а в некоторые периоды и определяющую роль в событиях исторического масштаба». Господи, какая увертливость, какой страх перед Новодворской произнести слово «СССР». Это же он, СССР, был страной, игравшей не «значительную», а великую роль, и не в «некоторые периоды», а на протяжении почти всего XX века до вашего прихода. Одной этой фразы достаточно, чтобы оценить всю статью: увертливость, трусость, убожество мысли и языка.

Ну, хорошо, хотя вся статья выдержана в духе такой вот изящной дамской болтовни и никаких ответов в ней нет, поверим, однако, что они у Медведева все-таки есть. Поверим. Но тут же нельзя не спросить: а с кем, батюшка, вы намерены эти вопросы решать? Надо думать, прежде всего с партией «Единая Россия», со спикером Госдумы Грызловым, с Исаевым, Морозовым, Володиным... Вот самый умный из них — В.Грызлов. Он обессмертил свое имя афоризмом: «Дума — не место для дискуссий!» И в эту государственную голову не могло прийти, что будет, если в перерыве между заседаниями приспичит ему посетить туалет, а там — Жириновский с ружьем преградит ему дорогу и скажет: «Подите прочь! Туалет — не место для мочеиспусканий». Но это пустяк! А ведь что может случиться хотя бы в тот скорбный день, когда Грызлов повезет на кладбище свою любимую бабушку. Его там спросят: «Что вы хотите?» Он ответит: «Похоронить любимую бабушку». — «И вы привезли покойницу? Так знайте же: кладбище — не место для покойников!»

* * *

Таков главный и лучший ваш кадр по государственной линии. А по идеологической? Вот Владимир Познер — едва ли не главный трубадур, защитник и певец вашего режима.

Делает он это не напрямую, а с помощью вранья насаждает презрение и ненависть к русской истории, литературе, к Советскому прошлому, к Сталину.

Каков гусь лапчатый! Он однажды заявил, что мне, родившемуся, крестившемуся и всю жизнь прожившему здесь, отлучавшемуся лишь на три года за границу по случаю войны, здесь схоронившему бабуку и деда, отца и мать, сына и сестру, — в России не место! А ему, сыну эмигранта, родившемуся во Франции, жившему в США, прибывшему сюда лет в двадцать и двадцать лет клеветующего на нас, — место!

Он по случаю недавнего своего юбилея сказал: «Если мне не дадут работать на ТВ, я тут же уеду. В России меня держит только моя работа». Отменно оплачиваемая. «Я не русский человек, — сообщил он всех поразившую новость, — это не моя родина, я здесь не вырос, я не чувствую себя здесь полностью дома, и от этого очень страдаю». И опять: «Я чувствую себя в России чужим. Я не считаю эти улицы для себя своими». Ах, страдалец! И мы тебя чувствуем чужим, ну просто таким чужим, как крокодила из Миссисипи, если они там водятся. Однако, что ж, иностранец может так чувствовать себя на чужбине, но чтобы всем известный в стране человек, постоянно поучающий граждан страны, все это с вызовом афишировал... Какая невоспитанность, какое плоскостопие ума и рахитичность души! Иначе говоря, какое хамство!

«Своими я считаю парижские улицы. Недавно я был в Париже и чувствовал там себя абсолютно счастливым». Чего ж не остался во имя абсолютного счастья? «И если у меня нет работы, я поеду туда, где чувствую себя дома. Скорее всего, я уеду во Францию». Не только в Китае или Америке, но и в Лихтенштейне, в Монте-Карло, ему сказали бы: «Ну и шпарь туда, печеночный сосальщик!» А у нас он — известнейшее в стране телетрепло государственного канала, какой-то академик, даже президент. И не уедет он во Францию, где с русскими деньгами чувствует себя абсолютно

счастливым, потому что там никому не нужен, занимать такое место и грести такие деньги он может только в России при нынешней национально бесполой власти. И вы, Медведев, указать Познеру на дверь никогда не посмеете.

Любимый предмет познерского ковыряния — патриотизм. Сергей Ковалев однажды заявил, что Лев Толстой сказал: «Патриотизм — это последнее прибежище негодяев». Однако вскоре выяснилось, что афоризм принадлежит английскому писателю Сэмуэлю Джонсону (1709 — 1784). Но, во-вторых, так мог сказать и Толстой, ибо речь тут идет не о патриотизме, а о негодях, которые прячутся за патриотизмом, как за самой надежной стеной. Но Познер подхватил афоризм в ковалевском толковании. Ему это было очень нужно для того, чтобы высмеять русский патриотизм!

Сей телефранцуз пускается еще и в рассуждения о русском характере: «В российском менталитете негатив закреплен. Мы (и он с нами! — В.Б.) всегда начинаем ответ словами «нет» или «не получится», «это невозможно». Ну, правильно, иногда мы так отвечаем. Например, в 1941 году Гитлер задал нам вопрос: «Хотите быть моими рабами?» Мы всем народом сразу ответили: «Нет, не получится, это невозможно». И Гитлеру свернули шею. Это оказалось возможно.

А у Познера есть и еще укор нам, русским: «Если американцу сделать какое-нибудь (!) предложение, первое, что он будет делать — думать, как это осуществить». Вранье. Клевещет и на американцев. Первое, что «будет делать» разумный американец, — подумает: дельно ли, выгодно ли, законно ли и лишь потом, если нет противопоказаний, — как осуществить это предложение. «А у россиянина первым ответом будет: «Это невозможно!» Ну, какое французское долдонство! Так он говорит о русских, создавших великую страну, сверхдержаву, наступавшую на пятки его Америке, и если бы не банда предателей, сейчас Америка мечтала бы разглядеть вдали русские пятки. Вспомнил хотя бы, если слышал, россиянина Чичикова. Он объехал

других россиян — Манилова, Плюшкина, Коробочку, Ноздрева... И всем делал невероятное предложение: продать ему мертвые души. И что же? Ни один не сказал: «Это невозможно!» Все продали. И только Манилов вначале немного замаялся: «А не будет ли сия негодия нежелательна для будущих видов отечества?»

А французский знаток русской души продолжает: «Даже когда русские люди встречаются и спрашивают «Как дела?», в лучшем случае отвечают «Нормально». Сказать «Хорошо» или «Отлично» как-то неловко». Мыслитель, было время, когда советский поэт писал:

Я земной шар
 чуть не весь обошел, —
и жизнь хороша
 и жить хорошо.
А в нашей буче,
 боевой, кипучей, —
и того лучше.

Народ повторял за поэтом: «И того лучше!» И не ваш ли батюшка Владимир Соломонович Познер (1905 — ?) так обожал этого поэта, что Корней Чуковский 5 декабря 1920 года записал в дневнике: «Никогда не забуду маленького, черненького Познера, который отшибал свои детские ладошки, аплодируя его стихам».

А великий поэт оглашал всю Россию:

Надо мною небо — синий шелк.
Никогда не было так хорошо!

И народ повторял: «Никогда — до Советской эпохи!»

А вот взгляд академика на сферу его любимой профессиональной деятельности: «По телевидению не нужно давать концерты Чайковского. Телевидение это совсем другое». Какое другое? А вот, говорит, что определяет его суть: «Публика хочет смотреть и криминал, и то, что можно называть подглядыванием в замочную скважину... Люди хотят знать об убийствах, изнасилованиях, наводнениях и катастрофах...» Подглядывание во все времена у всех народов считалось подонством. Гамлет от имени всего прогрессивного человечества заколол шпагой царедворца Полония, который пытался за ним подглядывать. А ставить это гнусное занятие в один ряд с наводнением и катастрофой может только сверхподонок. Разумеется, многое из того, что названо, телевидение должно показывать, но оно же у нас завалено сплошь кошмарами и мерзостью вплоть до половых актов на экране. И конечно, везде есть и всегда были люди, охочие до таких зрелищ. Однако даже антисоветчик Виталий Гинзбург, академик, Нобелевский лауреат, сказал: «Если будет написана история нынешнего времени, то честный исследователь назовет наше телевидение преступной организацией». И Познер — один из главных руководителей этой организации. А вы, тов. Медведев, награждаете их орденами.

«Настоящее телевидение, — говорит Познер, — это английское, американское Си-би-си...» Это почему же? А потому, что «американское телевидение пропагандирует семейные ценности, там полицейские, пожарные, врачи — классные ребята. Эти истины возведены в ранг базовых ценностей общества». Да ведь так было до вашего нашествия и на нашем телевидении, в нашем кино. Классный парень полицейский? Пожалуйста, участковый милиционер Федор Иванович Анискин, великолепно сыгранный в кино великолепным Михаилом Жаровым. Классный врач? «Платона Кречета» или «Доктора Калюжного» смотрел? Едва ли! И он рад, что в Америке вот так, а в России ему и его сат-

рапам удалось устроить все наоборот: «Только начинаешь показывать позитив, зритель переключается на другой канал». Ну, что такое «позитив» по Познеру, мы знаем. Например, давнее вранье о том, что советский генерал Сулопаров, от нашей стороны присутствовавший 8 мая 1945 года при предварительной церемонии подписания капитуляции в Реймсе, по приказу Сталина расстрелян. Или вот недавняя беседа с ак. Ж. Алферовым. Там он сказал, что его семья вернулась из Франции в Россию в декабре 1952 года, и если бы через два месяца Сталин не умер, то наверняка вся семейка была бы тотчас посажена или расстреляна. Но зачем же они приехали, если точно знали, что «другу отца не повезло»: он вернулся в 1936 году и едва успел жениться, как его тотчас упекли аж, говорит, на 17 лет. Поди проверь!.. А он, оказывается, был замечательный человек, может быть, ровня Ходорковскому.

О нем так: «Я отдаю должное Ходорковскому, как человеку умному, умелому и дальновидному». Да как же он при таких достоинствах, особенно дальновидности, угодил на много лет в тюрьму шить варежки? Не в этом дело, говорит Познер, а в том, «зачем таких людей держать в клетке? Они, что — опасные преступники?» Да, суд решил, что Ходорковский и Лебедев преступники. Познер не оспаривает справедливость решения суда. Более того, он — гляньте! — вопрошает: «Что, Ходорковский ни в чем не виноват? Достаточно посмотреть, как была проведена приватизация — это же грабеж среди бела дня. Небольшая кучка людей сказочно обогатилась, а гигантское количество людей стало нищими». Правильно. Так вот Ходорковский из этой самой кучки грабителей народа — один из опаснейших преступников. Признавая это, Познер, однако же, возмущен, что преступника — свой же человек-то! — держат в «клетке».

Но что Грызлов и Познер! Когда сам Путин... Вот Вы, товарищ Медведев, в этой статье говорите о «низкой правовой культуре» нашего народа, о неуважении к закону и т.п..

Но ведь этого не было. Когда началось? Вы помните бегство Собчака? Когда этот прохиндей провалился на выборах, прокуратура заинтересовалась его деяниями и прислала ему повестку, надлежало явиться для допроса. Но Собчак не явился. Прокуратура шлет вторую, третью, пятую, десятую... Все это на глазах его бывшего заместителя Путина. Имелось законное право на привод уже после второй или третьей неявки без уважительной причины. Однако прокуратура решилось на это только после тринадцатой. И что Собчак? Ах! У него сердечный приступ, а его заместитель добыл легкий самолет марки «Сессна» и отправил страдальца в Париж. Что это, как не вопиющее нарушение закона, противоправное укрывательство?

Вскоре никому не ведомый заместитель Собчака стремительно пошел в гору. И как только дошел до поста председателя ФСБ, тот получил возможность вернуться. И прокуратура больше уже не смела его трогать, ибо заместитель пошел еще выше. Что это как не бесстыдное удушение законности? И Вы, Медведев, эту историю знаете. И после этого поворачивается язык говорить о «правовом нигилизме» народа, поучать нас?

Вы заявили: «К недугам страны я отношу вековую коррупцию, с незапамятных времен истощавшую Россию». Коррупция — явление интернациональное, а Вы представляете ее пороком только нашего народа. Но все знают, что именно при нынешнем правлении она расцвела таким пышным цветом и до таких размеров, что нашим предкам не могло присниться и в кошмарном сне».

И вот Вам один из мощнейших толчков, открывших путь к этому расцвету. Помните, как Путин стал президентом? Ельцин, конечно, понимал, что он американский холуй, предатель, преступник и что дело может обернуться так, что за это придется отвечать. И искал спасения, перебирал людей, которые могли бы обеспечить ему безопасность: Черномырдин... Кириенко... Степашин... Примаков... Но по

тем или иным причинам они не подходили. И вдруг — Путин! С этим договорились: я тебя — в президенты, ты мне — Указ №1 о неприкосновенности всей моей семьи. И он начал энергично двигать будущего спасителя. Возможности для этого были огромные. Одно верноподданное телевидение чего стоило. И никому неведомый подполковник КГБ стал президентом.

А кто несет главную ответственность за катастрофу Саяно-Шушенской ГЭС — Чубайс? Нет, он лишь подельник Путина, который столько лет пестует этого врага России. Попросите разыскать для Вас интервью Путина по вопросу энергетики. Ему журналист говорит: «Чубайс намерен ликвидировать единую энергосистему. Неужели мы поступим по Чубайсу?» Путин: «Мы поступим не по Чубайсу, а по уму!» А как поступил? Именно по Чубайсу. Это и стало фактической причиной катастрофы на СШГ. То есть, будучи президентом, он лгал и знал, что лжет. Как знал, например, и то, что это ложь, провокация, издевательство, когда предложил Беларуси войти в состав РФ в виде обычных областей. Белорусы это отвергли, что и было его целью...

* * *

На днях Вы, Дмитрий Анатольевич, заявили: «Я — русский». Но, увы, до сих пор во всех вас не было ничего русского. Мало родиться русским — им надо стать. Возьмите хотя бы такую частность. Завел Путин собачку. Но она у него не Бобик и не Жучка, он дал ей изящное заморское имя Кони. Конечно, можно давать собакам любые имена. Но ведь народ видел по телевидению, как Путин в обществе Кони принимал министров, губернаторов, депутатов. Это по-русски? А как в Америке он плюхнулся на колени перед барбосом Буша-старшего и в нежном порыве прижался к нему. Это по-русски? И это видел весь мир! Назовите еще хоть одного русского государственного деятеля за ты-

сячу с лишним лет нашей истории, который был бы способен на подобный фортель.

А Ваша супруга, товарищ Медведев, завела себе не иностранную собачку, а сайт в интернете. И какой она придумала себе адрес? А вот: FIRSTLEDY... Первая леди!.. Боже мой, даже адрес русский не желают взять, дай им и тут что-нибудь заморское и по языку и по манере!.. Если даже в таких делах — а ведь это делается бессознательно по внутренней потребности или инстинктивному порыву — в вас нет ничего русского, откуда оно возьмется в делах больших.

2009 г.

ДАЕШЬ ЧЕРТУ ОСЕДЛОСТИ!

Наш замечательный президент Дмитрий Медведев решил переименовать милицию в полицию, то есть продолжить великое дело, начатое его учителями Ельциным и Путиным,— изгонять из жизни все советское и восстанавливать все царское. Правильно! Молодец! Достойный ученик!

Вспомните... Бессмертный Собчак провернул переименование героического Ленинграда в Петербург, как при царях, и город вскоре из второй столицы державы превратился в первую столицу преступности. И на телевидении появился цикл прекрасных передач — «Криминальный Петербург». В советское время высший орган законодательной власти назывался Верховным Советом. Прочь! Стала, как при Николае, — Дума. И результат налицо: Россия вышла на первое место в мире по абсолютной величине убийли населения и количеству самоубийств.

Дальше. Государственным флагом СССР было красное полотнище, украшенное серпом, молотом и пятиконечной звездой. Такого красивого и овечьного славой флага не было ни у кого в мире. Выбросить! Взяли триколор фашистско-власовской армии из двух дивизий, разбитой в прах

Красной Армией. Цвета — те же, что у Франции и у кого-то еще. И что? Сразу вышли на первое место в мире по числу разводов, внебрачных детей и детей, брошенных родителями.

Вместо Советов во всех областях насаждали правительства и губернаторов. Теперь у нас около сотни правительств и столько же губернаторов, которым хорошо бы на инаугурации вместе с тяжелой цепью на шею давать и новые имена в гоголевско-щедринском духе царского времени: Сквозник-Дмухановский, Угрюм-Бурчеев и т.п. Каков итог? Первое место в мире по торговле людьми и по импорту китайских автомобилей.

Вот добрались и до милиции. Прекрасно! Только ведь полиция слово не русское, это немецкое *Polizei*, которое происходит от греческого. А наш Медведев — суперрусский экстрапатриот. И ведь был когда-то на Руси Разбойный приказ. По-моему, он был бы больше по душе суперпатриоту. Не восстановить ли это название? Как красиво звучало бы, например: воевода Нургалиев, глава Разбойного приказа. А тех, кто у него под началом, мы стали бы называть «ярыжки», «стрельцы», «объезжие головы»... Чуете, как русским духом от этих слов шибает?

Но если все-таки полиция, то пусть будет так. Но ведь и тут не так просто. Это тянет за собой длинный хвост несколько замшелых должностей и названий: полицмейстер, городской, жандарм, исправник, урядник, пристав, квартальный надзиратель... Так что вместо начальников отделений милиции теперь будут жандармы, вместо участковых — околоточные, урядники. Надо будет давать и соответствующие новые имена. Медведев любит Чехова. Вот из Чехова и взять — унтер Пришибеев, околоточный Очумелов. Нургалиеву новое звание — шеф корпуса жандармов. Как знаменитый Александр Христофорович Бенкендорф (1783 — 1844). Глядишь, и родину нашу опять начнут ласково именовать жандармом Европы.

Надо будет учредить и газету, как это было при царе, — «Полицейские ведомости». На должность главного редактора, по-моему, очень подошел бы опытный журналист Веллер с языком, как пропеллер.

И останавливаться на этом, Дима, не следует. Уж если все, как при царе, то все. Обязательно надо восстановить, например, и черту оседлости, которую в 1917 году отменили безмозглые зверюги большевики. И в первую очередь следует отправить за нее трех еще живых наших премьеров во главе с Фрадковым (один, как известно, к сожалению, умер своей смертью) и трех вице-премьеров — Чубайса, Немцова и Явлинского. Ну, и, разумеется, всех этих, кому вы служите и кто служит вам, — Абрамовичей, Вексельбергов, Сванидзе и т.д. Ведь они вложили огромный вклад в дело завоевания Россией первого места в мире по числу миллиардеров на душу населения, по количеству авиакатастроф (в 13 раз больше среднемирового уровня) и по импорту мяса кенгуру из Австралии. А как хорошо было бы еще установить черту оседлости для непуганых идиотов и членов «Единой России». Ну, это только мечта... А там — опыт есть.

У вас, Дмитрий, в запасе еще два года. Успеете. Но медлить нельзя. Успехов, малыш!

2010 г.

КОГО ЖДЕТ КОЛЫМА?

9 мая Верховный главнокомандующий Медведев, никогда не носивший шинели, принимал на Красной площади военный парад. О готовности к параду докладывал ему военный министр Сердюков, никогда не выдавший шинели.

Вернее сказать, Медведев присутствовал на параде и явно не соображал, где он находится, в какой должности оказался и что происходит перед его ясными очами. Есть

основание полагать, что ему казалось, будто он в театре, допустим, в «Ленкоме», и смотрит новый спектакль в постановке Марка Захарова. Именно поэтому весь парад он, 45-летний отрок, не стоял, как обязан и как когда-то стоял 65-летний Генералиссимус, а сидел, развалясь, в кресле рядом с Путиным. Не хватало только, чтобы тот его, такого уютного, на коленочки посадил.

Однако, придя домой, Медведев, видимо, все-таки очухался, сообразил, что это был военный парад, и вспомнил, что стране нужна армия, а армии, говорят, требуется современное вооружение. И вот на другой день с утра кликнул он министров, отвечающих за вооружение, и начал им грозить: «Во времена иные половина присутствующих здесь уже занималась бы активным физическим трудом на свежем воздухе», то бишь были бы на Колыме и в минуты отдыха напевали бы:

Колыма, Колыма,
Дивная планета —
Десять месяцев зима,
Остальное — лето.

В чем дело? Почему такие страшные угрозы своим соратникам, которых до этого все время нахваливал? Оказывается, как неожиданно под влиянием парада вспомнил Медведев, в своем Послании Федеральному собранию в ноябре 2009 года он уверенно заявил всему народу, что в следующем, 2010-м, году в армию будут поставлены «более 30 баллистических ракет, 5 ракетных комплексов «Искандер», около 300 единиц бронетехники, 30 вертолетов, 28 самолетов, три подводные лодки и 1 корвет, 11 космических аппаратов». Естественно, что все мы этому обещанию радовались: наконец-то наши правители за ум взялись, наконец-то поняли, что за время их царствования врагов у России не убыло, а прибыло, наконец, Путин перестанет

врать: «В начале 90-х мы решили, что никаких врагов у России нет». Кто — мы? Это только вы со своим Собчаком да Сванидзе так решили, а психически нормальные люди знали, что враги России теперь даже в Кремле.

И вот закончился 2010-й плановый год, минуло еще четыре с лишним месяца, и только теперь Медведев вдруг спохватился и напомнил своим министрам: «Я не сам эти цифры придумал — они были согласованы со всеми, здесь сидящими». И народ так думал. А как иначе? И что же в итоге? Оказывается, почти ничего не сделано! Ни одной подлодки, ни корвета нет; из обещанных 28 самолетов поставлено только 6, из 300 единиц бронетехники — лишь половина и т.д. («Советская Россия», 12 мая). А вот компания «Энергомаш», как извещает Счетная палата, исправно по графику поставляет наши российские ракетные двигатели РД-180 для американских ракет «Атлас-5». У американцев таких двигателей нет. Мало того, компания продает их по цене, составляющей лишь половину затрат на их производство, что обернулось убытком в 880 миллионов рублей («Правда», 13 мая 2011). Ну, это вообще не поддается уразумению даже умом Млечина: вооружать своего вероятного стратегического друга за свой счет, да еще с великим убытком для себя. Это же точно по Бжезинскому, который грозил душить Россию за счет России. И какая тут статья Уголовного кодекса?

Однако некоторые товарищи продолжают считать, что все к лучшему в этом лучшем из миров. Они усматривают особый глубокий смысл даже в том, что участники парада были не в парадной, а в полевой форме. Это, мол, «свидетельствует о многом... Опасность с Запада в Верховном главнокомандовании, похоже, видят и держат войска в состоянии готовности к бою». А на что похожа работа помянутого «Энергомаша», за наш счет вооружающего Запад? И видит ли это помянутое Главнокомандование? А на что похожи американские самолеты, летающие над нашей тер-

риторией в Афганистан? Видит ли их Главнокомандование? Не только все это оно видит, но и законодательно разрешило и поощряет, и радуется. Так не похоже ли все это на государственную измену, на обыкновенное предательство родины, тов. Драбкин?

* * *

Но чем же все-таки объяснить провал с поставками вооружения нашей армии? Ведь так красиво под аплодисменты президент шел по алой ковровой дорожке к трибуне, с которой огласил замечательные цифры... Что же случилось? Да ничего не случилось. Просто Медведев думает, что достаточно произнести речь, объявить цифры, пообещать, дать указание, а дальше из великой любви к нему — как можно не любить такую умницу! — все пойдет само собой. Да, да, по его разумению, процесс пошел: самолеты летят, танки грохочут, подлодки легли на курс... А он едет в Финляндию возложить веночек на могилу Маннергейма, на совести которого гибель сотен тысяч ленинградцев, потом — в великую Данию договариваться о безвизовом режиме, без чего Россия жить не может, потом будет бить поклоны полякам и ползать перед ними на карачках...

Впрочем, и армии уделит внимание: прикажет выбросить прежние знамена, пропахшие порохом Великой Отечественной, и утвердит новые потешные знамена, пахнущие одеколоном, введет новую форму от Юдашкина, очень удобную для танцев, прикажет, чтобы солдаты по утрам не заправляли свои койки, не убирались в казармах, не чистили самостоятельно зубы — все это на коммерческой основе будут выполнять иные структуры.

Таким он возрос в объятьях Путина, так воспитан на примере Собчака, что ему и в голову не могла прийти мысль о контроле, о проверке выполнения плана. Но план был оглашен в ноябре 2009-го, а уже, скажем, в конце марта 2010-

го по прошествии четверти планового года надо было вызвать вице-преьера Сергея Иванова и сказать: «По вашим данным, с ваших слов я обещал народу, что мы в этом году поставим в армию 28 боевых самолетов. 7 уже должны быть в армии. Они поставлены?» Что бы ответил этот Иванов, бывший министр обороны?

А в конце апреля по прошествии трети планового 2010 года вызвать Сердюкова и спросить: «Из обещанных трех подводных лодок одна уже должна быть у нашего флота. Он ее получил?» Что бы ответил этот Сердюков? И так — по всем пунктам своего обещания народу, по всем видам вооружения. Но Медведев, летая по границам, точа лясы с заезжими иноземными бандуристами, ничего этого не сделал. Да не только с министров — с главы правительства должен быть первый спрос. Но разве Медведев на это решится! Он не посмел даже позвать его на это заседание, на котором грозил министрам добавочными порциями кислорода. Как же так — министры здесь, а их начальника нет? Он же непосредственно отвечает за их работу. Да вот уж такая демократия с оглядкой. Медведев способен только мурлыкать о взаимопонимании, о единодушии, о консенсусе с товарищем Путиным.

Приведу только один примерчик того, как работал, что предпринимал в похожих ситуациях В.И. Ленин, извиняюсь за выражение, коллега Медведева. Впрочем, что ж извиняться: ведь тот и другой — правители страны.

Так вот, 16 февраля 1922 года Ленин послал письмо заместителю наркома просвещения А.Е. Литкенсу и одновременно копию — в Малый Совнарком:

«В конце декабря прошлого года я писал в Наркомпрос о просьбе профессора К.А.Круга предоставить Московскому высшему техническому училищу (МВТУ) помещение для Электротехнического института и просил обратить сугубое внимание и всячески постараться выполнить эту просьбу.

9-го февраля я вновь получил от проф. Круга письмо, в котором он пишет, что Наркомпрос до сих пор не пришел на помощь училищу... Поручаю под личную Вашу ответственность в 2-недельный срок найти и предоставить институту помещение.

Об исполнении сообщите мне к 3 марта.

Председатель Совета Народных
Комиссаров *Ульянов-Ленин*».

(ПСС. Т. 54, с. 171)

Поручение было выполнено в срок. Почти двадцать лет спустя, будучи студентом МВТУ им. Баумана, в этом мог убедиться и я. А знаменитый профессор Круг умер в 1952 году.

Так почему же все и даже самые трудные распоряжения Ленина во время войны и в условиях послевоенной разрухи (например, разгром Деникина или план ГОЭЛРО) выполнялись, а Медведева — только те, которые не требуют ни ума, ни усилий и чтобы назло народу (например, переименование милиции, перевод стрелки часов, массовое увольнение генералов МВД). А все дело в том, что о первом поэт справедливо сказал:

Он управлял теченьем мыслей,
и только потому — страной.

Медведев же управляет только потому, что нравится Путину. А о течении мыслей он даже и не слышал, и не подозревает о существовании мыслей и о каком-то еще их течении.

* * *

Впрочем, Путин-то все-таки хитрее, может быть, даже умнее. Вот смотрите. На днях наши хоккеисты на чемпионате мира в Словакии выиграли у канадцев. Как? С минималь-

ным перевесом 2:1. И Медведев, задрав штаны, бежит на телеграф, расталкивает всех у окошка, и шлет в Братиславу восторженную телеграмму: «Друзья, я горжусь вами! Вперед, Россия!» А игра-то была вовсе не решающая, а промежуточная, впереди еще предстояла напряженная борьба. Не принято в таких случаях президенту страны прыгать до потолка и визжать от восторга. Дождись конца, потерпи до победы. Не может! Кругом столько бед и провалов, что хоть перевесу в одну шайбу порадоваться. А вот Путин воздержался от поздравления, соображает, что рано. И действительно, на другой день финны укокошили надежду Медведево со счетом 3:0. А потом финны со счетом 7:3 и вовсе вышибли медведевскую мечту из призеров. Теперь Медведев вслед за путинским Мутко утешает нас: «Главное не победа, а участие». Но старший друг не предостерег своего воспитанника от дурости, не удержал, не помешал ему громко, с брызгами на всю Россию, сесть в лужу. Видимо, предвыборная борьба началась, и сразу так коварно...

Но что же получается с угрозой за провал в деле вооружения армии? А получается, что если допустить, что «во времена иные» на высоких должностях могли бы оказаться нынешние обитатели Кремля, то заниматься активным физическим трудом на свежем воздухе в первую очередь отравили бы не Сердюкова, а Медведева, не Иванова, а Путина. И они первыми затагнули бы на два голоса знаменитую песенку.

Путин: Колыма, Колыма,
Дивная планета —
Медведев: Десять месяцев зима,
Вместе: Остальное — лето...

А Сердюков, Иванов и уже несколько уволенных чиновников — это вторая очередь.

2011 г.

ГЕНИЙ И ПРОЩЕЛЫГА

...18 мая состоялось ежегодное собрание Академии. На него явился, как красное солнышко, и пропел речь, как соловей, глава правительства Владимир Путин. Сейчас главный вопрос в науке — финансирование. Америка в этом году вложит в научно-конструкторские работы 400 млрд. долларов, объединенная Европа — 270, Китай и Япония — по 140, а Россия... И что же на сей счет пропел академиком соловей демократии? В начале он вот что рассказал: «Когда я служил в другом ведомстве в своей прошлой жизни (Да, у него две жизни. И первой он жутко стесняется, не смеет сказать «когда служил в КГБ Советского Союза». Будто и не служил. — В.Б.), у нас (в КГБ?) наступил момент в конце 80-х, когда и наши (КГБ?) разработки, и полученные специальными методами разработки ваших коллег за рубежом не внедрялись в экономику. Тогда не было оборудования, чтобы их внедрить. И вот мы на этом поприще трудились-трудились, добывали-добывали (т.е. пахали-пахали), а толку никакого!»

Очень интересно. Однако, во-первых, тут надо бы напомнить, что это была уже горбачевско-ельцинская пора, лишь по названию еще Советская. Но в ту пору не мы у кого-то, а у нас при полном разгильдяйстве и даже пособничестве КГБ «добывали-добывали» все, кто хотел, и все, что хотел — от секретных архивов до военных тайн и морских шельфов. Боже мой, да сами предлагали, даже навязывали и порой совершенно бескорыстно, как бессмертный Вадим Бакатин — все, что угодно, и ждали «спасибо», но не дождались. Вот и сказать бы сейчас Путину, каков, мол, порядок был при моем крестном отце Борисе Николаевиче, а то ведь выходит опять поклеп на Советское время.

Во-вторых, интересно узнать бы, какие такие научные разработки имелись у КГБ, у кого там персонально? Уж те-

перь-то, спустя четверть века, нельзя ли назвать имена этих славных ученых и инженеров? И потом, за двадцать лет буйной демократии и за десять лет путинского правления что-нибудь из этих или из добытых Путиным и его коллегами ценных разработок внедрено в экономику? Или все то же — толку никакого? Нет ответа. И едва ли оратор понимал, что говорил. Но, возможно, некоторые академики, услышав это, задумались.

А дальше как раз о финансировании. Путин стал хвалить математика Григория Перельмана, решившего как будто специально к собранию Академии столетней или большей давности задачу французского математика, физика и философа Жюля Анри Пуанкаре (1854 — 1912). Смотрите, говорит, мужи науки, вот известный Гриша Перельман, простите за моветон, безо всякого финансирования, без малейшего субсидирования чесал, чесал затылок, как раб на галерах, и решил ребус Пуанкаре. И после этого — представляете, мужики? — никаких денег брать не хочет. А просто выложил в Интернете свое решение и подписался — «Гриша Перельман». Вот ученый! А, мужики? Побольше бы нам таких гриш и таких перельманов. Ах, как соблазнительно внедрить бы в среду академиков, министров и губернаторов стремление работать на основе «синдрома Перельмана»! Надо заметить, что на Западе его называют последним питомцем советской математической школы.

Вероятно, Г. Перельман — большой талант или даже гений. И талант остается великой национальной ценностью, но время Ньютонов и Ломоносовых, Лавуазье и Ползуновых, Менделеевых и Эйнштейнов, Эдисонов и Поповых, увы, прошло. Ныне научные открытия и технические изобретения делаются коллективами ученых и инженеров, использующих сложнейшие приборы, аппараты и другие средства. Все это требует огромных денежных вложений. А для математика, как для поэта, кроме хорошей головы требуется лишь бумага, литература и стило (компьютер).

Так что Гриша Перельман при всем его величии, извините за моветон, для нынешнего научного процесса фигура трогательная, но, так сказать, не шибко типичная. Неужели глава правительства ничего этого не слышал и не понимает, а поучать академиков готов?

Похоже, что именно так, ибо после этого Путин сказал, что мы не можем средства на науку распределять равномерно, как в бутерброде масло на хлеб. Надо выбирать наиболее успешные, прорывные направления и на них сосредоточивать средства и силы, надо стремиться к реальному практическому результату.

Вероятно, тут кое-кто подумал: соответствует ли этим требованиям подвиг Гриши Перельмана? Но важнее другое. В ответном выступлении президент Академии Ю.С. Осипов, уже знавший, что в прошлом году на науку было выделено 54,6 миллиарда рублей (не долларов, как в вышеназванных странах), а в нынешнем — 49,3 миллиарда, решительно возразил премьеру — мы категорически не согласны с тем, что фундаментальные исследования надо вести только по тем направлениям, где российская наука находится на передовом уровне! Нужна фундаментальная наука, покрывающая широкий спектр исследований, а вы урезали ассигнования на 5,3 миллиарда. И это притом, что одному Афганистану списали, простили, зачеркнули 13 миллиардов долларов. И таких афганистанов еще советского времени у вас с десяток...

Вы слышали? Категорически!.. И вот как эта категоричность обернулась. В 3-часовом выпуске новостей по телевидению она успела проскочить, так случается нередко, но тут же ее поймали, задушили и выбросили. В последующих выпусках царило полное согласие академиков с лучшим другом ученых и науки. Та же благодать и в парламентском журнале «РФ сегодня». А ведь в кои-то веки мы могли бы увидеть и услышать президента Академии наук!

* * *

Да разве это единичный случай запрета в наши дни? Цензура препарирует даже президента. Вот сказал он, что его любимый писатель — Виктор Пелевин, — вырезали; признался, что в доме у него нет Гоголя и он скачал «Мертвые души» из Интернета, — убрали; сослался на Остапа Бендера как на большой авторитет в экономике — выдрали...

К слову сказать, вы понимаете, до каких времен мы дожили: глава государства, отец народа, недавно заявивший в Копенгагене, что его лицо — это лицо России, скачивает Гоголя из Интернета! Хоть стой, хоть падай...

Да и над тем же Путиным живодеры демократии продельвают вивисекцию. Вот собрался он ехать во Францию. Как принято в таких случаях, перед отъездом — беседа с французскими журналистами. Тары-бары-растобары — бары есть, тары нет...

А в конце французы вдруг и спроси: а не кажется ли вам, господин премьер, что в России сейчас культ Путина?

Ух, как он взвился! Я — культ?! Да это же, как подсчитал мой друг, недавно умерший живой классик Солженицын, 106 миллионов! Вот и Медведеву говорил классик перед смертью, и он обнаружил это. И так далее.

И опять та же картина: утром это проскочило в эфир, а потом изловили — и ни слова о культе...

2010 г.

ПРОРЕХА И СКВАЖИНА

Вскоре после того, как Ельцин сбежал из Кремля, он дал большое интервью «Комсомольской правде». Среди многих вопросов был у корреспондента и такой: «Борис Николаевич, есть ли люди, перед которыми вам сейчас хо-

телось бы извиниться?» Ельцин обалдел, у него отвалилась челюсть: ему — извиняться?!

Но, очухавшись, сказал: «Я всегда расставался с людьми нормально, по-человечески». Он, конечно, считал, что по-человечески расстался и с теми, кто в результате его жи-водерских реформ «нормально» уходили в мир иной по миллиону в год.

А корреспондент опять об этом: «Часто ли испытываете угрызения совести за дела своей жизни? Стыдно ли вам за что-нибудь?» Журналист был уверен, что все нормальные люди в той или иной мере разделяют чувство Пушкина:

И с отвращением читая жизнь мою,
Я трепещу и проклинаю.
И горько жалуясь, и горько слезы лью,
Но строк печальных не смываю.

Но ответ был таков: «Никаких угрызений не испытываю. Совесть моя чиста!» Как стеклышко от бутылки «Столичной». Ни одну страницу своей жизни он не читал с отвращением или хотя бы с сожалением, но все — с восторгом! Ни единого дня не проклинал, а только любовался всеми. А уж жалобы, слезы — можно ли вообразить это у него на устах и в очах ясных!..

Минуло десять лет. 16 декабря прошлого года во время очередной душевной беседы главы правительства Владимира Путина с народом, уже в конце беседы, на листочке из какой-то специальной папки ему анонимно был задан вопрос: «Неужели вам не стыдно перед нами?» Вот такой, простите за выражение, дежавю, переключка времен. Путин мог, перебирая бумажки, отложить столь дерзкий вопрос, не отвечать, и никто бы не заметил, но он внятно огласил вопрос и быстро, твердо, с вызовом, как его великий учитель, ответил: «Нет, не стыдно!»

Для тех, кто не знал или забыл ответ Ельцина, это было поразительно. Да неужели не стыдно уж если за лакейство

перед Западом не своих учителей и создателей от шкурника Собчака до того же ЕБНа, и ныне чтимых им, как национальных героев, то как может быть не стыдно за свое собственное угодничество и трусость перед Америкой, в интересах которой и скрыл истинную причину гибели подводного крейсера «Курск», и утопил в океане нашу добротную космическую станцию «Мир», и ликвидировал на Кубе и во Вьетнаме бесподобные военные базы, с Советского времени и еще при Ельцине позволявшие видеть все, что происходит в обоих полушариях, и за то, что без согласия парламента отправил в США под символические проценты чудовищно огромные народные средства — неужели за все это ему?.. Ни в одном глазу.

Ну, допустим, то было уже довольно давно, в начале его владычества, и он уже ничего не помнит, отшибло. А вот совсем недавние деяния. Неужели не стыдно за то, что стал пособником Геббельса в вопросе Катынской трагедии, не стыдно за предательство советской Комиссии академика Н.Н. Бурденко? Неужели не стыдно за унижительное извинение перед Польшей, за освобождение которой от фашистской оккупации полегло 600 тысяч наших солдат, получившей треть нынешней территории только благодаря стараниям Сталина в спорах с Черчиллем и Рузвельтом? Можно ли вообразить, чтобы Китай извинился перед Формозой (Тайванем) за злодеяния там японцев? И можно ли представить себе Путина, спорящего с Рузвельтом и Черчиллем? Неужели не стыдно за клевету на Сталина, будто он в 1940 году в Катыни отомстил полякам за поражение под Варшавой Западного фронта, которым-де он командовал в войне 1920 года с Польшей, когда на самом деле тут были виновны наркомвоенмор (министр обороны) и председатель Реввоенсовета Троцкий и командовавший этим фронтом Тухачевский? Ни синь пороху.

А если вспомнить дела внутренние, то неужели не стыдно хотя бы за назначение министром культуры злоб-

ного Швыдкого, не имеющего к русской культуре никакого отношения, или за внедрение в нежные души школьников насквозь лживого «Архипелага ГУЛАГ»? Недавно неутомимая вдова его создателя вручила Путину облегченный вариант этой несъедобной телемахиды. Главное в ней — выразительный, глубоко правдивый образ самого автора. Но вдова, в четыре раза сократив глыбу, выбросила, например, признание муженька в том, что большую часть срока он проходил в «лагерных придурках» (библиотекарь, учетчик, нарядчик и т.п.). А без придурка — разве это жертва культа личности? Выбросила и его обстоятельный рассказ, как он был завербован в лагерные сексоты. А без сексотства — какой же он нобелевский лауреат? Выбросила и восхищение автора генералом Власовым, а без восхищения предателем — какой же совесть нации? Наконец, выбросила вороха невежественного, тупоумного вранья. А без этого — какой же он писатель? Словом, мадам грубо исказила образ своего покойного супруга и всучила вам, Путин, фальшивку, непрожаренную яичницу, а вы, чекист, приняли эту яичницу за Божий дар. И по этому случаю — ведь мадам облапошила вас по первому разряду! — хотя бы за свою изначальную профессию неужели не стыдно? Ничуть! По ночам он разогревает и по кусочкам ест яичницу, которую лучше бы отдать Кони.

* * *

Раз уж я затронул вопрос о первой профессии Путина, то интересно вспомнить, что он говорил на сей счет в предновогодней беседе с американским журналистом Ларри Кингом. Тот сказал: «Министр обороны Гейтс считает, что в России исчезла демократия, и всем управляют спецслужбы». Путин засмеялся сардоническим смехом Мефистофеля и сказал: «Гейтс был руководителем одного из отделов ЦРУ, а сегодня — министр обороны. Если это самый лучший

в США спец по демократии, то я вас поздравляю». Ах, сколько яда! И в голову ему не приходит: а сам-то кто ты, десять лет поучающий нас демократии? Состоял в таком же ведомстве, что и Гейтс, но тот был все-таки заведующим отделом всей американской разведки, а ты — всего лишь заведующим дискотекой в Дрездене, служившей тебе крышей. Кроме того, с высокого поста в разведке стать министром обороны — в этом нет ничего удивительного, в сущности, тут служебное продвижение в одной системе. Но с высокого поста в разведке вполне возможно восхождение и по другой линии. Стал же, например, глава ВЧК Дзержинский председателем ВСНХ, а председатель КГБ Андропов — аж Генеральным секретарем ЦК партии. А Путин сделал министром обороны то ли директора мебельного магазина, знатока спальных гарнитуров, то ли заведующего галантерейным отделом, специалиста по губной помаде. Да ведь и сам сделался президентом великой страны неизвестно из чего. Вот диво-то!

Недавно прочитал, что любимая историческая фигура Путина — Наполеон. Еще бы! Как тот из капитана артиллерии стал императором великой державы, так, мол, и я вознесся из подполковников. Да, очень похоже. Разница только в том, что за Путиным ни одного Тулона, ни одного Аустерлица, а одни только Ватерлоо. Да в том еще, что француз, который благодаря своему таланту выдвинулся во время революции, потом сделал себя императором сам, даже во время коронации вырвал корону из рук папы и нахлобучил ее себе на голову, а этот, будучи выдвинут во время контрреволюции бездарным Собчаком и адекватным ему Ельциным, был слеплен и всю дорогу ведом их руками. Да в том, что Наполеон был властелином почти всей Европы, а этот, потеряв российских земель примерно с десяток Франций, теперь десять лет просится в Европу, а его все не берут. Да в том, наконец, что Наполеон окончил жизнь пленником англичан, а этот живет пленником американцев. И он еще по-

хохатывает над вполне разумными делами других. Запомните, в доме повешенного не говорят о веревке.

Но о разведке было сказано еще кое-что. Кинг завел речь о десяти наших чудиках, выучивших английский язык и под этим единственным прикрытием в качестве разведчиков засланных в США, где, по признанию Путина, «не причинили никакого ущерба». А еще он сказал американцу: «У спецслужб свои задачи». Кинг этого не знал! «Эти задачи становятся актуальными (т.е. нелегальная разведка начинает работать. — В.Б.) в кризисные периоды, допустим, в период разрыва дипломатических отношений». Кинг, конечно, мог бы спросить: «Неужели? А ведь у нас никакого разрыва не было. Наоборот! И наши президенты, и ваши, и вы лично все время твердили о дружбе. Вы до сих пор нахваливаете Буша-младшего и даже сучаете об этом милостивце, мечтаете о встрече. А разведчиков все-таки послали. Как же так?» Но Кинг, человек воспитанный, этого не сказал, не захотел русского Наполеона принародно сажать афедромом в лужу. А мы в полном недоумении, что это: неуклюжее вранье или профессиональный разведчик действительно не знает, что разведка ведется всегда, даже — в военное время против союзника. Почитайте, например, сообщение 1-го Управления НКВМФ от 6 сентября 1941 года в 3-е Управление того же НК. Там вы узнаете много интересного о том, чем занимались в Архангельске и Севастополе члены английской военно-морской миссии Дерек Уайберт, Фокс и Пауэлл (Органы госбезопасности в Великой Отечественной войне. М., 2000. т. 2, кн. 2, с. 27). Очень поучительное чтение для глав правительств.

Тут чрезвычайно примечательно вот что. В ответ на вопрос Кинга о президентских выборах 2012 года Путин сказал, что они с Медведевым работают дружно, согласованно и в надлежащее время примут «согласованное решение в интересах российского народа, исходя из экономического и политического положения». Словом, дружба — не разлей вода.

Я завел речь о стыде и совести за стенами Кремля. А главное здесь то, что Путин, как его предшественники: Горбачев, капитулировавший перед Бушем-старшим на Мальте; как Ельцин, позвонивший в США из Беловежской Пущи тому же персонажу: «Позвольте доложить: Советский Союз ликвидирован!»; как Бакатин, выдавший американцам нашу уникальную систему прослушивания их посольства, — как все эти глупцы, Путин, конечно же, был уверен, что его угодничество будет понято, оценено и должным образом вознаграждено. А что получил от американцев, поляков и разных прочих шведов?

Янки, как стало известно перед Новым годом (WikiLeaks), в своей секретной служебной переписке постоянно уподобляют его и Медведева каким-то комическим персонажам популярных мультяшек вроде Винни-Пуха и Пятачка, только не благодушным и забавным, как эти, а совсем наоборот, и так глумятся над ними, что Путин в беседе с Ларри Кингом не выдержал: «Мы даже не подозревали, что это будет делаться с такой наглостью, нахрапом и бесцеремонностью!» Он, кремлевский сиделец, — не подозревал! А что может ожидать сиделец, не знающий меры в угодничестве?

Что может ожидать руководитель страны, где не в секретной переписке, а открыто, на всю страну, на весь мир с еще большей наглостью, нахрапом и бесцеремонностью, государственное телевидение поносит президента братской страны, официально объявленной дружественной и союзной? И притом наш президент заявляет: «У нас прекрасное телевидение!» Да вам обоим учиться надо у Лукашенко и благодарить его за науку. Он многоопытен, честен, смел. Еще в молодости был директором большого совхоза. А это — не «практика в прокуратуре», это — ежедневная забота о людях, о технике, об урожае, о движении впе-

ред. Вы же со своим «правовым обеспечением» да «юридическими базами», с указаниями да постановлениями, с параграфами да пунктами, вы, у которых на языке то driv, то drive1, и понятия не имеете о такой жизни.

Но примечательно вот что. Если Путин буквально взбеленился по поводу того, что американцы пишут о них с Медведевым в секретной служебной переписке, то Медведев отнесся в этому не только спокойно, но и усмотрел тут нечто полезное: «Это позволяет включить некоторые дополнительные аналитические возможности, посмотреть, как тебя рассматривают потенциальные конкуренты» (Коммерсантъ. 16.12.10). Какое деликатное словцо — «конкуренты»! Однако, как хотите, но где же тут объявленная Путиным согласованность между друзьями? Что это снова, как не полное расхождение?

А чего дождался Владимир Владимирович от любимых им поляков? Ярослав Качиньский, брат-близнец погибшего президента, 11 января заявил о докладе Международной авиационной комиссии, расследовавшей обстоятельства катастрофы польского самолета под Смоленском 10 апреля прошлого года: «Доклад возлагает всю вину на польских пилотов без каких-либо доказательств. Это насмешка над Польшей». И премьер Дональд Туск объявил доклад «неприемлемым». А министр юстиции Кшиштоф Квятковский поддержал ранее высказанное Качиньским желание, чтобы новое расследование провели американцы. Вот так они твердят и о Катыни 1941 года: никаких доказательств... неприемлемо... насмешка... немцам, истребившим 6 миллионов поляков, верим, а вам, положившим 600 тысяч душ за наше освобождение от них, — ни на грош... Смысл этого очевиден: а не писал ли Путин одной рукой покаяние за Катынь-1, а другой — не готовил ли Катынь-2? И есть поляки, которые будут добиваться признания этого.

Путин сказал, что таких пожаров, такой засухи, как минувшим летом, в России не было тысячу лет. Таких пожаров,

может, и впрямь не случилось. Но после того, как вы уничтожили 25 тысяч колхозов с их тракторами, мелиорацией, пожарными командами, лесными полосами, когда превратили в пустыри 45 миллионов гектаров пашни, на которых поднялся просто огнеопасный бурьян-сухостой, как же после этого жарким летом не вспыхнуть пожару? Он и прошелся по Руси: от Иркутска до Рязани, где вы, тов. Путин, собственноручно вылили с вертолета две бочки воды и погасили пылающий лес.

Да, таких страшных лесных и полевых пожаров, может, и не было. Но засухи и сопутствующий им голод за тысячу лет приходили постоянно. А вот чего действительно уж точно не было на Руси тысячу лет, так это правителей, подобных нынешним, — с такой засухой в голове. У них там «суверенная демократия»: правое усохшее полушарие суверенно от левого усохшего, и наоборот. Есть множество доказательств этого.

Например, уж так Путин и Медведев ныне лебезят перед поляками, так рассыпаются мелким бесом, такие серенады запузывают. А что предприняли совсем недавно? Объявили 4 ноября государственным праздником Все-народного единства. А чем этот день примечателен? Тем, говорят, что в 1612 году из Москвы изгнали поляков. И вы думаете, что поляки это не заметили или остались равнодушны? Ведь тут — не речь, не визит, не солидарный траур, которые вскоре забываются, а государственный праздник, так сказать, на века. Я прекрасно понимаю поляков, которые по поводу этого вопиюще антипольского праздничка сказали бы: «Какое коварство! Уж если так хотелось иметь праздник, непременно связанный с изгнанием чужеземцев, то могли бы взять для этого, например, день изгнания французов в 1812 году или американцев в 1920 году, а лучше всего — немцев в 1944-м. Это близко, это еще памятно. Так нет! В архивной пыли разыскали давно забытый денек четырехсотлетней давности, стряхнули пыль и выставили как праздник. Это нельзя объяснить ничем, кроме не-

избывной ненависти обитателей Кремля к полякам!» И что на это прикажете возразить?

А ведь 4 ноября выбрали только для того, чтобы заслонить 7 ноября. Так они боятся нашего недавнего прошлого, что не соображают, как сегодня отзовутся их дела и решения: по неуму, трусости и невежеству ухитрились оскорбить и поляков, и своих сограждан, для которых день Октябрьской революции всегда был и останется великим праздником.

* * *

Такова картина в делах межгосударственного уровня. А если перейти к внутреннему и личностному? Что получил Путин от посаженного министром культуры жидкого мракобеса и густого русофоба Швыдкого? Тот по телевидению, т.е. с самой высокой в стране трибуны, принялся раз за разом уверять весь мир, что «русский фашизм страшнее немецкого», что наш национальный гений Пушкин устарел, что вершина русской поэзии — Белла Ахмадулина и ее первый супруг, давно отваливший в Америку... Какую же надо было иметь уверенность в безнаказанности, начиная такие преступные антигосударственные передачи, какую твердую убежденность в трусливом молчании и пособничестве всех властей: Путина, Думы, правительства, всего ковчега демократии. И ведь все надежды обломка сбылись, все расчеты огрызка оправдались! Ни из Кремля, ни из Думы, ни из Прокуратуры, ни из Министерства обороны не раздалось ни писка, ни лепета, ни шепотка протеста. И кочерыжка, которую надлежало судить и, как Троцкого да Солженицына, выставить из страны, словно ни в чем не бывало, продолжает занимать какие-то важные посты и красоваться на телевидении. Путину и за это не стыдно перед русским народом.

А чего, наконец, добился Путин бесцеремонным вмешательством в дело Ходорковского? Это же действитель-

но нечто совершенно невиданное. Он не только уже второй раз обстоятельно втягивал по телевидению всему народу и судье Данилкину, в чем состоит обвинение, но для нагнетания страстей опять приплел историю о двух убийствах, которые судом Ходорковскому не инкриминируются. Если человек действительно нанес большой материальный ущерб стране, то надо его не только на определенный срок лишить свободы, но обязательно и конфисковать имущество. Однако демократическое жулье убрало статью о конфискации, которая есть во всех уголовных кодексах мира. А какая народу польза от того, что молодой мужик уже отсидел семь лет и будет сидеть еще семь? И как это выглядит рядом с историей американского шпиона Эдмунда Поупа? Он был схвачен нашей контрразведкой и осужден на 25 лет за 7-миллиардный ущерб нашей военной промышленности в области создания подводных ракет. И что же? Не успел он отметить сто дней своего заключения, как кремлевский Буонапарте помиловал его и без всяких условий да обменов отпустил к жене под одеяло. Откуда такая свирепость к соотечественнику и такая доброта к иностранцу? Это можно объяснить только страхом перед узником. Как это было и с пожизненно осужденным Шутовым, который слишком много знает о его с Собчаком проделках в Ленинграде.

Так вот, своим вторжением в судебный процесс сей Буонапарте добился больших достижений. Во-первых, получил митинг у здания Хамовнического суда с гневными речами и плакатами «Путин — на нары!». Во-вторых, обвинительный приговор с определением нового срока заключения в этот день судьей Данилкиным был вынесен. В-третьих, защита, разумеется, обжаловала факт незаконного давления на суд.

Но, главное, Путин дождался сурового урока процессуального права от мил-друга, который 24 декабря, хоть и с опозданием, но все же счел нужным напомнить: «Ни президент, ни иное должностное лицо не имеют права высказы-

вать свою позицию по делу Ходорковского и любому другому делу до момента вынесения приговора» (С.Р. 25.12.10). А Путин красочно «высказал свою позицию» и в декабре 2009-го, и 16 декабря 2010-го, зная, что приговор будет вынесен 27 декабря. Да, это уже не расхождение, не разногласие или несогласованность, а то ли урок, назидание, то ли просто правовая затрещина. Чудны дела Твои, Господи!..

* * *

Итак, Путину не стыдно, совершенно не стыдно, абсолютно не стыдно ни за одно свое Ватерлоо, ни за одну свою Цусиму, ни за одного Швыдкова... И вдруг буквально через несколько дней на заседании Государственного совета из тех же императорских уст страна услышала: «Конечно, нам всем должно быть стыдно за то, что сейчас происходит».

Что такое — начал соображать? совесть вдруг проснулась? мозги разморозились? последний боевой слон по кличке Чубайс околел? в тумане моря голубом померещился впереди остров Святой Елены? Нет, конечно. Ведь все, о чем шла у нас речь раньше, тоже «сейчас происходит» и происходило. Просто двуглавый жареный петух на Манежной площади уж так свирепо клюнул его обоими клювами в обе ягодицы!

К слову сказать, на этом заседании Госсовета было намечено обсудить важные проблемы детства и материнства. Ну, надо думать, его члены, как принято всюду, кроме сумасшедшего дома, готовились к обсуждению этих проблем, составили речи, собрали материал и т.д. Но вдруг прямо тут же, как только все расселись, разложили папки, Медведев объявляет: «Здравствуйте, я ваша тетя, будем обсуждать другой вопрос — межнациональные отношения».

Да какая же тетя так делает? Представьте себе, вас позвали на день рождения, вы приготовили и заздравный тост, и подарок, допустим, небольшого крокодильчика (это

сейчас входит в моду). Являетесь, а вам говорят: именинник укатил на Олимпиаду в Ванкувер бороться за 1-е или 11-е место. Что вам делать с ненужным вам прожорливым крокодильчиком, поскольку в зоомагазине товар обратно не принимают? Или:

То не лед трещит,
Не комар пищит —
Это кум до кумы
Судака тащит...

И вот притащил, а кума и говорит: «Оставь ты, кум, судака. Давай лучше в шахматы сыграем». Разве кум на шахматы настроился?..

А Медведев тут же страшным голосом начал поносить глав регионов: «Для вас межнациональная политика — некая абстракция еще со времен Миннаца, который возглавлял Сталин...» Какой Миннац? Никакого Миннаца у нас никогда не существовало. И какие отношения эти главы регионов могут иметь к Сталину, коли почти все они родились лет через двадцать пять после его смерти? А главное, при Сталине национальная политика вовсе не была абстракцией. Но ему начхать, лишь бы свою нерадивость и тут свалить на Сталина.

«Так вот, уважаемые,— продолжал Меднац, скорча грозную физиономию нацлидера,— я прежде всего обращаю ваше внимание на то, что за поддержание гражданского мира отвечают не ФСБ с милицией, а прежде всего вы, потому что (!) преступления совершаются у вас». Ну, это странно, и некоторых ошарашило. Неужели таков всеобщий закон и, допустим, за ограбление моей квартиры, когда у меня украли Шолоховскую премию, отвечаю лично я, потому что это совершилось у меня на моей суверенной территории? А где же была милиция?..

Но этого президенту показалось мало, он охватил орлиным взором еще и другие сферы бытия. Одна из помянутых телекилек сказала ему, что само слово «полиция» нашему человеку «режет ухо». В самом деле, ведь Держиморда у Гоголя, или Очумелов у Чехова, или известные персонажи Салтыкова-Щедрина это же не садоводы, не скрипачи, они именно из тех, кто режет нам уши и сверлит мозг. А за годы войны и оккупации на этих персонажей царского времени страшный отсвет наложили еще и немецкие полицаи. Уму непостижимо, как могут кремлевские правители не соображать все это!

Президент ответил кильке: «Дело не в названии...» Вот оно что! Да как же ты можешь не кумекать, что людям и в уши, и в сердце прежде всего бьет слово, имя, название.

Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города...

Ну, как не соображать такие вещи и называться главой государства!.. Ну, хорошо, пусть дело не в названии. А в чем же? Оказывается, в улучшении работы милиции. Да кто же против этого! Кто, кроме хапуг, взяточников, бандитов да Татьяны Голиковой, живущей, как пишут, шибко не по средствам? Тут и опрашивать по интернету никого не надо.

И в чем же должно состоять улучшение работы милиции? Оказывается, в том, что милиции надо избавиться от советских «родимых пятен» (так и сказал!), которые «не лучшим образом ее характеризуют». Ему мерещится, что «наша милиция, ее облик, приемы — все еще оттуда, из советского периода». Во-первых, «период» — это годы вашего сидения в Кремле. А Советское время — это Эпоха величия России. Во-вторых, если у Нургалиева хоть где-то было хоть одно родимое пятнышко Советской эпохи пусть даже в виде ссадины, допустим, возникшей от пинка дяди Степы или Жег-

лова — Высоцкого, то милиция не стала бы для народа пугалом, которое не зовут на помощь даже в страшной беде.

В-третьих, ему, видите ли, облик не нравится. Ну, изменили вы «облик» государственного герба, флага, гимна, изгнали слово «товарищ», ввели в употребление «господин», переименовали Ленинград — и чего добились, что получили вы, прореха? В известной «Двадцатке» экономически развитых стран оказались на самом последнем месте. Мы с красным флагом, с серпом и молотом давали 20% продукции мировой экономики, а вы с двуглавым орлом — 3%. Советский герб вот уже пятьдесят лет находится на Луне. А ваш музейный — на дне Баренцева моря вместе с крейсером «Курск» да в кабинетах расставленных вами карманных губернаторов вроде трясущегося оборотня Ткачева? Советский гимн в 1959 году прогремел с Луны на всю Вселенную, и весь народ слушал его стоя. А кто встает при звуках вашего латаного-перелатаного?

Ему еще и «приемы» советской милиции не по нраву. Но трусливо молчит, какие именно. Да ты на нынешние-то приемчики погляди. Все приемчики переняли у Америки. К жалкому взяточнику, польстившемуся на 10 тысяч, врывается свора в масках, бешено орет: «На пол! Руки назад!» Хватают, тут же наручники, мат, оскорбления. Опять победа!.. А в суде! Как зверей, сажают за решетку, те же наручники. Да почитали бы хоть «Москва. 1937» Фейхтвангера. Там есть описание обстановки суда в Октябрьском зале Дома союзов. Но я уверен, что ни скважина, ни прореха не знают, что это за книга...

* * *

Смотрю я на Медведева и недоумеваю: где он рос, с кем дружил, какие книги читал? Ну, как сообщил однажды, читает Пелевина. Глыба! А еще? Он же просто не знает, что такое советская милиция. Повторяет из энциклопедии: «Милиция — это добровольные формирования для защиты об-

щественного порядка». Разумеется, для защиты, но откуда взял, что добровольные? Были у милиции помощники — бригадмилыцы да еще дружины — вот это добровольцы: хочу — иду, хочу — нет, а милиция — ветвь государственной власти. Конечно, в какое-нибудь училище МВД шли добровольно, но уж потом — извини-подвинься.

Столько же он понимает и в военных делах, но и тут его реформаторский раж неуемен: «Наша армия, как и милиция, к сожалению, сохранила многое от Советской армии». И это «многое» надо изжить, изгнать, истребить. Может, дедовщину? Но это ваше приобретение, господа реформаторы. Может, офицеров, которые продают оружие чеченцам? И это ваше порождение. Может, высшее руководство с мебельным образованием? И это ваша находка, ваше ноу-хау.

2011 г.

«ДЯДЯ ВОВА И МЕДВЕДЬ»

Вы слышали? Я в ужасе!.. С Татьянинного дня все ночи мучают кошмары: Медведев собирается опять в президент-ты! Ему понравилось!.. Так прямо и объявил об этом во время второй встречи со студентами журфака МГУ. И вижу я в страшном сне: вот он идет по красной дорожке, идет, идет и тонет в овации, как в канализации... И я просыпаюсь в холодном поту...

Когда он явился сюда 20 октября первый раз, дело обернулось непристойным жульничеством кремлевских держиморд: своих эмгэушных студентов не пустили в аудиторию на встречу, а нагнали из разных вузов верноподданных молчалиных. Да еще своих-то, которые возмущались таким развитием демократии, ОМОН хватал и волок в участок. Но все-таки они, позже скрученные и доставленные, успели выставить на видном месте плакаты с неласковыми лозунгами и стихами:

Мы сегодня в цирк поедем!
На арене нынче снова
С дрессированным медведем
Укротитель дядя Вова.

От восторга цирк немеет.
Хохочу, держась за папу.
А медведь рычать не смеет,
Лишь сосет послушно лапу,

Сам себя берет за шкурки,
Важно кланяется детям...
До чего забавно в цирке
С дядей Вовой и медведем!

Но «дядя Вова» ни тогда, ни теперь не приехал. Он был в Томске, давал представление студентам тамошнего политехнического университета. Тоже было много интересного. Например, перед молодыми слушателями, получающими стипендию в 2 — 3 тысячи, оратор очень увлеченно рассуждал на вечную тему «Не в деньгах счастье» и лихо опровергал заблуждение, что будто лучше быть богатым и здоровым, чем бедным и больным.

Студенты услышали: «Богатство не является залогом счастья. На какой-то стадии зарабатывать деньги становится не интересно». Это было сказано так искренно, что чувствовалось: он пережил это, он знает. Но, к сожалению, не пояснил, на какой именно стадии у него был потерян интерес: на стадии двух или трех тысяч рублей. А вот Михаил Прохоров потерял ли интерес к большим деньгам? Если потерял, то ведь не на стадии миллиона рублей или хотя бы миллиарда долларов. Он сохранял неподдельный интерес и после трех миллиардов, и после пяти, и после шести... Когда же иссякнет его интерес? И что все это значит?

Путин не ответил и, чтобы уж намертво убить нездоровый интерес студентов к деньгам, присовокупил: «Да ведь и с собой на тот свет деньги не унесешь: в гробу карманов нет».

Это было странно слышать. Почему карманов нет? Что за глупости! Тебя же в костюмчике положат. Да и помимо карманов в гробу есть свободное место. Но вот что интересней: ведь человек еще вместе с Собчаком крест наперсный повесил на выю, под камеру телевидения в церковь ходит по особо большим праздникам, с самим патриархом христосуется, а не знает, что там, за гробом-то — все бесплатно. Все и для всех! А не только для администрации президента, членов «Единой России» или Общественной палаты. Для всех и все! Так что, говорить «с собой не унесешь» — чистая демагогия с целью отвлечь людей от стремления жить прилично! Впрочем, не исключается и проблема ума.

И тут как раз в связи с недостатком детских садов, в которых особенно заинтересована молодежь, эта проблема была затронута. Они оба, радетели наши, обожают побаловать на сей счет. Еще 12 февраля 2010 года не в Томске, но в Омске товарищ Медведев заявил: «На развалинах советской экономики мы создадим умную экономику». Конечно, для полноты следовало бы сказать точнее: «На развалинах нами разваленной советской, второй в мире, экономики мы создадим умную, 25-ю в мире, экономику...» Прошло два года. Где она, умная-то? Или хотя бы сообразительная? Или — хоть что-то кумекающая?

А Путину однажды журналист сказал: «Чубайс хочет порвать нашу единую энергосистему. Это гибель! Неужели поступим по Чубайсу?» И в ответ услышал: «Мы поступим не по Чубайсу, а по уму». Это была непристойная президентская ложь, сознательный обман, ибо поступил он именно так, как замыслил Чубайс, агент мирового буржуинства: систему порвали на куски.

И сейчас молодым людям, которые, конечно, не знают о вышеупомянутом обещании Путина действовать по уму,

он сказал: «Садики обязательно строить будут...» Кто будет? Этого он не знает, не говорит, но ему точно известно, что «делать это надо с умом». Да ведь все на свете надо делать с умом. В чем здесь-то ум должен проявиться? Детсадов острая нехватка, а он, оказывается, уже опасается, чтобы не настроили лишних, дабы они «не простаивали». Если бы после этого студенты попросили его освободить помещение, это с их стороны было бы самым умным поступком, но, увы, все они очень стеснительны, ибо никто не был даже в составе администрации президента.

* * *

Однако вернемся в тот же Татьянин день, но в МГУ, в аудиторию №201, вместившую две сотни студентов. Там самый насущный вопрос задал Медведеву студент Владимир Куликов: «В стране назревает революция. Каково будет ваше личное поведение в случае революции? Готовы ли вы предстать перед народным революционным судом и отстаивать свои идеалы? Понимаете ли, что вас могут осудить?.. Не планируете ли эмигрировать в Северную Корею?»

У Медведева, как сказал поэт, «в зобу дыханье сперло». Но довольно быстро унял дрожь в коленках и сказал: «Никакие революции нашей стране не нужны!» Это было глупо. А разве нужны стране пожары, которые два года бушуют от Якутии до Архангельска? А наводнения и засуха нужны? А президенты, премьеры и министры, подобные стихийному бедствию, нужны народу? А вот снимок в «МК»: девушка студенческого возраста вышла на улицу с плакатом «Сниму квартиру за интим» — это кому нужно, кроме Чубайса, Павла Гусева и других врагов России?

Медведев продолжал: «Свой лимит на революции Россия исчерпала». Опять глупо! Во-первых, это чужая цитата без указания источника. Лет пятнадцать-двадцать тому назад сию мысль вбросил в общество другой выдающийся

ся оратор. Но лет через десять, придя в разум, он отрекся от нее и даже уверял, клялся, божился, что ничего подобного не говорил и в голове не держал. Во-вторых, а каков этот лимит, кто его исчислил? Шойгу? Нургалиев? Сердюков? Новодворская? Алла Гербер?.. В-третьих, даже для Ленина, о котором писали, что он думает о революции 24 часа в сутки, даже для него Февральская революция была полной неожиданностью. Незадолго до этого он сожалел, что его поколение едва ли дождетя революции. И вдруг!.. Так что, перед нами человек прозорливее Ленина?

Странное дело, Медведев даже не спросил студента Куликова, а за что же его могут судить. Ну, за что такого обаятельного и привлекательного — за вымирание народа? Так он, бедолага, с благословения Чубайса и при Путине десять лет успешно вымирал. За бесчисленные аварии и катастрофы? Им и при Путине числа не было. За великий рост орды кровососов-олигархов?

Но зато было сделано даже вот какое фундаментальное заявление: «За свои идеалы я, конечно, готов умереть». Хоть на Болотной, хоть где. А что же у него за идеалы? Оказывается, конституция, Уголовный кодекс, таможенный кодекс, а также — «какие-то высокие понятия, семья, дети». Опять! Без законодательной базы он не может шагу ступить. Конституция... законная жена... дети...

Ты будешь доволен собой и женой,
Своей конституцией куцей,
А вот у поэта — всемирный запой,
И мало ему конституций!

Ну, Медведев — не поэт, он — оратор, ему не мало. А еще, говорю, у него «какие-то высокие понятия». Это несколько темновато.

А семье, детям ведь ничто не грозит, никто их в суд не потащит. Это Геббельс был уверен, что русские убьют его

жену и пятерых детей, и потому сам отравил всех и покончил с собой. Но вы же с Геббельсом солидарны, кажется, только в деле Катюши? Или процесс пошел и дальше?..

И еще: «Я ничего не боюсь!..» Тут мне вспомнилось, что, когда в 1959 году Хрущев ездил в Америку, между ним и Эйзенхауэром состоялась беседа, в ходе которой наш великий Кукурузник заявил: «Мы ничего не боимся!» Собеседник же ответил: «А я боюсь. У меня дети, внуки. Я боюсь войны». А как ее не бояться! Правда, со времен вскоре после войны (в Корее, Вьетнаме) и до времен нынешних (в Афганистане, Ираке) американцы только тем и занимались, что устраивали войны, но вот их президенту как человеку было все-таки страшно. Это понятно.

* * *

А главное-то вот что сказал Медведев: «Я из политики не уйду!» Тут нельзя не напомнить, что далеко не всегда из политики уходят по доброй воле, — иногда из нее просто вышибают. Так было, например, с царем Николаем или с Керенским, с помянутым Хрущевым или с американским президентом Джонсоном, которого звали Линдон.

«Не исключаю, что через некоторое время я снова буду баллотироваться на должность президента...» Именно это обещание и повергло меня в ужас... Но что же движет им в его роковом намерении? Оказывается, вот что: «Буду баллотироваться просто потому, что я чувствую силы и знания для этого». Просто!.. Да мало ли кто чувствует то же самое! Но за минувшие четыре года президентства свою силу и знания показать-то не удалось. Ведь никакой силы не требовалось для того, допустим, чтобы уничтожить два часовых пояса; никаких знаний и ума не надо, чтобы поехать в Америку, получить там в подарок айфон, крикнуть «Аркадий, привет!» и там же заявить, что девиз «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» приводит его в бешенство.

Но у него есть еще один веский довод: «Мне всего 46 лет, это слишком малый возраст, чтобы уйти из политической активности». Невозможно представить, чтобы Ленин, Сталин, Молотов или Рузвельт, Черчилль, де Голль в 46 лет сказали бы о себе: «Это слишком малый возраст...» Ленин в 47 стал главой правительства страны, стоявшей на краю гибели, Сталин в 42 возглавил правящую партию, когда под нее копали троцкисты, Молотов в 40 лет стал главой правительства, — в тот именно год, когда было сказано: «Мы отстали от передовых стран на 50 — 100 лет»...

Медведев, вероятно, уверен, что Путин два срока, т.е. 12 лет, будет президентом, а он при нем все это время — премьером, и вот через 12 лет, когда ему подберется под 60, вторично ринется в президенты... А что? Стал же Сталин главой правительства в 61 год, а Черчилль — именно второй раз стал же премьером даже в 77 лет. Правда, у них были за спиной две мировые войны и много лет работы на важнейших государственных постах. А что у Медведева, кроме работы дворником в каком-то до сих пор не разысканном кинотеатре Ленинграда, трех месяцев студенческой практики в прокуратуре и четырех лет энергичного сидения в Кремле? Об этих годах у него твердое убеждение, что он был мудрым, успешным руководителем страны. И что народ не забудет это даже через 12 лет.

2012 г.

ЛГУЩИЕ И РАБОЛЕПСТВУЮЩИЕ

МИТРОПОЛИТ ИОАНН И КОММУНИСТЫ

Ныне, в пору всепроникающего благоухания демократии, во многих газетах и журналах самой разной направленности и умственного уровня, таланта и приличия, от анемичной правительственной «Российской газеты» до яростно антиправительственной «Завтра» и «Правды», украшенной двумя орденами Ленина и орденом Октябрьской Революции, до махрово антикоммунистического «Нашего современника», — всюду постоянно печатаются статьи, стихи, поэмы и даже рекламные объявления религиозного характера.

В чем дело? Ведь ни одно из этих изданий за долгие десятилетия их существования в религиозности замечено не было. Совсем наоборот! Сколько печаталось фанатически антирелигиозных статей, допустим, в той же «Правде». Так неужели достаточно было Ельцину и Старовойтовой, Лужкову и Новодворской появиться на экранах телевизоров со свечками в руках и с выражением святости на будках, как тотчас вслед за ними ринулась целая орда во главе с марксистами-ленинцами.

Иные из религиозных публикаций просто ошарашивают своей неожиданностью. В самом деле, кто бы мог помыслить, например, что «Правда», бодро звякнув своими славными орденами, вдарится однажды рекламировать бесплатную брошюру «Христианство: опиум или истина?»

И мы читаем на ее страницах, от коих уже веет ладаном: «Христианство — это личная встреча с живым Христом, Спасителем нашим. Он пришел в этот мир, погрязший во грехе, чтобы мы имели жизнь с избытком. Он пришел, чтобы свидетельствовать об истине» (2.06.95). Кто бы мог вообразить, что Николай Доризо, член КПСС с 1947 года, автор возвышенной поэмы «В России Ленин родился» и греховной песенки «А я люблю женатого», на 73-м году жизни, отринув свое порочное прошлое, сочинит исповедальную поэму «Ночные разговоры с Богом», а та самая трижды орденоносная «Правда» на 83-м году своей марксистской жизни обнаружит эту экстраординарную поэму 7 июля с.г., в Международный день кооперации, сопроводив сей «Разговор» глубокомысленным портретом одного из собеседников. Кому могло присниться в самом фантастическом сне, что богомерзкий «Московский комсомолец» заведет постоянную рубрику «Верую», а его сотрудники будут называть в комитет «За нравственное возрождение Отечества» и божиться, что все они, от старого холостяка Гусева (русского) до молодого женолюбца Минкина (еврея) — перво-сортные служители Христа... Вот мир, читатель, в который мы ныне попали!

Однако есть на этой ниве факты другого рода — вполне естественные и закономерные. Так, нет ничего удивительного в том, что авторами религиозных публикаций часто выступают священнослужители и активисты церковной жизни. Статьи многих из них содержат интересные мысли, верные суждения, справедливые оценки, а главное — патристичны, и это, конечно, радует. Как не приветствовать, скажем, статью дьякона Михаила Номнонова «Тайна Беззакония», где, в частности, дана достойная оценка упомянутой рубрики в богопротивном «МК»: «Если бы даже ее содержание было безупречным, то чего бы стоила проповедь христианства на одних страницах с развратнейшими статьями и объявлениями, где половые извращенцы ищут себе подобных» («СР», 11.07.93).

Но, к сожалению, встречаются среди этих публикаций и такие, где нет ни доброты, ни правды, ни ума, а лишь злобность, мстительность, клевета. Так, некая церковная активистка А. Полднева, не сумев ничего придумать сама, повторяет замшелые белогвардейские байки о том, что Вильгельм Второй «осыпал золотом большевиков и привел их к власти». Только и забот ему было накануне собственно-го свержения, что он, терпя жестокие беды на фронтах, не знал, куда ему золото девать, кроме как большевикам сунуть. Мадам активистка проливает горькие слезы: «Ленин в 20-х годах ограбил дворян и промышленников, Сталин в 30-х годах до нитки обобрал крестьян», но молчит о том, как же ограбленная страна вдруг стала сверхдержавой, да такой богатой, что ее разворовывают-разворовывают доморощенные и заезжие бандюги и все не могут разворовать... Другая активистка Н. Нарочницкая, набравшись ума в Америке, тоже твердит о России, «дотла сожженной в 1917 году большевиками», тоже льет слезы: «малоэффективная и фальшивая система власти и организации общества»... Скушно это, дамы и господа, аж скулы ломит.

* * *

Митрополит Ленинградский и Ладужский Иоанн (Снычев) стал в последние года три одним из самых активных авторов нашей периодики. Его статьи-проповеди за подписью «смиранный Иоанн» печатаются во многих и разных изданиях от занудной правительственной «Российской газеты» до оппозиционной «Советской России». Конечно, нельзя не одобрить те его выступления или их фрагменты, где автор гневно обличает нынешний антинародный режим и его создателей. Я такие его проповеди горячо приветствую.

Однако патриотизм, излюбленный предмет размышлений св. отца, порой предстает в его проповедях в довольно странном обличье и удивительных очертаниях. Так, он

постоянно твердит лишь о десяти веках русской государственности и даже нашей истории, нашего существования как народа вообще: «В течение десяти веков русский человек был бесменным стражем российской государственности»... «Многие напасти и беды сумела одолеть наша страна за десять веков своей истории»... «Путь, пройденный Россией за десять столетий своего существования»... «Русский народ в течение десяти веков своей истории...» и т. д.

Как же так? Давно известно и общепризнано, что наша государственность идет с 862 года, то есть одиннадцать с лишним веков. Это закреплено памятником «Тысячелетие России», что был установлен в Новгороде в 1862 году. Не был же Александр Второй фальсификатором истории вроде Александра Яковлева.

Невиданное дело! В других царствах-государствах патриоты всеми правдами и неправдами стараются хотя бы чуть-чуть удлинить историю своего народа, а тут патриот укорачивает родную историю почти на полтора века. А другие патриоты, например, члены КПРФ, не смеют возразить даже в виде суперделикатного вопроса: «Владыко, так ли?» Мало того, они подхватывают Иоанново речение и несут его даже в своей «Предвыборной платформе», где говорят о намерении направить на службу Родине «все лучшее, что накоплено тысячелетней историей России».

Ведь при таком раскладе за пределами родной истории остается множество славных и достопамятных имен и свершений. Например, князь Олег-Правитель, более известный у нас по Пушкину как Вещий Олег. Он перенес престол из Новгорода в Киев, в 907 году прибил свой «щит на воротах Цареграда» и заключил с Византией выгодный для Руси договор. Вычеркивается также великий князь киевский Игорь, дважды в 941 и 944 годах, ходивший походом на Византию и тоже добившийся нужного договора. Выбирается и великий воин Святослав, сын Игоря, опять же воевавший Византию и другие племена, а в 965 году раз-

громивший Хазарский каганат. Я уж не говорю о святой княгине Ольге...

А между тем ларчик открывается просто. Вся суть в том, что «отправной точкой в жизни державы» митрополит считает не первых русских князей, не зачатки и укрепление государственности, а крещение Руси, имевшее место действительно десять веков тому назад. Он не желает признавать, что наш народ и наша государственность довольно долго существовали и вне христианства, что «державными стражами» сперва были почитатели Перуна, а уж потом — Христа. С великой убежденностью возглашает: «Кто на протяжении тысячи лет ковал державный дух русского патриотизма? Православная церковь!.. Кто вдохновлял на дела защиты Отечества как на личный религиозный долг? Православная церковь!.. Кто научал русского человека быть верным? Православная церковь!..»

Выходит, до крещения в 988 году русским людям неведомы были ни верность, ни любовь к родной земле, и почему они защищали ее от хазар да печенегов, зачем гибли за нее, как Святослав, совершенно непонятно. Словом, не было у русских никакой истории до 988 года. Как тут не вспомнить тех суперкоммунистов, которые отрицали нашу историю до октября 1917 года. Иные из них, по словам И. Сталина, после революции даже требовали уничтожить царские железные дороги и проложить новые, коммунистические. Сталин называл их комтроглодитами. Слава Богу, были коммунисты и другого закваса. А Горбачев, между прочим, до последних дней своего правления твердил: «Все мы родом из Октября».

* * *

Митрополит упрямо продолжает противопоставлять церковь всему: «Церковь осталась последним оплотом духовности, последним бастионом нравственности, послед-

ним выразителем русского самосознания». Все остальное — ничто!

Не углубляясь в далекое прошлое, хочется спросить: где же была «духовная энергия» церкви, когда в центре Москвы, в окружении златоглавых храмов Ельцин расстреливал сотни мирян? Или это, по разумению святого отца, не зло? Наконец, почему не проявила себя все та же прекрасная «энергия», когда Горбачев развалил Варшавский Договор, а НАТО продолжало укрепляться и всем нормальным людям было ясно, что это — великая угроза для России вместе с православной верой?

А между прочим, у проклинаемых «сергианцев» вовсе не было такой категоричности в вопросе о роли церкви. Патриарх Тихон, например, говорил о ней не как о главном центре, последнем бастионе, единственной надежде, а как о помощнице народа.

«Патриотизм, — пишет митрополит, — это священный долг благочестивого христианина». Прекрасно! Но неужели только благочестивого? А если оный христианин, допустим, слаб по женской части, то есть грешен, тогда, что ж, он не может быть патриотом или даже не допускается в их ряды? И неужели только христианин? Да, уверяет проповедник. И еще, оказывается, имеет в виду при этом не всякого и христианина-то, а лишь православноверующего. «Многие ли из нас, — вопрошает он, уверенный в отрицательном ответе, — могут припомнить хоть один (!) случай, когда иноверцы — будь то католик или иудей — в трудный для России час делом доказали ей свою верность (имеется в виду — доказали свою верность ей. — В.Б.), до конца разделив ее неласковую судьбу. Зато противоположных примеров (то есть шкурничества и предательства с их стороны. — В.Б.) — сколько угодно!» И это говорит, живя в многонациональной и многоконфессиональной стране, человек, который одновременно вроде бы призывает «к достижению столь желанного всеми межнационального согласия и гражданского мира».

Я не знаю, сколько лет о. Иоанну, может статься, уже и за семьдесят. Не исключаю, что и на войне был. Во всяком случае, о «ратном служении» пишет с большим пафосом. Так если был на войне, неужели не может припомнить «хоть один случай», когда католик или иудей принял судьбу еще более неласковую, чем судьба Родины, — отдал за нее жизнь?

Если, однако, не был на войне и вспомнить ему нечего, то я назову не один, а для начала три случая. В сорок первом году со мною вместе окончили 437-ю школу Сталинского района Москвы мои старшие погодки Костя Рейнветтер, Фридрих Бук и Леня Гиндин — два католика и иудей. Все трое добровольно ушли на фронт, и все трое погибли.

Впрочем, мои одноклассники были иноверцами, как принято говорить, по рождению, но едва ли считали себя кто католиком, кто иудеем. Скорее всего, они не задумывались над проблемой веры. Но и это не меняет отношения к ним Иоанна, ибо, по его убеждению, «полноценным» патриотом может быть только верующий: «Любовь к Отечеству лишь тогда плодотворна и по-настоящему тверда, когда она опирается на прочный духовный фундамент, на многовековые народные святыни, на традиционные религиозные ценности». Это с одной стороны, а вот что с другой: «Все «патриоты», клянущиеся в любви к России и одновременно отвергающие Православие, любят какую-то другую страну, которую они сами себе выдумали». Так автор с присущей ему решительностью отлучает от патриотизма миллионы иноверцев и неверующих. Я не встречал и за всю жизнь даже не слышал о таких суперкоммунистах, которые отказывали бы в патриотизме людям, не имеющим партбилета.

Не только на заре нашей истории в IX — X веках, но и через тысячу лет, в XIX — XX веках, и в предоктябрьскую пору на Руси далеко не все было так прискорбно, как порой говорили об этом иные авторы в советское время. Мы дали миру несравненные образцы духовного мужества на

поприще ратном, гражданском и интеллектуальном. Создали своеобразнейшую культуру мирового уровня. Нашей литературой зачитывался весь белый свет, а имена Толстого, Достоевского, Горького соперничали в популярности с именами Данте, Шекспира, Мольера. Музыка русских гениев завоевывала концертные залы всех континентов. Наша живопись всегда жила жизнью народа. Русская наука и техника, наша философская мысль изумляли прорывами в будущее. Темпы промышленного развития в конце прошлого — начале нынешнего века, пожалуй, не знали себе равных... Здесь и в других подобного рода обстоятельствах, фактах, именах, а не в препарированных стихотворных цитатках, не в ссылках на высокие темпы рождаемости открывается подлинное величие Родины.

* * *

Разумеется, есть свои достоинства, есть исторические заслуги перед народом у Русской православной церкви. Но для ее восхваления митрополит Иоанн порой прибегает к доводам того же уровня, как ссылка на темпы рождаемости. Пишет, например: «Разве католические прелаты поднимали новгородцев на брань с псами-рыцарями?.. Разве протестантские пасторы вдохновляли Дмитрия Донского на поле Куликовом?.. Разве мусульманские муллы удержали Отчизну от распада в годину Смуты?.. Разве иудейские раввины поднимали в атаку роты под Мукденом и Порт-Артуром?.. Разве кришнаиты и буддисты возносили молитвы о Земле Русской?..» Нет, разумеется, пишет автор, все это делали русские православные священники.

Право, очень странная логика и удивительная похвала. Это все равно, если бы я в патриотическом запале стал заливаться в таком духе: «Разве мексиканцы разбили немцев под Москвой?.. Разве норвежцы выстояли в Сталинграде?.. Разве бразильцы выиграли Курскую битву?.. Разве датчане

взяли Берлин?.. Нет, все это сделали советские воины!» Несообразно и смешно!

Но о. Иоанн, уверенный, что под Порт-Артуром солдат поднимали в атаку не командиры, а священники, продолжает с новым приливом сил: «Во всех (!) войнах рядом с русским солдатом шел русский священник». Это уже подгонка ее под догму, во имя чистоты коей с одного конца отсекаются походы и войны князей Олега, Игоря, Святослава, где, разумеется, не могло быть православных священников, с другого — сражения самой страшной войны в истории Родины. Она тоже обошлась без священников, но завершилась, слава богу, полным разгромом, изгнанием врага и его безоговорочной капитуляцией в Берлине. Подобным успехом, увы, не были отмечены наши сражения под Мукденом, Порт-Артуром, а раньше — под Севастополем, где, судя по словам Иоанна, священник стоял рядом с воином. Увы... И лучше бы не трогать эту тему.

Глядя в прошлое, о. Иоанн ликует: «Дореволюционная Россия имела самые высокие в мире темпы роста населения. Иметь 8 — 12 детей считалось у русских делом естественным и нормальным» («СР», 30.04.93). Ну, во-первых, и сейчас есть многодетные семьи. Могу привести конкретный пример: У писателя Дмитрия Балашова как раз 12 детей. Но, разумеется, этот подвиг был предпринят в расчете на советский уровень и образ жизни. А ныне писатель доведен до такого бедственного положения, что заявил: «У меня шестеро сыновей и четверо из них уже в том возрасте, когда мужчина может взять в руки оружие. И я, старик, возьмусь за автомат. Когда начнется, я пойду драться сам и пойдут мои мальчики. Нас окажется не так уж мало. И тогда никакие спецназы и омоны пусть не становятся на нашем пути. Сметем». Вот такой неожиданный поворот получают ныне темы благоденствия и демографии.

Во-вторых, до революции и в советское время иметь 8—12 детей вовсе не было заурядным делом. Недаром же

в 1944 году учредили звание «Мать-героиня», которое Ельцин — хоть бы тут-то церковь подала голос протеста! — упразднил, поскольку почетное это звание было связано с некоторыми льготами и ассигнованиями. А ведь деньги так нужны этой орде для роскошной жизни!

О. Иоанн говорит: вспомните семьи, в которых выросли ваши родители, — какие они были большие. Вспоминаю: моя мать, родившаяся в 1896 году, выросла в семье, где было пятеро детей, а в семье отца, ее ровесника, — трое, причем первый от предыдущего брака матери.

В-третьих, высокая рождаемость отнюдь не является показателем благоденствия народа. Совсем наоборот! В Китае, в Индии рождаемость, пожалуй, превосходила российскую, но эти страны, как и наша Родина, были тогда беднейшими в мире.

«Кто сегодня может позволить себе иметь десять детей, дать им образование и вывести в люди?» — вопрошает о. Иоанн, стараясь внушить нам, что до революции это тоже было «естественно и нормально». Сегодня, то есть при захлещении Кремля ельциноидами, как убеждает пример Д. Балашова, можно иметь десять детей лишь в надежде на них как на вооруженную силу. В советское же время матери-героини не были великой диковиной, и детей своих они выводили в люди. Что же касается дореволюционной поры, то, поскольку о. Иоанн не требует других свидетельств, кроме семейно-родственных, то могу поведать и на сей раз: родители моей матери были неграмотны, а пятеро их детей получили до революции лишь начальное образование в объеме четырех классов. У отца неграмотной была мать, старший ее сын сгинул в тюрьме (столяр, он запустил табуреткой в портрет царя), и лишь один из трех, мой отец, получил уже в советское время высшее образование.

Но св. отец еще более нетверд в фактах и событиях советской эпохи и дней нынешних. Пишет, например, что 70 лет назад, то есть в 1925 году, «в результате революции и

Гражданской войны Россия оказалась на грани полного развала» и тогда, мол, патриарх Тихон провозгласил: «Церковь, искони помогавшая русскому народу, не может оставаться равнодушной при виде его гибели и разложения» («РГ», 22.02.95). Да, церковь не раз помогала народу, но в 25-м году, в год своей смерти, Тихон ничего подобного сказать не мог. Хотя бы по той причине, что в ту пору угрозы разложения, развала, гибели страны уже не было: под руководством большевиков народ преодолел эту угрозу, государство крепло, экономика под парусами нэпа шла вперед, страсти, бушевавшие в годы Гражданской войны, утихали.

* * *

По поводу согласия патриарха Тихона с Советской властью о. Иоанн заявляет, что «любому здравомыслящему исследователю сегодня ясно: Тихон вынужден (!) был проводить линию на примирение с новой властью, как вынужден был продолжать ее и преемник — патриарший местоблюститель митрополит Сергей, впоследствии патриарх» («СР», 09.09.93). Никаких доказательств вынужденности автор не приводит. Но что же это в таком случае за высокопреосвященнейшие предстоятели церкви и архипастыри великого народа, если они совсем не в дряхлом возрасте — шестидесяти не было! — без тюрьмы и ссылки, без мучительства легко пошли на примирение с властью, которая, по убеждению Иоанна, была сатанински враждебна им. Ведь сам же он напомнил им о подвиге их далекого предшественника патриарха Гермогена в годину шляхетской интервенции: «Седой, немощный, умирающий от голода в шляхетском застенке старик своим властным архипастырским призывом поднял с колен погибавшую от склок и междоусобиц страну». Поднял, а сам умер, заточенный в Чудовом монастыре, и было герою-патриарху уже за восемьдесят...

Нет, дело совсем не в вынужденности и не в малодушии патриархов Тихона и Сергия, — сама жизнь, ход времени убеждали их в правоте новой власти, как убеждали они тогда очень многих и очень разных людей. Прославленный генерал Брусилов, знаменитый физиолог Нобелевский лауреат Павлов, великие композиторы Рахманинов и Прокофьев, выдающиеся скульпторы Коненков и Эрзя, цвет предреволюционной литературы — Горький, Бунин, Алексей Толстой, Куприн и другие — почти все они встретили Октябрь враждебно, многие эмигрировали, но ход вещей, движение истории, кого очень быстро, кого в те же самые годы, что Тихона и Сергия, кого еще позже — примирили с Советской властью, и они пошли на разные формы сотрудничества с ней. Уж на что непримиримым ее врагом был Бунин, а в 1943 году он признавался в письме: «Вот до чего дошло! Сталин летит в Персию, а я в тревоге: не дай Бог, с ним что-то случится в пути». И любому здравомыслящему исследователю ясно: Тихона и Сергия, их поведение надо рассматривать в ряду названных имен.

Когда в марте 1953 года бунинская тревога оправдалась самым прискорбным образом, патриарх Алексий Первый, преемник Сергия, обратился к правительству с сердечным словом сочувствия:

«От лица Русской Православной Церкви и своего выражаю самое глубокое и искреннее соболезнование по случаю кончины незабвенного Иосифа Виссарионовича Сталина, великого строителя народного счастья.

Кончина И.В. Сталина является тяжким горем для нашего Отечества, для всех народов его. Кончину И.В. Сталина с глубокой скорбью переживает вся Русская Православная Церковь, которая никогда не забудет его благожелательно-го отношения к нуждам церковным.

Светлая память о нем будет неизгладимо жить в сердцах наших. С особым чувством непрестающей любви Церковь наша возглашает ему вечную славу».

Из всего этого следует, что о. Иоанн даже теперь, после расстрела Советской власти бандой подлых предателей, сражается не против отдела пропаганды ЦК КПСС, как, вероятно, думает, а против трех патриархов сразу — Тихона, Сергия, Алексия. А это были умные, образованные люди, честные граждане своей страны.

«Официальное отношение власти к народу и стране, — пишет митрополит о советском времени, — было яснее ясного выражено лозунгом Троцкого: «Будь проклят патриотизм!» И вот, мол, в полном соответствии с этим лозунгом «все (!) большевистские вожди наперегонки хаяли русский народ» («СР». 10.02.94). Очень интересно! Но, во-первых, в доказательство, что «все», приведено высказывание лишь Бухарина, а остальные представлены цитатами не о русском народе, а о шовинизме.

Но, во-первых, для нас шовинизм и родной народ не одно и то же. Во-вторых, где, на каком съезде партии или пленуме ЦК, в каком официальном документе помянутый «лозунг» был провозглашен, утвержден или хотя бы написан? Не было таких съездов и документов. В-третьих, зачем же автор умалчивает, что еще в 1927 году Троцкий был исключен из партии, снят со всех постов и вскоре выдворен из страны со всеми своими лозунгами.

Но главное, вот что мы читаем дальше: «Сразу после революции сложились две фракции, две различные партии, непримиримые по своему отношению к стране. Одна часть ненавидела Россию, ее народ. Вторая все же (!) радела об интересах народа и страны. Борьба между этими партиями не прекращалась ни на миг».

Так неужели и те большевики, которые радели о народе, тоже под диктовку Троцкого хаяли его? Достаточно поставить этот вопрос, чтобы понять: на самом деле далеко не «все большевики» хаяли русский народ, а сам автор хает всех большевиков.

А главным хулителем русского народа изображен Сталин, который где-то, когда-то сказал: «Решительная борьба с пережитками русского шовинизма является первой задачей нашей партии». И был совершенно прав, если сказал. Любой шовинизм, то есть ненависть к другим народам и оголтелое превознесение своего, отвратителен и опасен, особенно — шовинизм великой нации в многонациональной стране.

* * *

Еще более странная картина нашей жизни рисуется дальше. Иоанн уверяет, что вплоть до самой войны русские история и литература были «объектами глумления и тяжких оскорблений». Кто глумился? Где оскорбляли? Неизвестно... И вот, мол, только в разгар войны, когда встал со всей остротой вопрос о физическом выживании русского народа и существовании государства, в национальной политике советского руководства произошел настоящий переворот. «Наша история и культура превратились в объект почитания... Ученые вдруг (!) заговорили о том, что насмешки над варварством русского народа антинаучны... Вдруг (!) оказалось, что на подобные обвинения у России есть достойный ответ...» Все это решительно не соответствует действительности. Никакого «вдруг» не было. Наша история и культура уже давно перестали подвергаться глумлению.

Более того, еще в 1930 году ЦК партии резко осудил стихотворные фельетоны Демьяна Бедного «Слезай с печи!» и «Без пощады» за «охаивание России и русского», за попытку представить «сидение на печи национальной чертой русских». Сам Сталин в ответе на жалобу Д. Бедного возмущенно писал о его «клевете на СССР, на его прошлое и настоящее». А когда за несколько лет до войны Бедный в пьесе «Богатыри» попытался снова предпринять что-то подобное, то получил такую отповедь от большевистской «Правды», что надолго замолчал. С другой стороны, в 20—30-е годы

появилось множество произведений искусства патриотического и ярко-национального характера: романы «Тихий Дон» Шолохова, «Петр Первый» А. Толстого, «Севастопольская страда» Сергеева-Ценского, поэма Симонова «Ледовое побоище», фильм «Петр Первый» и т. д. Разве после всего этого, в частности, после фильмов «Александр Невский», «Суворов», «Кутузов» могли оказаться неожиданностью, допустим, ордена, названные именами этих полководцев и «вдруг» учрежденные во время войны.

А ведь надо учесть еще и то, что для характеристики 30-х годов очень подходят слова К. Леонтьева, что недавно напомнила нам неутомимая умница Татьяна Глушкова: «Национального не искали тогда сознательно, но оно само являлось путем исторического творчества». Национально-русское и советское сливались тогда воедино. Действительно, выйдя в те годы, допустим, по многим показателям экономической и культурной жизни на первое место в Европе и на второе место в мире, разве мы, как и все на свете, не понимали, что это достигнуто, прежде всего, благодаря усилиям русского народа. Читая «Тихий Дон» или слушая новую симфонию Шостаковича, разве кто-то не сознавал, что это творения русских гениев. Аплодируя невероятному перелету Чкалова через полюс в Америку, разве весь мир не твердил заворуженно: «О, эти русские!» Словом, повторяя «Вдруг... вдруг... вдруг», о. Иоанн говорит о вещах, о коих имеет весьма смутное представление.

Еще один выразительный пример этого дает опять же тема прошлого России. Митрополит уверяет: «Власть на Руси всегда (!) осознала не как предмет тщеславных возжеланий, награда самым наглым, хитрым и беспринципным бойцам политического ринга, не как бездушная кормушка для чиновников и бюрократов, но как религиозное служение заповедям справедливости и добра, как «Божье тягло» («СР» 14.11.92). Кем «осознала» — неизвестно. Да уж, видно, всеми, кто у власти, коли сказано всегда. А ко-

ли «осознавалась», то значит ли это, что и воплощалась? Судя по тексту, неукоснительно!

Словом, не государство это было, а рай земной, которым управляли в полном соответствии с «Почением» Владимира Мономаха одни лишь белокрылые ангелы и серафимы.

Что ж, мы этому хотели бы поверить. Но, Боже милосердный, если в России, в отличие от всех царств-государств мира, у власти никогда не находились наглецы и хитрецы, а народное богатство никогда не было кормушкой для чиновников и они являли собой беспорочные образчики добродетели, то чем же объяснить такое обилие у нас бунтов и мятежей, восстаний и революций? Бунты и мятежи медные, хлебные, картофельные, соляные, холерные... Восстания Булавина, Болотникова, Разина, Пугачева, декабристов, «Потемкина»... Революции 1905 года, Февральская, Октябрьская... Есть ли на свете другой народ, который так часто и решительно выступал против своего «Божьего тягла»? Молчит о. Иоанн...

* * *

Продолжая настойчивое исследование темы «КПСС и проблемы русского патриотизма», автор находит кое-что неутешительное для себя. Например, как всегда, весьма уверенно объявляет, что секретарь ЦК и член Политбюро А. Жданов «был главой фракции внутривластных русофилов» и делает удивительное открытие: «В 1946 году Жданов выступил с резким осуждением «безродных космополитов», что означало признание глубинных национальных корней русского самосознания» («СР», 10.02.94). Главой космополитов и главным противником Жданова объявлен не Шкловский или Антокольский, не Юзовский или Борщоговский, как можно было ожидать, помня публикации той поры, а... Кто бы вы думали?.. Берия! Лаврентий Павлович! Одному Богу известно почему.

Дальше «Центральный Комитет в том же 1946 году принял ряд постановлений, канонизировав, таким образом, процесс «разоблачения и полного преодоления всяких проявлений космополитизма и низкопоклонства перед реакционной культурой буржуазного Запада».

Конечно, от человека церкви нельзя требовать, чтобы он точно знал, чем занимались те или иные члены Политбюро или когда именно была «какая-то там кампания против космополитизма», но все же мы вынуждены выразить удивление и кое-что уточнить.

Во-первых, Жданов никогда не был главой какой бы то ни было фракции. Во-вторых, в 1946 году ни Жданов, ни кто-либо другой о «безродных космополитах» ничего не говорили. Лет за сто до этого говорил о них Виссарион Белинский, в КПСС не состоявший. В-третьих, «резкое осуждение космополитизма» произошло не в 1946-м, а в 1949 году, и к Жданову это не имело никакого отношения: в это время его уже не было в живых.

Что же касается 1946 года, то Жданов тогда действительно выступил с резким осуждением, но не космополитов, а журналов «Звезда» и «Ленинград», да двух прекрасных русских писателей — Анны Ахматовой и Михаила Зощенко. И было тогда постановление ЦК, отмененное позже. Вот такие пироги...

В свое время между Лениным и Сталиным возникло важное расхождение по вопросу об административно-государственном устройстве страны. Ленин был за союз равноправных республик, Сталин — за автономизацию, за Российскую Советскую Социалистическую Республику. Победила точка зрения Ленина: был создан СССР.

Не могу не процитировать здесь один архивный документ той поры, который уж очень живо перекликается с днем нынешним, — письмо К. Е. Ворошилова, командовавшего тогда войсками Северо-Кавказского военного округа, И. В. Сталину от 21 января 1923 года:

«Дорогой Иосиф Виссарионович!

Поздравляю тебя еще с одной автономией! 15 февраля в ауле Урус-Мортан, что в 24 верстах от Грозного, на съезде представителей аулов при торжественной обстановке провозглашена автономия Чечни. Выезжали в Чечню Микоян, Буденный, Левандовский и я. Впечатление: чеченцы, как все горцы, не хуже, не лучше. Муллы пользуются неограниченным влиянием, являясь единственной культурной силой. Свое положение служители аллаха используют со всем искусством восточных дипломатов. Население пребывает в первобытной темноте и страхе божием. Наши велеречивые и многомудрые коммунисты, работающие в Чечне, по-моему, ничему не научились и не могли ничему научить. Расслоение, «опора на бедняцкие элементы», «борьба с муллами и шейхами» и прочие прекрасно звучащие вещи служили им удобной ширмой для прикрытия собственного убожества и непонимания, как подойти к разрешению стоящих на очереди вопросов».

Так молодой Клим Ворошилов из далекого 23-го года тычет носом старика Ельцина, а с ним и Черномырдина да Шахрая в стоящие перед ними на очереди вопросы и учит, как надо их решать, поскольку «велеречивые и многомудрые» коммунисты, став антикоммунистами, растеряли и без того небольшие сбережения своих черепных коробок. Он говорит им: «Дураки только могут верить в возможность проведения в Чечне всяческих «расслоений», «влиятельный через бедноту» и пр. чепуху... В Чечне патриархально-родовые отношения сохранились почти в полной мере. Всякий бедняк муллу и святого почитает во сто раз больше, чем кулака... До тех пор, пока мы не создадим в Чечне кадры преданных, знающих Чечню и ей знакомых работников, придется иметь дело с муллами» (Военные архивы России. 1993. Выпуск первый, с. 406—407).

Такие кадры, такие работники, о которых мечтал Ворошилов, совсем недавно в Чечне были, и под их руково-

дством республика превратилась в цветущий край России, но президентские советники по национальным вопросам вроде Старовойтовой, министры национальных дел вроде Шахрая, советники по безопасности вроде Батурина не поехали в Чечню, когда там назрел конфликт, как поехали Ворошилов, Микоян и Буденный, а для «прикрытия своего убожества и непонимания проблем» наговорили в московских кабинетах с мягкими креслами столько вздора, и по причине собственного убожества их так внимательно слушали отцы отечества, что, в конце концов, знающие, преданные кадры оказались дискредитированы, все запуталось, смешалось, и вот в результате — реки русской и чеченской крови.

* * *

В наши дни о ликвидации республик и возвращении к губерниям сказал несколько лет назад В. Жириновский. И вот теперь, вслед уже не за Иосифом Виссарионовичем, а за Владимиром Вольфовичем поспешает о. Иоанн: «Страна, как это было раньше, должна делиться на административно-территориальные районы (назовите их губерниями или краями — безразлично), а национальная самобытность российских народов при этом должна бережно сохраняться в рамках культурно-национальной автономии» («РГ», 22.02.95).

Итак, Жириновский и митрополит заодно. Но ведь между их позицией и сталинской — пропасть! Сталин в сущности предлагал лишь сохранить то, что было веками, к чему люди привыкли, с чем сжились, а лидер ЛДПР и его высокопреосвященство предлагают ликвидировать то, что живет уже более семидесяти лет, и вернуться назад. Эта идея, как и другие идеи обоих авторов, поражают своей оторванностью от реальной жизни. Да, в губернском устройстве страны есть свои преимущества. Но как можно надеяться, что граждане Татарстана или Башкирии легко и просто согласятся снова стать жителями Казанской и Уфимской губер-

ний! Это после стольких-то лет республиканского статуса... Если сталинский план в конкретной исторической обстановке того времени мог быть осуществлен мирно, то нет никакой уверенности в том, что для внедрения подобного проекта ныне можно обойтись без тех методов, которые, увы, так хорошо известны теперь по Чечне.

Как бы то ни было, а позицию свою автор выразил ясно и твердо: он за губернское устройство, за унитарное государство. Мы не согласны с такой позицией, но готовы уважать определенность, с которой она выражена. Однако вот что гневно воскликнул о. Иоанн в этой же газетной проповеди в другом месте: «130-миллионный русский народ не имеет в Российской Федерации своей государственности, а 300 тысяч ингушей — имеют!» («РГ», 22.02.95)

Ну, во-первых, желательнее бы знать, если пишешь об этом, что ингушей даже во всем СССР было меньше 200 тысяч, а в Ингушской Республике, являющейся ныне формой их государственности, и вовсе лишь около 135 тысяч, а не 300. Нас же, русских — уж это-то нельзя не знать русскому архипастырю, — в Российской Федерации не 130, а 120 миллионов. Выходит, в одном случае ничего не стоило прибавить тысяч 170, а в другом аж 10 миллионов.

Но суть не в цифрах, а в том, что о. Иоанн негодует: почему русский народ не уравниали с ингушами, почему не дают ему такую же форму государственности, т. е. из адептов губернского, унитарного устройства страны его уже увлекло в ряды непримиримых противников такого устройства, ратующих за республики. Митрополит оказался с теми русскими суперпатриотами, в том числе, многими коммунистами, которые еще не так давно стонали на всех трибунах СССР: «Гляньте, в полуторамиллионной Эстонии есть своя Академия наук, а у русских ее нет. Дискриминация!.. В трехмиллионной Армении свой ЦК партии, а у нас его нет. Русофобия!.. В четырехмиллионной Молдавии свой ЦК комсомола, а у нас им и не пахнет. Геноцид!..»

Эти суперпатриоты не задумывались над тем, как создать чисто русскую государственность, если русские живут во всех уголках страны вперемешку с другими народами. Попытаться загнать всех нас в границы времен Ивана Третьего и объявить Русскую республику по примеру, допустим, Еврейской? Знать, мало им тех миллионов русских, что стали для России иностранцами в Киеве, матери городов русских, в Севастополе, городе великой русской славы, или в политый кровью русских Прибалтике.

Эти суперпатриоты не способны понять, что русский народ, говоря словами Сталина, был «руководящей силой Советского Союза среди всех народов нашей страны», что поэтому нам, как народу, составляющему основу, стеновой хребет многонационального государства, совершенно нет нужды в дотошном, формальном «равенстве» с ингушами и эстонцами, армянами и молдаванами, что, наконец, СССР был прямым наследником и правопреемником царской России, т. е. по существу многонациональным Русским государством. Большевики, Ленин и Сталин, создавая СССР, прекрасно понимали все это. Но потом явился ставропольский реформатор Горбачев, и вот теперь о. Иоанн, точнее, та его половина, которая решительно отрицает другую — унитарную.

* * *

В своих страстных газетных проповедях святой отец порой сам себе решительно противоречит, причем по вопросам отнюдь не пустячным, да иной раз на той же самой странице. И нередко это приводит к опровержению самого себя.

Так, в одной проповеди он убежденно заявил, что ему «насущнейше необходимой представляется разработка и официальное провозглашение государственной идеологии российского патриотизма». Что ж, прекрасно. Толь-

ко, честно говоря, сомнительно, чтобы официальный документ сразу наплодил миллионы его приверженцев, в данном случае — патриотов. Были же у нас подобные документы, например, «Кодекс строителя коммунизма». Провозгласили его официально. И что?

Однако и в другой проповеди о. Иоанн повторил с той же уверенностью: важнейшая, мол, задача сегодня — «оформить русскую идеологию», доходчиво сформулировать ее, потом, как ни странно, «осознать самим (!) и донести до людей»... Замечательно! Допустим, мы все это сделали: сформулировали, оформили и даже осознали. Но вот что, ушам своим не веря, услышали мы в третьей проповеди: «Всем, кто любит Россию, пора прекратить (!!!) поиски «современной русской идеологии», искусственное конструирование идеологических систем «для русского народа». Вот так да! Читатель в полном недоумении.

Митрополит уже перешел к новой животрепещущей проблеме: «Безответственное экспериментирование поставило нашу родину на грань государственной, экономической, политической и духовной катастрофы» («СР», 26.03.93). Через месяц:

«Россия на краю гибели — этот факт уже не требует доказательств... Невероятным напряжением сил она еще удерживается над бездной, еще дышит...» («СР», 22.04.93). Еще через два месяца: «Россия — во мгле... Ее ждут ужасы гражданской войны и окончательного государственного распада» («СР», 15.06.93).

Однако у отца Иоанна мы тут же видим нечто неожиданное. Дело в том, что свои страшные пророчества о государственной катастрофе, экономической бездне и духовном распаде проповедник регулярно перемежает столь же уверенными пророчествами совсем иного рода — полными надежды, оптимизма, восторга.

Например: «Россия очнулась и встала на путь здорового национального развития» («СР», 30.04.93). Или: «Уверен-

но можно сказать: процесс русского возрождения сегодня идет бурно» («СР», 26.03.94). Правда, проценты роста, в отличие от Чубайса, не называет. Было даже и такое, уж во все грандиозное пророчество: «Мы сегодня стоим на пороге чуда — чуда воскресения Святой Руси» («СР», 30.04.93). Но этого мало! Святой отец готов предать анафеме всех нытиков и маловеров, каким сам только что представлял перед нами: «Громогласные стоны «Россия гибнет!», «Пропа- ла Русь!» и им подобные есть свидетельство или духовной слепоты, слабости, неверия и уныния, или злонамеренно- го желания посеять в сердцах русских людей панику» («СР», 14.11.92). Так правая рука о. Иоанна спорит с левой, и то одна, то другая одерживает решительную победу.

Вместе с митрополитом мы критикуем нынешнее положение дел, но делаем это по-разному. Как и многие мои коллеги, единомышленники, я всех губителей Отечества и их прихлебателей — от Горбачева до какого-нибудь адвоката, именующего себя Макаровым, — называю по именам и должностям. Митрополит же никого из всей своры конкретно не называет, он, так сказать, бичует свору в общем и целом в таком духе: «Сегодня Русь вновь подвергается бурному натиску сатанинской злобы»... «То, что происходит ныне на земле русской — не «ошибка верхов» и не случайность. Это яростный порыв бесовщины уничтожить святую Русь... Это дьявольские дела. Попытка сатаны и приспешников его упразднить дело Христово» («СР», 31.12.92) и т. п.

Что же мешает назвать хоть одного приспешника сатаны — может, высокий сан?! Ничего подобного, дело, оказывается, совсем в другом: «Не зная обстоятельств и людей, — говорит святой отец, — не могу обвинить никого лично» («СР», 22.04.93). Хотел бы всей душой, да не может по причине незнания!

Между прочим, то же самое говорит А. Солженицын. Правда, во время прошлогоднего похода из Владивостока в Москву он промурлыкал было всем известное о «без-

мозглых реформах Гайдара» и о «прихватизации Чубайса», но его тотчас отрешили от телевидения. Тогда на экранах немедленно возникла сподвижница-супруга и принялась увещевать вроде бы нас с вами, а на самом деле известно кого: «Ну, что вы! Александра Исаевича не так поняли. Во всем виноваты журналисты...» И опять выпустили пророка на экран. А уж когда по прибытии в столицу тележурналисты А. Любимов и Е. Киселев спросили его об отношении к отцам отечества, он, помня преподанный урок, ответил именно в духе о. Иоанна: я, дескать, только что с поезда, еще не умывался и никого из них знать не знаю, даже по телевидению не лицезрел. Подумать только! А ведь по дороге из Владивостока то и дело хвастался, что все годы отсутствия внимательно следил за событиями в стране и был осведомлен обо всем, вплоть до публикаций о нем В. Бушина в «Аль-Кодсе».

* * *

Однако же, по слову святых отцов, «молчанием предается Бог», а в писании сказано о хриstopродавцах: «По делам их узнаете их!» А уж дела-то нынешних властителей прекрасно известны как смиренному Иоанну, так и буйному Солженицыну — как и у всех, эти дела у них перед глазами. И не требуется великого государственного ума, чтобы понять, кто именно отвечает за те или иные конкретные «дела»: за разгром экономики, за расстрел парламента, за бойню в Чечне, за сотни тысяч беженцев, за нищету народа, за его вымирание. Кому же не ясно, что, допустим, министр культуры Е. Сидоров за все перечисленное несет общую ответственность как член правительства, но еще и конкретно — за избиение нашей культуры, за разгул порнографии, за нравственную деградацию страны. И понятно это всем.

Оба критика режима постоянно уклоняются от конкретных имен не только в своей критике. Совершенно без-

адресны также их советы, рекомендации, настояния. Так, в апреле 1993 года о. Иоанн страстно взывал: «Надо немедленно (!) заявить, что ситуация, когда миллионы русских оказались «за границей» в результате безответственных политических игр, порочна, неестественна и долго терпеть не может» («СР», 30.04. 93). Совершенно верно! Но, во-первых, кто именно должен «немедленно заявить», кому и с какой трибуны? К тому времени прошло почти уже полтора года, как миллионы русских оказались иностранцами в своей стране, и множество организаций, партий, известных общественных деятелей, в том числе коммунисты и все их партии, многократно и гневно говорили об этом. Молчала только церковь. Вот и предложил бы святой отец конкретно патриарху или Синоду, если уж не самостоятельно выступить, то хотя бы поддержать заявления других... Дескать, Ваше Святейшество, Вам как предстоятелю Русской православной церкви невозможно долго молчать, на Вас смотрит весь народ русский и т. д. В таком заявлении невозможно не назвать имена участников «безответственных политических игр», то есть прежде всего Ельцина, но ни патриарх, ни Синод на это не способны, ибо они убеждены, что всякая власть от Бога.

И Солженицын во время своего похода на Москву избражал дело так, словно все молчат о миллионах русских «иностранцев», и вот он первый и единственный, кто пламенно протестует против этого, правда, опять же, не затрагивая конкретных властителей: Ельцина и его подручных.

Еще о. Иоанн требовал: «Решительно надо сказать, что отделение Белоруссии и Украины — чудовищная нелепость, затея провокационная, гибельная и безумная». Опять верно! Но снова учитель сильно запоздал, и опять-таки неизвестно, кого именно он имеет в виду, к кому обращается.

Но умолчание имен виновников трагедии страны — это лишь одна сторона позиции. Вторая же состоит в том, что о. Иоанн объявляет виновным весь народ, все общест-

во, всех нас без разбора, он без устали твердит: «*Мы сами* (выделено о. Иоанном. — В.Б.), а не кто-либо другой, в первую очередь виновны в гибели нашей Родины»...

Да, да — сами, и в первую очередь! Не Горбачев, Ельцин и Козырев, а мы промотали великое державное наследие! Не Гайдар и Черномырдин, а «мы превратили наших отцов и матерей в голодных нищих побирушек...». Не Яковлев своим телевидением, не Сидоров своими спектаклями, не Грызунов своими книгами и газетами, а «мы изуродовали души наших детей отравой потребительства и разврата», и т. д. Конечно, при таких двух особенностях позиции, столь гармонично дополняющих друг друга, все помянутые и не помянутые здесь властители могут спать спокойно: нас, рядовых граждан, объявленных митрополитом виновными «в первую очередь», так много, что до них, кучки предателей, очередь отвечать может не дойти и вовсе. Естественно, что, объявив виновным весь народ, обличитель вместе с тем же святошей Солженицыным от народа и требует покаяния.

* * *

Многие страсти бушуют в груди смиренного Иоанна, но даже невнимательный читатель, вероятно, понял, что самые сильные из них — это неутолимая жажда предать анафеме Октябрьскую революцию, ненависть к Советской власти и социализму, злоба на коммунистов.

Действительно, Октябрьская революция для св. отца — это не освобождение трудового народа от капиталистического ярма, которое ныне снова напяливают, а «жестокий эксперимент», «трагедия» и даже «катастрофа». Не созревшая в недрах России жажда новой справедливой жизни без эксплуатации и насилия, без нищих и безработных, а плод сатанинских происков «интеллектуальной мировой элиты». Иоанн внушает людям, что ленинско-сталинская ре-

волюция и горбачевско-ельцинская «перестройка» — это одно и то же, точнее, две фазы одного чудовищного замысла, поскольку, дескать, задача революции состояла в том, чтобы «умертвить, уничтожить Россию», а настоящая цель «перестройки» — «заменить исчерпавшую свои разрушительные силы коммунистическую доктрину на новую, демократическую, которая должна довершить разгром России», начатый в 1917 году. Тот непреложный факт, что при коммунистах страна каждый год неуклонно восходила на новую ступень могущества, благоденствия и славы, а при демократах каждый день все глубже погружается в болото деградации и позора, — сей факт он просто игнорирует.

При этом наш церковный исследователь уверяет, что мощнейшая держава была построена «вопреки всему» — и Советской власти, и социализму, и коммунистам. А победа в Великой Отечественной войне одержана «несмотря на все» — на Советскую власть, социализм и коммунистов. Это, говорит, были дьявольские препятствия на пути народа. Что мешает Ельцину и его окружению возродить мощнейшую державу теперь, когда дьявольские препятствия почти полностью устранены, об этом о. Иоанн смиренно помалкивает.

Он уверяет далее, что после Хрущева «дряхлеющий колосс СССР существовал уже по инерции», то есть вполне благополучно мог бы скончаться еще в те годы. Однако «инерции» хватило еще аж на тридцать лет, и только тогда «его путь закономерно завершился развалом». Слава тебе, Господи! Но почему же закономерно? Как же! Ведь СССР был хотя и сверхдержавой, но — «атеистической» да еще «денационализированной». Эти два тяжких греха и сделали неизбежным и закономерным крах страны, чему о. Иоанн не может не радоваться вместе с Шеварднадзе и Ландсбергисом, Кравчуком и Черновилом, Шушкевичем и Позняком... Правда, в таком случае хотелось бы знать, почему же рухнула царская Россия, такими грехами, по уверению

автора, вовсе не отягощенная. Неужто происки «мировой элиты» сильнее Божьего благоволения? Молчок...

Полагаю, что из всего сказанного антисоветско-коммунофобская концепция о. Иоанна вырисовывается достаточно отчетливо.

Здесь уместно напомнить справедливый вывод, к которому пришел известный религиозный мыслитель и публицист Михаил Антонов: «Сегодня антикоммунизм есть крайняя форма русофобии». Даже если подходить к делу только с количественной стороны. Через Коммунистическую партию прошло свыше 40 миллионов человек, в большинстве это русские, вместе с семьями тут, по меньшей мере, миллионов сто, то есть огромная часть народа.

1995 г.

РЕЛИГИОЗНОЕ РАБОЛЕПИЕ

Перед VII съездом КПРФ в четырех номерах «Правды» была напечатана статья члена Президиума ЦК партии Виктора Зоркальцева «КПРФ и религия». Надо полагать, ей придавалось принципиальное значение. Об этом свидетельствуют и сан автора, и размер статьи, и место ее публикации, и характер формулировок. Что ж, время...

Автор назидательно внушает: «Нам в России пора настоящему осознать, что мы живем в принципиально ином обществе». И мы сразу ошарашены. Во-первых, кто же это до сих пор не осознал, что произошло, если жизнь каждый день бьет по головам? Да как! Во-вторых, «в ином обществе», чем какое? Почему автор стесняется сказать «в ином, чем социалистическое, в котором мы жили совсем недавно»? Хотя и это было бы лишь полуправдой, ибо на самом деле мы живем в обществе не просто ином, а прямо противоположном социалистическому, — в таком, где трудящиеся бесправны, народ ограблен кучкой кровососов,

подобных Чубайсу, где идет интенсивное обнищание и вымирание населения. Автор констатирует: «страна лежит в развалинах, ее на глазах всего мира добивают, народ бедствует». Но вместо того, чтобы внятно сказать, по чьей вине это происходит, он опять напускает тумана: «Это типичное переходное общество». Откуда — куда переходное? Сказать это член Президиума ЦК не смеет. Так скажу я, рядовой коммунист: общество переходит, вернее, власть и помянутые кровососы насильно перетасили общество из социализма в бандитскую хазу, а теперь те же кровососы тащат его в разбойничью пещеру, чтобы там прикончить.

И вот в пору таких-то гибельных для народа и государства событий член Президиума умиляется и не может нарадоваться тому, что «после устранения бессмысленных административных запретов и идеологических табу начался религиозный ренессанс». В этом он и видит инакость общества, его новизну, этим и умиляется. Вот, мол, раньше, в эпоху запретов и табу, люди ночами стояли за билетами в Большой, во МХАТ, в Малый, тянулись длинные очереди в Третьяковку, в Музей изящных искусств, в Ленинку, а теперь, в пору ренессанса, обнищавшим и голодным согражданам не до этого, зато «видишь десятки тысяч людей, простаивающих по 6 — 8 и более часов у храма Христа Спасителя, чтобы поклониться мощам святого Пантелеймона, умершего без малого 1,7 тысячи лет назад». Так и написано: «1,7 тысячи лет». При виде этих «десятков тысяч» пламенное сердце коммунистического идеолога млеет... И одновременно, опять-таки не решаясь говорить прямо, открыто, он молча отвешивает здесь поклоны Ельцину и его режиму, ибо, конечно же, имеется в виду, что это они устранили запреты и табу, благодаря им начался сей ренессанс с хвостами очередей к мощам.

Но о каких, собственно, запретах речь? Бывали, конечно, дуроломы, подобные Хрущеву, зело огорчавшие верующих. Так от них страдало все — и сельское хозяйство, и

оборона, и литература, и изобразительное искусство, и верующие, и неверующие. Хрущев крушил как Христа и его приверженцев, так — да еще с большим рвением! — и Сталина с его последователями. Но вот уже много лет никаких запретов не было. Ведь действительно, «партия в целом боролась не с религией, а с вредными предрассудками и антигосударственной деятельностью некоторых религиозных организаций». Автор далее тут же и напоминает о многих веских решениях партии и правительства 20 — 30 — 40-х годов, подписанных Сталиным, Орджоникидзе, Кировым и направленных на обережение интересов церкви и верующих. А с 1943 года руководители партии и государства принимали священнослужителей в Кремле, отмечали их государственными наградами, они приглашались на правительственные приемы и так далее. И после этого, как о чем-то небывалом, член Президиума вдруг заявляет, что сейчас «государство тонко учитывает это (помянутый ренессанс. — В.Б.) и активно вовлекает духовные авторитеты в решение светских проблем. Многие из них удостоены государственных наград».

Очень хорошо. Но хотелось бы знать, почему ни слова о том, сколь «тонко учитывает» государство бедствие народа, созерцающего церковный ренессанс. Что, коммунисту об этом запрещено говорить? Кем — Президиумом ЦК? Священным Синодом? Не дает ответа, но зато опять млеет от восторга по поводу того, что на церемонии передачи президентской власти, состоявшейся, по его мнению, будто бы «в канун Нового года», присутствовал сам «глава Русской православной церкви. И это было знаковым явлением (!) для общества». Прекрасно! Но хочется напомнить трубадуру ренессанса, что во время войны и вскоре после нее патриарх-орденоносец Сергей и другие священнослужители участвовали в решении таких «светских проблем», как, например, сбор средств в Фонд обороны, а как члены государственных комиссий — в расследовании немецко-фашистских

злодеяний на нашей земле. А патриарх-орденоносец Пимен еще в 1963 году стал членом Всемирного совета мира и Всесоюзного комитета защиты мира. Из времен сравнительно недавних можно вспомнить хотя бы известное письмо тогда еще митрополита Алексия генсеку Горбачеву с благодарностью за его «титанический труд на благо Родины», — оно было написано после высокого совещания в Кремле, в котором будущий патриарх принимал участие...

* * *

О каких же недавних запретах и табу толкует высокопоставленный идеолог? Встречал ли он их за всю свою жизнь?.. Другое дело, что Ельцин создал для церкви как для своего прямого союзника, так сказать, режим наибольшего благоприятствования: приблизил к трону, обласкал, освободил от обременительных налогов, предоставил телевидение и т. п. Однако мы полагаем, что участие в работе упомянутых выше фондов, комиссий и советов было поважней для истории и нужней для народа, чем лобызание патриарха с президентом или «знаковое присутствие» на разухабистом игрище, устроенном в Кремле на золоте, бархате и атласе под елейные речи и колокольный звон с пушечной пальбой и фейерверком.

В чем же т. Зоркальцев и его Президиум видят тот самый ренессанс? Прежде всего, конечно, в том, что «процесс создания религиозных общин нарастает. Конфессии России бурно развиваются, в них вовлечены миллионы граждан...» Сколько же именно миллионов? А вот: «По данным социологических исследований, не менее 60 процентов жителей России признают себя верующими». Не менее! А может, и более. Это выходит, все взрослое население поголовно, включая Президиум ЦК КПРФ, то есть миллионов 100 — 110. Ого!

Пожалуй, такого процента нет даже в столь религиозных странах, как Испания, Италия или Израиль. А кто же

проводил социологическое исследование? Как зовут этих энтузиастов? И где они трудились? Когда? Какой метод использовался? Опять нет ответов!.. Видимо, то была тайная подпольная акция, и она стала общим секретом Президиума КПРФ и Священного Синода, Зюганова и патриарха.

60 процентов были названы в первой части статьи, но вот мы открываем вторую часть и читаем: «По данным переписи населения 1939 года две трети жителей СССР считали себя верующими». Тут уж получается не 60, а 66 процентов. Но и этого члену Президиума в его рвении мало, в четвертой части статьи он уверяет, что «подавляющая масса граждан СССР» были верующими. Подавляющая!.. Это уж, поди, процентов 90. И он ликует! Несмотря на то что вроде бы ясно понимает болезненные причины «бурного роста» и ренессанса: «Страдания, выпавшие на долю наших граждан в годы войны, увеличили число верующих». И признает, что верующие ныне принадлежат «в основном к обездоленным слоям общества». Коли так, то чего ж тут, спрашивается, ликовать? Да это не ренессанс, а декаданс!.. Но дело не только в этом. Вы уверены, т. Зоркальцев, что при переписи 1939 года задавали вопрос о вероисповедании? Мои ровесники помнят эту перепись, но сколько я ни напрягал память, сколько ни расспрашивал, все говорят: «Чушь! Не было такого вопроса». В самом деле, с какой стати? — ведь церковь отделена от государства... Словом, есть основание полагать, что все эти 60, и 66, и 90 процентов добыты «способом открытого бурения» там, где источник подобных данных неиссякаем, — в залежах коксующихся домислов. Эти ваши миллионы и миллионы, т. Зоркальцев, еще более эфемерны, чем 20 миллионов членов КПСС до 1991 года, когда они при первом шорохе моментально разбежались, оставив 2,5 процента. Так что, как горбачевское Политбюро жило в выдуманном им эфемерном мире, так и нынешние идеологи КПРФ обретаются там же... Но спрашивается: за-

чем член Президиума ЦК жонглирует несуразно раздутыми цифрами? Ответ на этот вопрос имеет кардинальное значение: чтобы понравиться церковникам. И в этом вся суть статьи. Она сплошь состоит из комплиментов в их адрес, из угодничества перед ними, из прямого раболепия путем искажения действительных исторических фактов.

Впрочем, нельзя исключать того, что цифра «не менее 60 процентов» действительно была где-то получена в результате какого-то хитрого опроса. Дело в том, что вот уже немало лет, как в обществе создана атмосфера если не террора, то злобного остракизма против неверующих, глумления над ними. И активнейшим помощником ельцинского режима в этом богопротивном деле оказалась КПРФ и ее лидеры. В. Зоркальцев пишет: «Ошибка КПСС, руководства страны того (?) времени состояла в том, что культивировалось искусственное разделение людей по вере, что религия признавалась наследием феодализма». Во-первых, а что, разве религия это наследие Октябрьской революции или первой пятилетки? И о каком времени тут речь? И о каком «разделении по вере» (судя по контексту, имеется в виду разделение верующих и неверующих. — *В.Б.*) говорит автор, если сам же, опровергая себя, утверждает, что «в партии в 1922 году партперепись выявила 10 % верующих»? В партии! А в середине 20-х годов, например, в компартии Бухарской республики более 60 % были верующие, «причем мусульманские священнослужители во многих случаях возглавляли партячейки». Куда уж дальше! Имея в виду более поздние времена, Зоркальцев, не называя, правда, конкретных имен, рисует такую картину: «Немало верующих являлось депутатами Советов, занимало командные посты в армии, вело научную и преподавательскую работу, ярко проявляло себя в сфере экономики и культуры». Все это не оставляет камня на камне от собственного угодливого мифа «разделения по вере».

Так было. А что теперь? Теперь-то и насаждается настоящее разделение, притом — самыми варварскими способами. Вот хотя бы всем известный Никита Михалков, лауреат премии Ленинского комсомола Казахстана, любезный друг президента, с которым недавно на загородной даче он даже отпраздновал интимно Никитины именины. Этот Михалков уже много лет буквально терроризирует неверующих — и по телевидению на всю страну, и в таких злобных, ельцинско-раболопных газетах, как «Не дай Бог!». Так, 29 июня 1996 года, изо всех сил помогая Ельцину вторично стать президентом, он писал в помянутой грязной газетенке: «Большевизм ничего не может принести ни миру, ни народу. Большевизм построен на учении, которое рождено не в России. И уже это (!) говорит о том, что оно никак не может быть связано с истинно корневой системой страны...» В угодническом экстазе он не соображает даже, что его слова о чужеродности и корневой связи могут быть с еще большим основанием отнесены к христианству вообще и в частности к православию, которые ведь тоже родились не в Новгороде или Рязани, не в Мытищах или Елабуге, а гораздо дальше от России, чем марксизм, — аж за синими морями, за высокими горами. И дальше: «Только с Ельциным сегодня может связать свое будущее, свой расцвет (то бишь ренессанс. — В.Б.) православие...» И, наконец: «Русский человек без веры — не человек. Достоевский сказал еще жестче: животное. А я не хочу быть животным, я не хочу жить в мире животных». Раньше, видите ли, жил и шибко преуспел среди животных, а теперь почему-то не хочет. И такие речи Михалков не раз повторял как раньше, так и после по телевидению. А Достоевский, на которого оголтелый лауреат комсомола постоянно ссылается, конечно же, ничего подобного не говорил. Церковь должна

бы сама решительно осудить такие широковещательные заявления всем известного невежды, но святые отцы молчат. Что, так по душе? Ведь как говорится, молчанье — знак согласия. А разве можно вообразить, чтобы коммунисты промолчали в ответ на такое, допустим, заявление одного из своих собратьев: «Русский человек без веры в марксизм-ленинизм — не человек, а животное». Вон стоило только генералу Макашову молвить что-то дискуссионное о евреях, которых в сто раз меньше, чем неверующих, как Зюганов тотчас кинулся к Кобзону с извинениями от имени всей партии. Но за все годы человеконенавистнического беснования Михалкова КПРФ, как и церковь, ни разу не посмела дать отпор наглецу, не решилась защитить от его гнусных оскорблений миллионы и миллионы неверующих.

Больше того, теперь и член Президиума ЦК заявляет в таком же оскорбительном духе: «Человек без веры — как птица без крыльев! У него нет ни будущего, ни прошлого, да и настоящее его плачевно». Коммунистический идеолог выступает в роли подпевалы певца ельцинизма. А ведь не только Михалков не желает быть животным, не только Зоркальцев не хочет слыть птицей без крыльев да еще не иметь ни прошлого, ни настоящего, ни будущего, — этого не хочет никто, поэтому при желании можно получить невиданные проценты верующих. Заверив нас в том, что перед войной 66 процентов населения СССР были верующими, автор торжествующе восклицает: «Какой же крепко верующей была Россия, если даже в той (?) ситуации люди не боялись официально записать, что они верующие!» О какой ситуации тут речь? Ведь мы только что слышали от автора, что верующие люди были всюду, занимали и ответственные должности в партии, и командные посты в армии, руководили народным хозяйством и успешно работали в науке, в искусстве, в литературе. А кроме того, да разве можно сравнить, допустим, убогий довоенный журнальчик «Безбожник», который, кстати, когда началась война, был закрыт, с таким оружием мас-

сового идеологического поражения, как телевидение, как упоминавшаяся 10 000 000-тиражная на шести полосах в цвете газета «Не дай Бог!» с постоянным пребыванием там Михалкова, Броневого, Джигарханяна и даже Брижит Бардо, с пеной на губах цитирующих несуществующие тексты Достоевского? Вот в обстановке такого террора действительно надо иметь мужество, чтобы открыто заявить о своем атеизме... Судя по всему, Президиум ЦК КПРФ не дает себе отчета, до какого мракобесия дошло дело, в котором он принимает столь деятельное участие...

Поэтому можно посоветовать т. Зоркальцеву проделать такой эксперимент. Перепишите-ка, уважаемый, на машинке пушкинскую (не говорю уж «Гавриилиаду»), «Сказку о попе и о работнике его Балде» да подите в любую московскую редакцию. Во многих из них ныне сидят люди, отродясь Пушкина не читавшие. Поэтому можно будет смело сказать: «Вот взбудрил я на досуге сказочку, напечатайте». И что тут произойдет? Не только вас, т. Зоркальцев, не только т. Зюганова, но и самого Пушкина с такой сказочкой сегодня спустят с лестницы, да еще и физиономию набьют...

* * *

Тов. Зоркальцев пишет: «Настало время серьезного пересмотра политики КПРФ в отношении религии... В Программе КПРФ указано, что в национально-освободительной борьбе за спасение России союзниками КПРФ могут быть и «религиозные объединения всех традиционных конфессий». Конечно, могут. Какие разговоры! И дальше: между церковью и КПРФ «необходимо единение для спасения России... Поддержка православия, других конфессий — наша важная задача».

Итак, союзники и заединщики во имя великой цели. Что ж, замечательно! Никто не против. И еще Маркс да Энгельс клеймили общество, которое «священный трепет ре-

лигиозного экстаза утопило в ледяной воде эгоистического расчета...». Но важно, как строятся отношения между союзниками. Прежде всего, они должны быть равноправными. Так? Богатую пищу для размышлений на эту тему дают, например, наши отношения с союзниками во Второй мировой войне. Тут есть две стороны — слово и дело. Нельзя сказать, что союзники скупались на похвальные слова и комплименты в наш адрес. Так, Черчилль сказал однажды о нашем Верховном Главнокомандующем: «Великий воин Сталин...» Верховный ответил несколько более сдержанно, но тоже возвышенно: «Черчилль? Старый боевой конь...» Но если судить не по словам, а по делам, то нельзя не видеть эгоизма наших западных союзников, их постоянного стремления грести жар нашими руками.

Не поступает ли сейчас церковь по отношению к КПРФ в некотором смысле так же, как во время войны западные демократии — по отношению к нашей стране? Судите сами. Статья т. Зоркальцева дает об этом ясное представление. Во-первых, странно, что, объявив свою партию со ссылкой на ее Программу союзником церкви, автор почему-то скрывает от народа, когда, где, чьими устами церковь в свою очередь объявила себя союзником компартии. Однако, несмотря на очевидное отсутствие изначальной взаимности автор неистощим в комплиментах и похвалах односторонне объявленным союзникам: «В современной России религиозные деятели — общепризнанные авторитеты. К их голосу прислушиваются миллионы граждан... Духовные пастыри отстаивают насущные интересы мирян, резонируют настроения большинства населения, отстаивая его жизненно важные повседневные чаяния». Очень отраднo. Но хорошо бы привести конкретные примеры. Вот, допустим, миряне Владивостока и чуть ли не всего Приморского края сейчас мерзнут и голодают, поскольку нет ни топлива, ни зарплаты, а духовные пастыри, дескать, уже тут как тут, уже резонируют. Интересно узнать бы, какой именно пастырь резонирует точнее и громче всех. Ведь миряне

эти, разуверившись во власти, уже обращались со своими чаяниями тепла и пищи, лекарств и денег к самому патриарху. Но что-то не слышали мы, чтобы он прорезонировал, допустим, посредством посылки туда денег из патриаршего фонда...

Между тем, именно по этому адресу автор оглашает особенно проникновенные похвалы: «Весомо и набатно, когда этого требуют интересы России, звучит голос патриарха Алексия»... Да, весомо и набатно, но в интересах ли России прозвучал его голос в США, где он призывал американских раввинов к совместной борьбе против русского антисемитизма. Весомо и набатно, но в интересах ли России прозвучал его голос в Германии, где он от имени русского народа, который его об этом не просил, принес немцам извинение неизвестно за что. Не за освобождение ли от фашизма? Не за сотни ли тысяч жизней наших солдат, погребенных в немецкой земле?.. Весомо и набатно, но в чьих интересах прозвучал его голос, когда в день рождения могильщика России он, преподнося ему в подарок золотую статуэтку Владимира Святого, возгласил на всю страну: «Вы, Борис Николаевич, Владимир Святой наших дней!» Наконец, весомо и набатно прозвучал его голос и в октябре 1993 года: «Кто первый откроет огонь, тот будет предан анафеме!» Давно известно, что первый открыл огонь Ельцин и по его приказу были расстреляны сотни мирян. И что же Святейший Резонатор с его анафемой?

И вот что, между прочим, приходит на ум, когда размышляешь об отношениях коммунистов и церкви. Ленин не объявлял компартию союзником церкви, однако патриарх Тихон, сперва отвергнув советскую власть, потом призвал мирян к сотрудничеству с ней и высказал свое восхищение Лениным. Сталин тоже не объявлял компартию союзником церкви, но патриарх Сергей, а потом и патриарх Алексий Первый глубоко чтит вождя советского народа, о чем Зоркальцев почему-то умалчивает... Так было. А что теперь?

Лидеры КПРФ и ее идеологи, объявив РПЦ союзником, нахваляют и саму религию, и церковь, и призывают помогать ей, и превозносят ее иерархов, но что слышат в ответ? Кто из святых отцов молвил хотя бы одно доброе словечко о компартии в прошлом и теперь? Кто назвал Зюганова хотя бы резонатором народных чаяний или рубильником социального прогресса? Нет таких голосов... В. Зоркальцев называет конкретные имена коммунистов, поговявших церкви и верующим в прошлом и в настоящем: Сталин, Калинин, Орджоникидзе, Киров... Василий Стародубцев, Татьяна Астраханкина, Александр Шульга... А где созвучные этим имена союзников?..

* * *

Автор цитирует Программу КПРФ: «добиваться уважения к православию». Замечательно, хотя и не совсем понятно, ибо добиваться уважения к себе всякий должен, прежде всего, сам, в частности, соблюдением своих собственных решений. Но интереснее другое: а кто из нынешних священнослужителей добивается уважения к коммунизму и к коммунистам? Опять повторим: союзники же!.. Больше того, а какова была позиция церкви на президентских выборах 1996 года? Эта позиция вынудила тогда трех верующих русских патриотов — В. Мяло, В. Осипова и Н. Павлова выступить в «Нашем современнике» № 7 с письмом «Не сейте распри». Они писали, что Архиерейский собор вынес решение «о непридпочтительности для церкви какого-либо государственного строя, какой-либо политической доктрины, каких-либо общественных сил и их деятелей, в том числе находящихся у власти». Решение ясное и твердое. Но не прошло и двух лет, с тревогой писали авторы, «как первое лицо нашей церкви публично заявляет о предпочтительности существующего политического режима, существующей «стабильности» и — по сути — действующего президента.

Это было сказано в Сыктывкаре, а затем в Перми. К священникам на местах обращен прямой призыв вести работу с верующими в преддверии выборов. Духовенству поручено подсказывать мирянам, что они «должны идти на выборы и поддержать власть». Миллионы верующих как бы обязаны теперь голосовать за Ельцина. Попутно было объявлено, что, если оппоненты режима придут к власти, «они могут вновь разрушить храм Христа Спасителя...». А вот свежайший пример. 3 декабря в Ивановской области, как и в десяти других регионах страны, состоялись выборы глав администраций. Основными конкурентами были секретарь обкома КПРФ В. И. Тихонов и нынешний глава А. П. Головков. В предвыборной кампании самым активным образом участвовала областная епархия и ее глава архиепископ Амвросий. За кого же он агитировал — за союзника-коммуниста? Нет, за его конкурента. Архиепископ выпустил специальное обращение к верующим, в котором взывал: «Головков — достойный кандидат в губернаторы, и свой голос гражданина я, конечно же, отдам за него... Призываю и вас, мои дорогие, не уклоняться от гражданского долга, прийти на выборы и проголосовать, сделав правильный выбор... Прошу членов церковного актива, священнослужителей и православных мирян быть активными на выборах и потрудиться среди своих родных и близких, убедить их сделать свой правильный выбор...» Вот какой размах! Но, увы, архиепископская агитка не помогла. Тихонов получил 48 процентов голосов, опередив любимца отца Амвросия аж на 15 процентов.

Неужели т. Зоркальцеву неизвестны факты такого поведения церковников на выборах?.. Так разъяснил бы, что же это за союзники, если они прямо борются против кандидатов КПРФ, начиная с ее лидера, запугивая при этом избирателей совершенно в духе какого-нибудь Явлинского или Немцова, запугивающих народ гражданской войной в случае победы коммунистов. Может, и они союзники КПРФ?

Вместо ответа автор безмерно восхищается тем, что «сейчас религия сама врывается в политику», то есть он радуется, что церковь грубейшим образом нарушает свои собственные установления и решения Архиерейского собора. Ну, а если коммунисты так же наплевали бы на решения Пленума своего ЦК?..

Мы уже отчасти видели, как т. Зоркальцев добивается уважения к религии и РПЦ, но полезно кое-что и добавить, ибо тут его рвение и его арсенал поистине неисчерпаемы. Он объявляет, например: «Религия сейчас во всем мире меняет свой облик, приспосабливаясь к реалиям современности». Как церковные деятели хотя бы в лице патриарха приспосабливаются к таким, скажем, реалиям современности, как Ельцин, мы только что видели сами. Но как православие меняет свой облик, что появилось в нем нового, автору следовало бы рассказать, ибо это не очень-то ясно. Дальше: «Когда идеологический аппарат КПСС окончательно рухнул, лишь церковь громогласно отстаивала принципы народной жизни». Горбачевский идеологический аппарат во главе с Яковлевым никому не жалко, но где и когда т. Зоркальцев видел и слышал эту церковную громогласность? Какие принципы народной жизни она отстаивала? Ну назвал бы хоть один случай, хоть единый принцип! Может, «всякая власть от Бога»?

И снова: «Церковь и аккумулятор и хранительница исторического и культурного наследия нашей страны». Да, так было когда-то, о чем свидетельствует, в частности, упомянутый в статье образ летописца Пимена из пушкинского «Бориса Годунова». Но что сейчас? Что аккумулирует и сохраняет церковь ныне? Где ее голос в защиту школ, библиотек, музеев, давних строений нерелигиозного характера? Правда, автор с радостью сообщает, что издана 12-томная энциклопедия РПЦ. Очень хорошо. Но млеющему от восторга члену Президиума тут почему-то не приходит в голову пожалеть о том, что коммунисты не имеют до сих пор

хотя бы 2-томную энциклопедию ВКП(б) — КПСС — КПРФ. А еще, оказывается, началось издание крупноформатной 25-томной Православной энциклопедии. Тоже прекрасно! Но какова ее цена? На кого она рассчитана? Нам-то по бедности хотя бы 5-томную Коммунистическую энциклопедию издать. Разве не досадно, что у коммунистов нет средств даже для скромных изданий, а их любимый союзник, которого они превозносят до небес, вон что закатывает! Уж не попросить ли помочь, как помогали нам все же во время войны союзники самолетами, автомашинами, тушенкой? Или пусть бы церковь опять же из благородных союзнических чувств выступила с требованием возратить коммунистам их имущество. Почему бы не поставить этот вопрос перед патриархом, а он — перед президентом?

Ведь сама-то церковь вон как благоденствует: у нее «крепкая материальная база... тысячи храмов, монастырей, мечетей, синагог, духовных академий, семинарий, медресе, издательств, газет, журналов...» Один храм Христа Спасителя, этот, по выражению нашего марксиста-ленинца, «венец религиозного ренессанса», по данным прессы, обошелся в 60 миллионов долларов. Так кто же кому из союзников должен помогать? Богатый — бедному или бедный — богатому? Правда, автор уверяет, что восстановление и строительство церкви осуществляется исключительно за счет пожертвования мирян, но я, признаться, ни одного из этих мирян не знаю, а предположить, что раскошелились Березовский да Гусинский, у меня души не хватает.

* * *

В неусыпной заботе об авторитете союзника т. Зоркальцев доходит до утверждения, что «былого противостояния религии и науки сейчас нет!». Слава тебе, Господи! Но куда ж оно девалось? Ведь столько веков люто враждовали! Дело доходило, помнится, до сожжения ученых живьем на кост-

рах. Еще на моей памяти они непримиримо противостояли, допустим, в вопросе происхождения человека. Так кто же к кому приспособился? Наука ли к религии, прокляв Дарвина и согласившись, что человека можно создать из ребра и даже из простого фу-фу, или религия к науке, объявив Дарвина равноапостольным святым чудотворцем и осудив печально знаменитые аутодафе, «обезьяньи процессы» в Америке и тому подобные святые штучки? И тут нет ответа!.. Вот сейчас, в декабре этого года, палеонтолог Пикфорд раскопал в Кении останки человекообезьяны, жившей 6 миллионов лет тому назад. Интересно, что скажут об этом как священнослужители, так и марксистская наука в лице т. Зоркальцева.

В поисках дополнительных доводов в пользу союзника член Президиума ЦК обращается и в прошлое — к его событиям и выдающимся деятелям. Например: «Старшее поколение помнит, как многих потрясло обращение И. В. Сталина в июле 1941 года к народу. Его пастырские слова «братья и сестры» нашли глубокий отклик в сердцах верующих и озадачили догматиков». От лица старшего поколения могу сказать вам, т. Зоркальцев: вы глубоко ошибаетесь. Никого эти слова не озадачили. Они вовсе не воспринимались тогда как церковные, каковыми они вовсе и не являются. Это обычные русские слова, к которым лишь часто прибегают в церковных проповедях и писаниях, о чем молодое поколение тогда уже и не знало, но никакой монополии на них у церкви нет. Слова эти в гениальной речи Сталина не стояли одиноко. В тот страшный час он говорил как отец нации:

«Товарищи! Граждане!

Братья и сестры!

Бойцы нашей армии и флота!

К вам обращаюсь я, друзья мои!..»

И все это вместе, в неразрывном единстве было пронзительным зачином великой речи, нашедшей глубокий отклик в сердце всего народа, а отнюдь не только верующих. И лишь

такие бесстыжие оборотни, как Солженицын или Никита Богословский, могли потом глумиться над ней. Но и нахваливать ее за церковный будто бы колорит тоже нет никаких оснований: первым в этой речи было слово «товарищи».

Между прочим, в своем непомерном усердии восхваления церкви и ее деятелей коммунист Зоркальцев добрался и до слова «товарищ». Вы, говорит, думаете, что это «укоренившееся у нас слово» ввели в «гражданский оборот» Маркс и Энгельс или Ленин и Сталин, что его первыми воспели Пушкин и Гоголь? Ничего подобного! Это сделал в 1539 году основатель ордена иезуитов Игнатий Лойола. Ну, знаете, товарищи из Президиума, это дорогого стоит. Даже и не знаешь, что сказать при виде такого рвения: прочь с дороги, Лойола идет!.. Товарищ Зюганов, вы доктор наук, объясните своему кадру, что за тыщу лет до всех иезуитов, включая хромоногую Лойолу, слово «товарищ» имело все права гражданства во всех славянских языках. И не у Лойолы взял это слово для своего «Хождения за три моря» тверской купец Афанасий Никитин, современник Лойолы, не у него...

Особого внимания заслуживает такая похвала Зоркальцева: «В годы Отечественной войны, как известно (!), чудотворными иконами обносились позиции советских воинов». Это, мол, и победу принесло... «Как известно!»... Это откуда ж известно-то? На каком фронте, в какой армии, какой генерал хоть разочек приказал прибегнуть к этому победоносному оружию? Не путаете ли вы, товарищ коммунист, Великую Отечественную с русско-японской войной, когда бесталанный, но набожный царь, к позору церкви оглашенный ныне святым, действительно слал вагонами на фронт иконы при нехватке снарядов? Чем это кончилось, всем хорошо известно...

Вот и сейчас грянула великая трагедия подлодки «Курск», погибли 118 сынов родины, и тотчас какой-то костромской богомаз проворно намалевывал икону новоиспеченного квазисвятого Николая и тут как тут нагрянул с ней в Ви-

дяево. Стыдно было смотреть по телевидению, как, переминаясь с ноги на ногу, стояли вокруг здоровенной иконы боевые каплейты и каперанги со смущенными лицами, и никто не посмел сказать богомазу слов, которые он заслуживал... Неужели святые отцы не понимают, что это профанация религии, унижение церкви — проворно лезть везде и всюду, быть каждой бочке затычкой. Чем это лучше усердия тех коммунистических долдонов, которые лезли всюду с «Кратким курсом истории ВКП(б)», а потом с «Моральным кодексом строителя коммунизма», как с такой же затычкой? Абсолютно ничем!.. Вот и подсказали бы вы, певец ренессанса, тут святым отцам, если они сами не понимают своего положения, — это и была бы живая забота о достоинстве церкви.

* * *

Нельзя с огорчением не заметить, что т. Зоркальцев с его раболепно-хвалебными акафистами не одинок среди коммунистов, у него есть единомышленники. Да еще какие! Один из них еще три года тому назад о той же знаменитой речи вождя говорил в том же церковном духе: «Сталин обратился к народу, как исстари водилось на Руси: «Братья и сестры!» И ему поверили, за ним пошли». То есть два «пасырских слова» сотворили чудо. Ну, а за кем же раньше-то, после смерти Ленина, шли — за Троцким, что ли, а потом за Бухариным или Каменевым? Это партийная тайна...

Надо ли удивляться тому, что у коммунистического авангарда есть последователи! Таков, например, беспартийный подвижник веры Юрий Юрьев. В статье «Победа минувшая и грядущая», напечатанной в газете тоже патристической, он рисует такую картину нашей победы в Отечественной войне. Оказывается, решающую роль в этом сыграл некий «митрополит гор Ливанских» (он же патриарх Антиохийский) по имени Илия. Из глубины этих гор он слал

Сталину письма и телеграммы, что и как делать. Сразу же после первой телеграммы, уверяет Юрьев, «Сталин вызвал митрополита Ленинградского Алексия (Симанского) и митрополита Сергия (Старгородского) и обещал исполнить все, что передал Илия, ибо не видел никакой возможности спасти положение: враг подходил к Москве».

Нельзя только не заметить, что, во-первых, фамилия митрополита Сергия была не Старгородский, а Страгородский, что подвижнику православия надлежало бы знать, тем более что ведь Сергей стал патриархом. Во-вторых, в ту пору, когда немцы рвались к Москве, т. е. в ноябре — декабре 1941 года, Алексей, тоже будущий патриарх, еще не был митрополитом Ленинградским, он стал им в 1943 году. В-третьих, именно тогда, в 43-м, а не в 41-м, состоялась встреча Сталина с иерархами церкви. Как видим, наш подвижник, как и учитель его, не слишком осведомлен в предмете своих умствований, но, тем не менее, уверенно пишет, что Илия, должно быть, с пометкой «срочно» шлет телеграмму: для спасения Москвы надо совершить «вокруг позиций» крестный ход с Тихвинской иконой Божьей Матери. Сталин переспрашивать не стал, почему именно с Тихвинской, а не с Казанской, согласился. Но, говорит подвижник, стояла ужасная оттепель, слякоть, поэтому ограничились тем, что обнесли икону вокруг Москвы на самолете По-2. Замечательно! Но вообще-то говоря, самолет — тогда назывался У-2, только в 1944 году, после смерти Героя Социалистического Труда Н. Н. Поликарпова, он стал По-2 в честь своего создателя. Как видим, познания Ю. Юрьева в военной сфере не тверже, чем в сфере церковной. Но тут важнее другое: неужели история не сохранила имена если уж не тех, кого испугала слякоть, то хотя бы имя бесстрашного летчика? Ведь в те дни облететь на утлом У-2 прифронтовую Москву было ох как не просто!

«Сразу после воздушного крестного хода, — повествует Юрьев, — ударили морозы такой невиданной силы, что не только встала бронетехника врага, клинело даже затво-

ры. Главная сила немцев была «заморожена». Исход битвы за Москву был решен...» Великолепно! Потрясающе! Чудо великое! И все благодаря иконке!.. «Именно об этом чуде, — ликует Юрьев, — вспоминали немецкие историки, говоря, что войну выиграл генерал Мороз»... А теперь скажите, т. Зоркальцев, кто этот Юрьев — ваш малограмотный блаженный ученик или сознательный пособник битых фашистских генералов и немецких историков, изобразивших дело так, будто мороз, который действительно был той зимой, ударил только по их войскам, а нам было нипочем. Для вашего совместно с Юрьевым сведения сообщаю: в ходе наступления на Москву вермахт потерял более 500 тысяч солдат и офицеров, 1300 танков, 2500 орудий, более 15 тысяч автомашин и много другой техники. И почти все это еще до морозов. Так что хотя действительно был момент, когда силы защитников Москвы оказались невелики, но и у немцев иссякли силы для нового удара — их истребила Красная Армия. Как видите, ваш ученик занимается не чем иным, как принижением подвига нашей армии и величия нашей победы. Таковы ныне пошли патриоты...

Разумеется, такие же постыдные байки рассказывает этот Юрьев и о нашей Сталинградской победе, об обороне Ленинграда, о штурме Кенигсберга. Все решали те же иконы, только разные. Вот Кенигсберг. Там, говорит, «наши войска уже совсем выдохлись, а немцы были все еще сильны, потери были огромные, и чаша весов колебалась, мы могли потерпеть там страшное поражение...». Он, как видно, и не знает, когда дело было. В апреле 45-го! Какое могло быть поражение, когда наши войска уже устремились на Берлин... Я участник штурма Кенигсберга. Получил за это благодарность Верховного Главнокомандующего и две медали — «За взятие Кенигсберга» и «За отвагу». Так вот, никакая чаша там не колебалась — мы с самого начала взяли немцев за горло. И потери там были минимальные, ибо четыре дня перед штурмом окруженную крепость неустанно громила наша артиллерия и авиация, причем не только

своя, но и привлеченная с соседних фронтов. А когда 9 апреля на город обрушили всю свою мощь сразу полторы тысячи самолетов, да последовал еще один массированный удар артиллерии, то немцам ничего не оставалось, как пойти на безоговорочную капитуляцию.

Но Юрьев продолжает малевать свою картину, будто бы предоставив слово какому-то безымянному офицеру: «Приехал командующий фронтом, много офицеров и с ними священник». Он не знает даже, кто там был командующим. Сообщая: маршал А. М. Василевский. А уж как звали офицера-рассказчика и священника, пусть сам скажет. Дальше: «Командующий приказал всем построиться, снять головные уборы. Священники (Ведь только что был всего один. Сколько же их стало, откуда взялись? Военная тайна! — В.Б.) отслужили молебен и пошли с иконой к передовой. Мы с недоумением смотрели: куда они идут во весь рост?.. От (!) немцев была такая стрельба — огненная стена! Но они спокойно шли в огонь. И вдруг стрельба прекратилась. Тогда был дан сигнал — и наши войска начали штурм. Немцы гибли тысячами и тысячами сдавались в плен!..»

Представьте себе, в обширных воспоминаниях Василевского «Дело всей жизни» — почти 550 страниц! — об этом великом чуде ни слова! Мало того, ведь свидетелями чуда были тысячи и тысячи людей с нашей и с немецкой стороны, — и все молчали и молчат почти шестьдесят лет. И вот только теперь выискался вдруг один-единственный очевидец, да и тот боится назвать себя. Какая досада!.. И тут надо напомнить, что статья-то Юрьева озаглавлена «Победа минувшая и грядущая», то есть автор настаивает, чтобы мы и впредь в трудном положении действовали так же, как тот неведомый священник в Кенигсберге: с иконой — на пулеметы... Вот, т. Зоркальцев, что вы возвращаете и поддерживаете. Так будьте последовательны: примите постриг и возглавьте партиячку КПРФ в Госдуме. То-то обрадуется ваш воспитанник Юрьев!..

2001 г.

«ОПЯТЬ ПЕРЕХВАТЫВАЕТ ДЫХАНИЕ...»

Игорь Гамаюнов, шеф-редактор одного из основных отделов «Литературной газеты», подписывающийся «литгазетовец с 1980 года», — человек чрезвычайно эмоциональный. Казалось бы, уж за двадцать семь-то годков уж в такой-то газетке должен был ко всему привыкнуть. Чего ведь стоит работенка под начальством, скажем, Феде Бурлацкого, знатока Макиавелли, когда в дни ГКЧП было подготовлено два номера в оба конца, когда потом газета с первой полосы взывала: «Борис Николаевич, мы вас любим!»? Ан нет, не привык шеф к бесконечному многообразию жизни. Как только что родился.

Вот прочитал он в родной «Литературочке» беседу своего коллеги Александра Кондрашова с историком Юрием Жуковым и пришел в такое неопишное неистовство, что места себе не находит, — вздыхает, охает, шумит, мечется: «Поразительные утверждения Жукова!.. Фантастические утверждения Жукова!.. Перевожу дыхание, не веря своим глазам... Ошеломленный, читаю дальше... Опять перехватывает дыхание... Опять впадаю в недоумение...» и т.п. Того гляди, кондрашка хватит.

Я в определенном смысле тоже могу считать себе литгазетовцем. Причем еще с 1953 года, со времен Симонова: обучаясь в Литинституте, я был консультантом при отделе писем, потом работал в штате, потом просто печатался при Всеволоде Кочетове, Сергее Смирнове, Валерии Косолапове, Александре Чаковском... Ах, какие статьи удавалось иногда отчубучить! Например, «Кому мешал Теплый переулочек?» — о топонимическом беспределе. О ней покойный А.Н. Яковлев докладывал на Политбюро как об идеологической диверсии... А лет пять-десять тому назад разочек напечатал меня (O, Erd! O, Sonne! O, Qluck! O, Lust!..) даже Юрий Поляков, правда, тут же пригвоздив мою статейку реши-

тельным заявлением от редакции, что, мол, принимать ее всерьез нет оснований — ну, вроде бы как автор из ума выжил. Но не в этом сейчас дело. А в том, что с 1953 года таких эмоциональных и душевно ранимых сотрудников, как Гамаюнов, я не встречал ни в кабинетах, ни в коридорах «Литгазеты», ни в буфете на четвертом этаже, где я познакомился со своей будущей женой... Ну, разве что иногда около окошка бухгалтерии на пятом кто-то из ранимых нештатников хлопнется в гонорарный обморок...

Однако, что же именно так взбубетенило товарища шеф-редактора? О, многое! Да почти все в этой крамольной беседе, но, не имея возможности охватить панораму целиком, мы присмотримся лишь к отдельным фрагментам, об остальном читатель без труда догадается сам. Тем более что и его статья имеет фрагментарный характер.

Но начать, видимо, надо с того, что автор не верит в существование кулаков и противников Советского строя, они для него «так называемые кулаки» и «так называемые враги народа», — это, мол, злостная сталинская выдумка. Тут несчастный случай того же порядка, как обвинения большевиков в том, что они выдумали классовую борьбу и земное тяготение. Уважаемый, сходите в Ленинку, попросите сочинения, допустим, А.В. Чаянова, там очень внятно написано о кулаках. Кулак, мироед, захребетник — эти фигуры известны и в других царствах-государствах. Например, в Германии — под названием «Grossbauer». В 1927 году, как пишет весьма осведомленный и добросовестнейший аналитик советского и нынешнего времени профессор С.Г. Кара-Мурза, в стране было 3% кулацких хозяйств, но они имели 14 — 20% всех средств производства и примерно треть всех сельхозмашин на селе.

А что касается неверия в сам факт существования врагов советской власти, то тут впору уже мне задохнуться от неожиданности или возопить: «Я ошеломлен!» А кто же, по-вашему, два недавних покойника — Ельцин и Яковлев?

А за что три года тому назад неудачно пытались отправить к праотцам Чубайса? А почему забился в подполье Кох?.. Да вы читаете ли свою-то газету? Яркие «обличители» Советской власти до сих пор то и дело гарцуют на ваших страницах в образе то, допустим, непотопляемого и вечнозеленого Александра Ципко, то Владимира Лукина, а то даже Евгения Евтушенко. Правда, все без обреза.

* * *

Ну, а теперь о фрагментах.... Гамаюнов рассказывает нам, как «гнали священников и так называемых кулаков в Сибирь и на Колыму — умирать». Нет, не на Колыму, а в Казахстан, на Урал, в Новосибирскую область. Но, конечно, умирали. Однако не только, как уверяет так называемый шеф. В первое время смертность в спецпоселениях была выше, чем в целом по стране, в 1933-м голодном году превысила 13%, но уже в следующем 1934-м упала до 3,7%, а в 1935-м рождаемость превзошла смертность. К слову сказать, примерно так же обстояло дело и с высланными во время войны некоторыми народами.

Следующий фрагмент. Цитирует Ю. Жукова: «При Сталине никого только за то, что он верующий — никто не арестовывал». От этих слов т. Гамаюнов опять задохнулся. Он, видимо, рассуждает так: коли церкви разрушали, закрывали, превращали в склады — а это, увы, действительно было, — то как могли не сажать «только» верующих?!

Между тем, самой главной причиной закрытия церквей были не козни большевиков. Ведь православная церковь была в царской России государственной и получала немалые субсидии. Так, по бюджету 1917 года на ее долю приходилось более 65 миллионов рублей. А Советская власть приняла закон об отделении церкви от государства. И тогда у церкви вдруг остался один источник — лепта прихожан, число которых резко уменьшилось. Содержать церкви

стало не на что, они приходили в упадок. Что было делать с опустевшими церквями, поступавшими на бюджет местных Советов? В них устраивали клубы, склады, хранилища, притом часто отнюдь не всегда по причине безбожного мракобесия. Но, конечно, и это вызывало протесты, притом — порой даже у самых убежденных атеистов, каким был, например, знаменитый нобелевский лауреат академик И.П. Павлов, который предостерегал главу правительства В.М. Молотова от «большой государственной ошибки» в этом вопросе. О нем, впрочем, рассказывают, что из стариковского фрондерства он носил царские ордена и картинно крестился у каждой церкви, мимо которой проходил.

Вот еще примечательный эпизод того времени. Прихожане одной из церквей Петрограда 21 января 1921 года обратились в Наркомюст с просьбой отменить решение какой-то инстанции о превращении их церкви в клуб. Копию своей просьбы они, надо полагать, передали всероссийскому ходатаю той поры Максиму Горькому, а тот — Ленину. И вот уже 27 января Ленин пишет Петру Ананьевичу Красикову, заведующему отделом культов при Наркомюсте:

«Тов. Красиков! Эту просьбу передал мне А.М. Горький. Удобно ли, даже при особых условиях, превращать церковь в клуб? Есть ли налицо какие-либо особые условия? Не лучше ли отменить и вернуть церковь? Разберитесь, пожалуйста, и разузнайте повнимательнее, а мне пришлите краткое сообщение об итоге.

Ленин».

Думаю, при чтении этого документа у т. Гамаюнова опять перехватит дыхание и екнет селезенка. Ну что тут поделаешь...

Да, церковь отделили от государства, но между разделившимися нередко возникали конфликты. Надо бы вам знать, что 1-й Всероссийский Поместный Собор (авг.

1917 — сент.1918) объявил Октябрьскую революцию «пришествием антихриста». И поначалу духовенство в большинстве своем поддержало это. Церковная печать призвала верующих вступить в ряды белых армий, и возникли «батальоны Богородицы», «полки Иисуса», дружины «Святого креста»...

Есенин в 1924 году рисует такую беседу монахов, возможно, бывших воителей этих полков:

Говорят, забыв о днях опасных:

«Уж как мы их... Не в пух, а прямо в прах...

Пятнадцать штук я сам зарезал красных.

Да столько ж каждый, всякий наш монах...»

Со временем положение, слава Богу, изменилось. Патриарх Тихон, поняв, что народ за Советскую власть, переосмыслил свою изначальную враждебную позицию и в завещании, написанном в день смерти 7 апреля 1925 года, призвал верующих к примирению и сотрудничеству с новой властью.

Пожалуй, удивляться надо не тому, сколько церковью в той буре было разрушено, а тому, сколько сохранилось. Они действовали, и верующие беспрепятственно посещали их не только на Рождество и Пасху. Я лично видел это и в родной тульской деревне Рыльское, и в московском Измайлове, когда оно было еще селом, и в Богоявленском соборе, что в Елохове, мимо которого особенно часто ходил и проезжал, когда учился в Бауманском училище (МВТУ), а позже — в Энергетическом институте. Шли и шли верующие, а рядом — ни одного, т. Гамаюнов, «воронка». И еще в 1920-м не тащили же в кутузку Блока за то, что у него

В белом венчике из роз
Впереди — Иисус Христос.

Впереди чего? Отряда красноармейцев.

В 1943 году Сталин пригласил высших иерархов церкви и все их просьбы: от разрешения колокольного благовеста до восстановления патриаршества, — удовлетворил, и даже с весьма существенным превышением.

* * *

Но, конечно, среди репрессированных были и верующие, и священнослужители, и несправедливо осужденные. В чистом-то виде, друг Аркадий, редко что на белом свете встречается. Но тут приходит на ум Баклушин из «Мертвого дома». Его спросил кто-то, за что он угодил на каторгу. За любовь, говорит, за чистую, пламенную любовь. Собеседник усомнился: ну, за это-де сюда не посылают. Правда, говорит смущенно Баклушин, я при этом еще одного немца убил. Так, посудите сами, можно ли за немца — на каторгу?!

В развитие этого сюжета т. Гамаюнов пишет, что при Сталине «всем (!) инакомыслящим за их проповеди вменялась уголовная статья о подрыве существующего строя». Например? И тут нет примера. Опять привожу свои. Вот лично мне знакомые фигуры литературского мира: академик Д.С. Лихачев, очеркист О.В. Волков, сочинители Л.Э. Разгон и А.И. Солженицын. Как показало время и их писания, все они люто ненавидели Советскую власть и приветствовали контрреволюцию. Последний из названных был осужден по ст. 58-12. Надо думать, что и остальные — не за ограбление пивных ларьков. «Подрыв существующего строя», говорите? А как иначе назвать «проповедь» во время войны офицера действующей армии, который рассылает знакомым письма и в соседнюю армию, и в тыл, в коих поносит государственное и военное руководство страны? За такие «проповеди» в такой обстановочке в любой стране схлопочешь — мало не покажется. Во всяком случае, сам осужденный признает, что загребли его совершенно справедливо... Кстати сказать, все названные мученики ГУЛАГа дожили чуть не до ста лет.

И тут пора сказать о самом примечательном в выступлении т. Гамаюнова. В подтверждение одного события прошлого он приводит тот довод, что место этого события «посетили президент и Патриарх». Ну, правильно, посетили. А может возложение президентом венка к могиле Маннергейма служить выражением подлинного отношения к покойнику нашего народа, против которого тот воевал дважды? А выразил ли Патриарх подлинные чувства русских людей, когда почему-то от их имени принес извинения немцам?

И дальше в виде довода своей правоты: «Может быть, президент и Патриарх введены в заблуждение? Если так, историк Жуков должен об этом немедленно оповестить страну и мир!» Похоже, что вы считаете, будто высокий сан, высокая должность — это полная гарантия от заблуждений и ошибок? Увы, это не так. Ведь даже эдикт о непогрешимости папы давно отменен. И ввела же сложная обстановка в заблуждение относительно намерений Гитлера в 1941 году даже такого прозорливого и осведомленного человека, как Сталин. Это во-первых.

А во-вторых, вы настаиваете, чтобы Ю. Жуков оповестил весь мир о заблуждении президента и Патриарха. Хорошо, если бы это было дополнено, допустим, так: «подобно тому, как я оповестил Союз писателей и всю писательскую общественность о вредоносной неуместности во главе «Литгазеты» Федора Бурлацкого».

И последнее: «Я спрашиваю себя и читателей газеты может ли такой (как Ю. Жуков) исследователь, дорвавшийся до архивов исследователь... считаться подлинным ученым?»

Так вот, как читатель и как литгазетовец с 1953 года, я задаю встречный вопрос: «Не потому ли погиб Советский Союз и не может ли погибнуть Россия, — оттого, что до мягких кресел в писательской газете дорвались и тридцать лет сидят там такие эрудиты, мыслители и почитатели начальства, образец коих вы нам представили?»

2007 г.

ХВАЛА НЕМЕЦКИМ ОККУПАНТАМ, ОСЕНЕННАЯ КРЕСТОМ

Поговорим о двух Михаилах — Михаиле Викторовиче Ардове, сыне довольно известного в свое время юмориста, любимого автора «Крокодила», и Михаиле Иосифовиче Ходанове. Первый окончил факультет журналистики МГУ, вначале пошел по стезе отца — написал несколько книг. Этим заслужил высокую похвалу своего приятеля поэта Евгения Рейна (друга Иосифа Бродского и Ефима Слонимского): «Он давно стал для меня одним из лучших прозаиков моего поколения». Один из лучших!.. Позже М. Ардов стал протоиереем, по-русски сказать протопопом и настоятелем одной из московских церквей. Сейчас ему уже семьдесят лет. Член СП М.И. Ходанов тоже протопоп, какое у него образование, не знаю. А лет ему, судя по фотке к его статье в «Литературной газете», видимо, около сорока. Он — любимый автор этой газеты. Ардов — еврей, Ходанов — вероятно, русский, хотя не удивлюсь, если окажется, что Ходанов и юморист Хазанов — из одной деревни. Что ж, прекрасно.

Но в писаниях того и другого кое-что несколько озадачивает. И прежде всего, представьте себе, — язык. Уж кто как не русские священники-писатели должны давать в обучение нам, грешным, и всей своей пастве высокие образцы чистоты и выразительности родного языка. Однако же статьи, допустим, протопопы Ходанова в «Литгазете» от 16 и 30 января сего года замусорены иностранщиной, совершенно необязательными газетными речениями такого пошиба: «фикция», «депрессия», «аналог», «масштаб», «ситуация», «конъюнктура», «адекватно», «конструктивно», «потенциально», «реагировать», «манипулировать»... А чего стоят такие жемчужины: «в плане нравственном», «в духовном плане» и даже «в плане красоты»! Таким языком говорят в Думе безбожный Грызлов да антихрист Жириновский.

По смыслу повествования во всех приведенных случаях вполне можно было употребить русские слова. Допустим, слово «масштаб» давно прижилось, в иных случаях оно вполне на месте и даже незаменимо, но автор пишет «масштаб преследований». Тут хотя бы для поучения других вполне можно было сказать и даже лучше — «размах», «охват» или «широта преследований». Порой даже непонятно, что писатель хочет сказать, например: «после революции 1905 года начались беспорядки». А в ходе революции стояли тишь да гладь и никаких беспорядков, что ли? Или: «Эти страсти подкуриваются «косячками», подкачиваются «колесами», поднюхиваются «дурью». О чем тут? Что за ребусы? Хотя бы о каких «колесах» речь? Что такое подкачиваться и поднюхиваться? Это «блатная музыка», что ли? Но, во-первых, она понятна далеко не всем читателям массовой газеты. А во-вторых, к лицу ли это служителю церкви?

И вот загадка века: почему же Господь Бог не одарил своих зело преданных служителей полноценным чувством родного языка? М. Ходанов прилагает к историку Ю. Жукову, с которым спорит, старую мысль: «Язык мой — враг мой». А мог бы раб Божий и к себе приложить.

* * *

А если приглядеться к суждениям этих писателей о некоторых событиях и явлениях всемирно-исторического маш... значения, то и тут святые отцы порой озадачивают. Да начать хотя бы с очень важного и близкого для них. Отец Михаил уверяет: «Между наукой и религией никаких противоречий быть не может. Каждая занимается своей областью. Наука исследует мир естественный, религия — мир духовный. Антагонизма здесь быть просто не может по причине несовпадения предмета исследования».

Хорошо. А если противоречий быть не может, то, значит, их и не было. И в доказательство этого автор говорит, что «многие ученые верят в Бога». Прекрасно! Я хочу согласиться

ся с этим. Но если многие верят, то назвал бы хоть одного. А я вам назову всемирно известных ученых-атеистов: хотя бы Дидро, Вольтер, Гольбах... Дорогого стоят и слова Канта: «Мы нравственны не потому, что есть Бог, а Бог есть потому, что мы нравственны». Недвусмысленно объяснился и Фейербах: «Моя задача превратить вас из друзей Бога в друзей Человека, из верующих — в мыслителей, из молельщиков — в работников, из кандидатов потустороннего мира — в исследователей этого мира, из христиан, которые, по собственному признанию, являются «наполовину животными, наполовину ангелами», — в людей, в цельных людей».

Если обратиться к временам гораздо более близким, то нельзя не вспомнить знаменитого академика Павлова Ивана Петровича, нашего первого нобелевского лауреата (1904), которого нам долго изображали истово верующим. Но вдруг обнаружилось, что это совсем не так. В одном письме на имя главы Советского правительства В.М. Молотова, осуждая притеснения церкви, он заметил: «Я сознательный атеист-рационалист и потому не могу быть заподозрен в каком-либо конфессиональном пристрастии» (С. Кара-Мурза. Советская цивилизация. Т. 1, с. 318). А вот пример и совсем свежий. 15 февраля этого года в связи со своим восьмидесятилетием выступал по телевидению известный ученый, член ряда иностранных академий профессор С.П. Капица, сын знаменитого нобелевского лауреата П.Л. Капицы (1894 — 1984). На вопрос «Как вы относитесь к священнослужителям?» юбиляр ответил: «Очень хорошо. Но у меня есть одно маленькое несогласие с ними: они утверждают, что человека придумал Бог, а я думаю, что Бога придумал человек».

Но были, были, конечно, верующие и среди ученых. Немало можно тут назвать имен, допустим, от великого Ньютона до Анатолия Михайловича Курносова, профессора экологии Православного университета св. апостола Иоанна Богослова, действительного члена двух Российских Ака-

демий. Он недавно прислал мне с дружеской дарственной надписью свою только что вышедшую книгу «Да воскреснет Бог...». В ней он, в частности, решительно выступает против концепций В.И. Вернадского и К.Э. Циолковского. И вот что примечательно. Автор пишет: «Атеисты полагают, что жизнь возникла в результате длительной и случайной эволюции и усложнения неживой неорганической природы. Однако в современной науке отсутствуют какие-либо факты, подтверждающие возможность самопроизвольного зарождения жизни из неживой материи даже при условии, что Солнечная система существует пять миллиардов лет». Что ж, понятно. Автор разделяет взгляд Ленина: «Точка зрения жизни, практики должна быть первой и основной точкой зрения теории познания». Но читаем дальше: «В соответствии с учением христианства человек создан Богом». Прекрасно! Однако почему в первом случае непременно требовались факты, а во втором — о них ни слова. Что, мол, за глупости, какие вам факты! Словно и неприлично о них говорить как о выдумке марксистов. Кроме того, что может наука противопоставить пяти миллиардам лет? Какую модель по силам ей создать, чтобы та оказалась хоть в чем-то равноценна такой глыбе времени?

Коперник свой великий труд «Об обращении небесных сфер» посвятил папе. Это примерно то же самое, как если бы Маркс посвятил бы свой «Капитал» Пальмерстону, а я, грешный, свою книгу «За родину! За Сталина!» — Радзинскому. Но и при такой хитрости опубликовать свой труд Коперник все равно боялся. И вышла книга только в 1543 году, это год его смерти. Однако все уловки не спасли ученого от осуждения и католиками, и протестантами, например, — от негодования Лютера: «Этот дурак хочет перевернуть всю астрономию. Но Священное Писание говорит, что Иисус (Навин) повелел остановиться Солнцу, а не Земле». Кальвин сказал еще яснее: «Кто посмеет авторитет Коперника поставить выше авторитета Святого Духа?» Никто не посмел. Как

на пленуме ЦК КПРФ. «Исключить Николая Губенко из партии, тов. Зюганов? Одобрямс! Единогласно!» Так вот, прошло почти пятьсот лет, а довод у профессора Курносова тот же, что и у Кальвина: Святой Дух! И хватит разговоров.

* * *

Но главное. Если между религией и наукой нет и не может быть противоречий, то чем же объяснить, что первая на протяжении веков всеми силами препятствовала второй и преследовала самих ученых? Да как! Покруче того, как ныне расправляются с ревизионистами Холокоста, — вплоть до сожжения на костре тех, кто, как Джордано Бруно, не отрекался от своих научных убеждений. А гениального Галилея, величайшего человека своей эпохи, утверждавшего, как и Бруно, что не Солнце вращается вокруг Земли, а Земля — вокруг Солнца да еще вертится, как на балу, вокруг своей оси, бросили в тюрьму, пригрозили пытками и заставили стоя на коленях пролепетать: «Я отрекаюсь, проклиная, и отвращаюсь от названных ошибок и ересей, и клянусь, что никогда более не буду...» и т.д. И до конца дней он был под надзором инквизиции, ему было запрещено даже видаться с семьей и друзьями... Это было в первой половине XVII века в Италии. А в середине следующего во Франции великий ученый Жорж Бюффон тоже вынужден был под давлением тех же сил прошептать побелевшими губами: «Заявляю, что у меня нет намерения противоречить тексту Писания, я твердо верю во все сказанное там о творении, я отрицаю все написанное в моей книге об образовании Земли и вообще все, что может противоречить повествованию Моисея».

А как встретила церковь изобретение телескопа? Она же утверждала, что Бог создал семь небесных тел: Солнце, Луну и пять планет. Так во веки веков и должно быть. Но глянули на небо в телескоп — ба! Там еще четыре планеты телепаются. Мало того, разглядели еще, что на Солнце

есть пятна. Да это ж идеологическая диверсия! Какие могут быть пятна на том, что сотворил Вседержитель?

Бурю негодования клира вызвала и прививка против оспы, и вакцинация. Это, мол, еретическая затея против Божьего суда. Только Он определяет, кому чем заболеть, кому когда выздороветь или отдать концы, а тут — попытка отменить или превзойти Его всеведение и всемогущество. Не менее страстно церковь выступила и против анестезии. Как можно обезболить, допустим, роды, если Господь сказал Еве: «В болезни будешь рожать детей» (Быт 3:16).

Нельзя не упомянуть и знаменитый Index librorum prohibitorum (Индекс запрещенных книг), впервые изданный в 1559 году и прекративший свое существование лишь в 1966-м, совсем незадолго до рождения о. Михаила. Читателям этих книг грозило отлучение от церкви. В числе первых туда были внесены все сочинения, утверждавшие, что Земля вертится, в том числе — упоминавшийся великий труд Коперника. Конечно, сочинениям отца и сына Ардовых это не грозило.

Словом, пожалуй, прав был философ и математик Бертран Рассел (1872 — 1970), когда писал, что «Религия и наука находятся в давнем противоборстве», что «теология по большей части была всего лишь организованным невежеством, которое придавало аромат святости заблуждениям, невозможным в просвещенный век» («Почему я не христианин». М., 1987. С. 132, 149). Право, Расселу верится как-то больше, чем литератору Ходанову, любимцу «Литгазеты». И вовсе не потому, что тот — лорд, как великий поэт Байрон, и нобелевский лауреат по литературе, как великий писатель Шолохов.

* * *

Не убеждают и некоторые другие суждения автора о вере. Так, коснувшись всегда животрепещущего вопроса загробной жизни, он уверяет: «небытием» (т.е. неверием

в загробную жизнь) всех можно вогнать только в депрессию». Так уж и непременно в депрессию! Так уж и всех!.. Взять того же Рассела. Не верил, а прожил 98 лет безо всякой депрессии — в неустанном труде, зная и успех, и радости, и печали.

«А вот христианство, — радостно продолжает автор, — и тут конструктивно, обещая бессмертие». Ну, во-первых, обещать-то можно что угодно. Хрущев обещал коммунизм к 1985 году, Ельцин обещал на рельсы лечь, если при нем жизнь ухудшится. И что? Где они теперь оба с их обещаниями? А вот уже и Путин обещает к 2020 году сделать Россию самой обаятельной и привлекательной в мире. Верить? А во-вторых, зачем же вы, святой отец, стыдливо умалчиваете, что ведь обещанное христианством бессмертие имеет два несколько различных лика: рай с его вечным блаженством и ад с вечными муками. А так как грешников, пожалуй, больше, чем праведников, да и праведники ведь не знают заранее, каков проходной балл в вечное блаженство и куда они попадут, то большинство рабов Божьих, как мне кажется, может «вогнать в депрессию» как раз вера в загадочный загробный мир, из которого не поступило еще ни одной весточки. Не так ли? Но — где депрессия? Включите телевизор: после проповеди владыки Кирилла с утра до ночи и дальше до утра — одни развеселые песни да разухабистые пляски. Никакой депрессии! Возможно, это по причине, указанной тем же Расселом: «Мы можем сожалеть, что не обладаем бессмертием, однако приятно сознавать, что все мерзавцы, маньяки и погромщики тоже прекратят свое существование». В том числе и такие мерзавцы, как Гайдар, такие маньяки, как Кириенко, такие погромщики, как Чубайс... К слову сказать, вечные муки, которые ждут грешников в аду, это невероятная жестокость. Ведь среди людей принято за любой грех (преступление) налагать одно наказание, ограниченное во времени, а тут — без конца!.. Я лично против вечных мук даже Чубайсу, хотя он, помимо про-

чих подлостей против родины, уже третий год гноит в застенке полковника Квачкова. Пусть Чубайс годок полижет раскаленную сковороду, годочка два попляшет на жаровне, годочка три повисит на крюке, продетом за ребро, — и хватит, право. Коммунисты гуманны...

Я думаю, что автор хватает через край и в том случае, когда заявляет, будто «религия дала России жизнь». Имеется в виду, конечно, православие. Да, общепризнано, что крещение Руси имело большое положительное значение. А до этого, что, и жизни государственной не было? И появиться она не могла ниоткуда, кроме как из крещения? Киевская Русь времен Вещего Олега, князя Игоря, княгини Ольги, Святослава — это не наша история? Пусть забирает ее Ющенко да Тимошенко? О, они не дремлют!

Крещение, православие, уверяет о.Михаил, принесли русскому человеку «только одну любовь и жертвенность». Только? А кто принес проповедь покорства? Разве не православие возглашает, что любая власть от Бога и потому, какая бы ни была, хоть в образе алкаша Ельцина, ей мы обязаны беспрекословно подчиняться? То есть внушает человеку, что он многократный раб — не только Божий, но и правительственный, ельцинско-путинский, чиновничий, даже домуправский. Где же тут «уважение к человеческой личности и свободе», чем автор еще наделяет православие? Именно с целью бессловесного послушания народа патриарх угодливо объявил помянутого кремлевского алкаша «Владимиром святым нашего времени». Впрочем, на всякий случай на пышные похороны, на богомерзкое отпевание алкаша в храме Христа Спасителя не явился. И едва ли будет освящать запланированную Путиным Президентскую библиотеку им. Алкаша.

Св. отец с явным удовлетворением, даже с гордостью развивает тему: «Христианство возникло в рабовладельческую эпоху и никогда открыто не призывало к отмене рабства. (Какая деликатность по отношению к рабовладель-

цам! — В.Б.) Но со временем именно христианская религия способствовала всеобщему смягчению нравов и в конечном счете — упразднению рабовладельческой системы».

Опять о. Михаил стыдлив перед лицом правды. И христианство и другие религии, другие церкви не только не призывали к отмене, но «как известно, выступали против отмены рабства, пока хватало на это смелости», — пишет тот же достопочтенный лорд, книги которого по истории религий переведены на множество языков мира.

Ничего другого не следовало и ожидать от прислужников властей. Вон ведь как ясно выражался пророк Екклезиаст: «Корм, палка и ноша — для осла; хлеб, порка и труд — для слуги». А отменили рабство в России лишь в 1861 году, в прогрессивной Америке — еще позже. Если вслед за Ходановым отмену отнести только за счет христианства, то выходит, ему понадобилось почти две тысячи лет для ответствующего «смягчения нравов». А ведь, возможно, это произошло бы раньше, будь церковь самостоятельней и смелей. Но все равно ее проповедь едва ли сыграла бы в этом деле более важную роль, чем такие события, как восстание римских рабов под руководством Спартака и крестьянские войны в России под руководством Болотникова да Булавина, Разина да Пугачева.

Автор возмущен домыслами: «Церковь якобы порождает ксенофобские настроения, поднимая приблизительно такой лозунг: если ты русский, то ты должен быть православным! А если ты не православный, то ты чужак! То есть церкви присваивается эпитет националистической».

Тут возникает несколько вопросов. С одной стороны, именно эти лозунги, да еще лживо ссылаясь на Достоевского, провозглашает, например, Никита Михалков. И не он один. Конечно, церковь не может накинуть платок на каждый роток рабов Божьих. Но этот лукавый раб слишком известная и вельмигласная фигура, и церковь в своих интересах должна бы отмежеваться от этой религиозно-ру-

софобской демагогии миллионера. Нет, она предпочитает отмалчиваться, надеясь, видимо, на смягчение нравов через тысячу лет. В то же время, зачем вы, батюшка, подчеркиваете, что фамилия Сталина — Джугашвили. Ведь все же и без вас знают. Но вы настойчиво упираете! Какая тут цель, кроме одной совершенно очевидной — внушить читателям: чужак! Это не ксенофобия? Или вот вы острите: «Атеизм, он и в Африке атеизм». И тут вы хотите внушить: атеист — чужак! То есть шагаете по стопам помянутого богатея Никиты. А ведь вам могут ответить: «Вера, она и в бардаке вера». И даже такой факт. Вы многократно упоминаете в споре ленинградского писателя Андрея Столярова, у которого совсем иные взгляды на религию, чем у вас. И вы не только ни разу не назвали его по имени, но и не указали хотя бы первый его инициал — это выдает не одну лишь невоспитанность, тут и презрение к чужаку. Так вы обходите и со Сталиным.

«Большинство нашего общества, — читаем дальше, — исповедует православие». Если бы речь шла о большинстве верующих, то это было бы верно, а говорить так в целом обо всем нашем обществе, нет оснований. Автор и не приводит их.

Но тут же он сетует: «Религиозное чувство в народе и особенно в молодежной среде стремительно падает». А куда же тотчас делось «большинство общества»? Когда о падении религиозного чувства в народе в XIX веке писали Пушкин, Толстой или Чехов, а в XX — Розанов или даже генерал Деникин, то это было понятно: речь шла о немалой высоте религиозного чувства, что была до них и при них. Но о каком «падении» можно говорить ныне? С какой высоты — с советской? Как велика она была, тогдашняя высота религиозного чувства? Не разумнее ли говорить о падении нравственной закваски Советской эпохи, когда невозможно было все то, что ныне возмущает автора: «окультизм, шаманство, эстетизация зла, нравственной вседозволенно-

сти, эротического разгула, карьеризма, безудержной развлекаловки» и т.д. Вы же не будете отрицать, уважаемый, что в Советское время все это было не только невозможно, но и немыслимо. Как и то, о чем вы почему-то умолчали: нищета, наркомания, болезни, проституция, беспризорщина, вымирание народа...

Известный факт. Немцы угнали в рабство миллионы советских людей, в том числе молодых девушек 18 — 20 — 22 лет. В Германии в целях своей безопасности немцы устроили им медицинский осмотр. И при этом оказалось, что большинство девушек еще невинны. В распутной Германии этим были потрясены. И один из врачей, проводивших осмотр, сказал: «Нет, ни за что не победить нам народ, нравственность которого на такой высоте». Как в воду глядел...

А как церковь борется против перечисленных и застенчиво не перечисленных о. Михаилом зол? Надо бы крепкий ход провести да не один хотя бы по поводу чудовищного засилья наглой рекламы, обезобразившей русский лик столицы родины, но разве хоть один из всего клира посмеет указать перстом на Лужкова или Ресина! Вот и в этих двух статьях — ведь ни единого имечка! И при этом поворачивается язык учить других: «Почему бы не переключить негодование на реальных носителей зла, толкающих страну в пропасть?» Так покажи пример реальности — ты же пастырь! Глядишь, следом кинулись бы и пасомые...

Вот сейчас завели речь о восстановлении звания «Мать-героиня». А где была церковь, когда пьяный мерзавец упразднил это святое звание? Она ручки лизала этому мерзавцу, святым его провозглашала.

* * *

Немало заслуживающих размышления суждений обнародовал писатель Ходанов о некоторых других, порой даже всемирно-исторических фактах и событиях, взглянув на них под углом зрения религии. Так, он уверяет, что «весь смысл»

Октябрьской революции и рожденной ею Советской власти «состоял в уничтожении христианства», что «без борьбы с Церковью они полностью обесмысливались».

Да вы только вдумайтесь хотя бы в такие всем известные дела: когда в 1918 году возникла угроза порабощения страны белогвардейско-заморскими силами, Советская власть решила уничтожить эту угрозу — и уничтожила, т.е. к 1922 году полностью разгромила враждебные силы и вышвырнула их с родной земли; затем Советская власть решила уничтожить многомиллионную беспризорщину, порожденную двумя войнами, — и в три-четыре года уничтожила; потом решила уничтожить безграмотность огромной части народа — и к середине 30-х годов уничтожила; одновременно решила уничтожить экономическую отсталость страны и нищету населения — и к 1937 году уничтожила, т.е. вышла по экономическому развитию на первое место в Европе, на второе в мире и уничтожила нищету вопреки мнению вашего заединщика ак. Н. Петракова, для которого нищета — это, судя по всему, отсутствие трехкомнатной квартиры на двоих, роскошной академической дачи на огромном участке да парочки «мерседесов». Можно еще долго перечислять, что могучая народная власть уничтожила и что создала — вплоть до уничтожения фашистской армии, перед которой лежала на пузе почти вся Европа, и создания первого в мире спутника Земли, первой в мире атомной электростанции и т.д. Так спрашивается, если бы она хотела еще и хотя бы разрушить все церкви, — неужели у нее для этого не было возможности? Проповедник молчит, из чего видно, что не Советская власть обесмысливается без борьбы с церковью, а вся жизнь протопопа Михаила полностью обесмысливается без клеветы на Советскую власть.

А дело в том, что еще 2 февраля 1918 года Совнаркомом был издан декрет, по которому церковь отделялась от государства и ей обеспечивались нормальные условия работы и жизни. Чего стоят хотя бы заключительные строки

декрета: «Здания и предметы, предназначенные для богослужебных целей, отдаются в бесплатное пользование соответственных религиозных обществ». Сравните это с тем, как поступила нынешняя власть и ее создатель Ельцин с коммунистической партией: отобрали все здания и все «предметы», необходимые для деятельности, — от здания ЦК до зданий обкомов, райкомов и парткабинетов.

А вскоре после декрета 1918 года, естественно, по причину тех, кто лишился добра, нажитого трудом многих поколений, грянула Гражданская война. И в ней церковь и ее служители были на стороне царских генералов и заморских интервентов. Конечно, даже и после войны это порождало не только недоверие со стороны новой власти, но и немало самых драматических столкновений с ней. Но с течением времени отношения налаживались.

М. Ходанов вслед за И. Гамаюновым, еще одним заединщиком из «Литгазеты», напоминает: «Как известно, в 1934 году с санкции Сталина взрывают храм Христа Спасителя...» Кому известно? До сих пор всем, в том числе даже упомянутому заединщику, было известно, что это случилось в 1931 году. Уж такие-то вещи священник обязан знать лучше безбожников. Право, с большим смущением я, пасомый, указываю на это пастырю. Но не в этом, конечно, главное: храм-то, увы, и впрямь снесли. А там одни росписи Васнецова чего стоили... Печально, горько, но такие беды и у других народов случались: храм в Иерусалиме разрушали дважды...

* * *

Развивая мысль об отношении власти, лично Сталина к церкви, автор заявляет: «Враждебность Сталина к христианству (и к церкви, конечно? — В.Б.) была одинакова и в 20-е, и в 30-е, и в 40-е, и в 50-е годы». Но — почему же? Ведь люди меняются. Я, например, крещеный русский человек, до ельцинской контрреволюции относился к церкви с уважени-

ем: посещал, ставил свечи за упокой и во здравие, когда по тревожному звонку сестры примчался в Коломенское к одру матери, а она уже скончалась, я перекрестился и молвил: «Царство ей небесное!», потом в церкви Всех скорбящих радости мы отпели почившую мать, на свой юбилейный вечер в ЦДЛ я пригласил священника из Ивановской области Михаила Ивановича, с которым переписывался не один год, и он сказал прекрасную речь....

А что мне делать ныне, когда председатель РПЦ, как уже упоминалось, объявил гробовщика моей родины Владимиром Святым наших дней; когда он едет в Германию и от имени русского народа, который его об этом не просил, за что-то приносит немцам извинение; едет в Америку и взывает к тамошним раввинам о помощи в борьбе с антисемитизмом в России; когда, наконец, вдруг обнаруживается, что патриарх делает многозначительные подношения смазливо-игривой мадам Слиске в день ее ангела. Той самой Слиске, что сегодня с думской трибуны объявляет о своих пылких чувствах к американскому президенту Бушу («Он мне нравится как мужчина!»), а завтра вдруг лезет целоваться с Уго Чавесом («У него на щеке остался след от моей помады!»). Все это меня оттолкнуло от церкви, а два нынешних протопопа отталкивают еще дальше.

Отношение Сталина к религии и церкви менялось в другом направлении. Вот в качестве примера «поразительных по своей нелепости утверждений» автор с усмешкой пересказывает слова историка Ю. Жукова о том, что в 1936 году Сталин запретил «третьестепенную комическую оперу в Камерном театре якобы (!) за то, что в ней авторы сатирически прошлись по факту Крещения Руси».

Якобы!.. Вы, святой отец, пишете о вещах, о коих имеете весьма смутное представление. Во-первых, эту оперу-фарс под названием «Богатыри» смастачили далеко не третьестепенные люди. Либретто написал известнейший и весьма прославленный в ту пору Демьян Бедный (Придворов),

постановку осуществил, пожалуй, столь же известный в театральном мире Александр Таиров (Корнблит), а в виде музыкальной основы они цинично использовали «Богатырскую» симфонию великого Бородина. Во-вторых, Камерный театр находился не в Елабуге, а в столице, имел уже долгую историю и был весьма известен не только в Москве.

И главное, спектакль запретили не «якобы» за то, что «авторы прошлись по факту» (опять же язычок-с!), а именно за это — за клевету на прошлое России, за глумление над былинными богатырями — носителями героических черт русского народа, за издевательское изображение крещения Руси, имевшее большое значение в истории нашего народа — именно так было сказано в постановлении Комитета по делам искусств, опубликованном в «Правде» 14 ноября 1936 года. Сталин и Молотов, который как раз и смотрел этот спектакль, имели к постановлению прямое отношение. А Бедного вскоре исключили из партии, в которой он состоял с 1912 года, и даже из Союза писателей, освободив там место, может быть, для какого-нибудь в будущем протопопы. И вам бы, батюшка, с благодарностью вспомнить это постановление, а вы над ним глумитесь, как один из сынов Ноя.

Далее еще и весьма опрометчиво стыдите Сталина за то, что «им всегда руководил холодный политический расчет». В том числе, надо полагать, здесь имеется в виду и его отношение к церкви. А чего вы хотели, чего ожидали от политика, от руководителя огромной страны в сложнейшую пору ее истории? Насмотрелись мы в нынешнюю пору на политиков, которыми руководит не холодный расчет во имя интересов родины, а пламенная любовь к США, а то и ко всему человечеству. Взять хотя бы известного Бакатина, который, будучи поставлен во главе службы Государственной безопасности, за здорово живешь выдал американцам важнейшие государственные секреты и надеялся олух, что американцы ответят ему тем же. А те до сих пор хохочут.

Слава Богу, 5 февраля по телевидению поднят вопрос о суде над предателем. С ним должны сидеть на одной скамье давшие согласие на предательство и еще живые члены Политбюро — Горбачев, Строев, Шеварднадзе, об экстрадиции которого пора позаботиться. А уж совсем недавно, в дни президентской предвыборной кампании мы услышали сердечно-сочувственное восклицание В. Путина: «Вы думаете — Бушу легко?!» Пожалейте, мол, беднягу, ему так трудно было принять решение напасть на Афганистан, хотя тот и угрожал Америке, он так терзался, посылая свою авиацию бомбить Сербию, страшно опасную для Америки, он так мучился перед тем, как разгромить Ирак, изготавившийся к прыжку на США, а потом повесить Саддама Хусейна, он, сердешный, ночи не спал, пожалейте страдальца, ведь вы, русские, умеете жалеть...

* * *

Но вернемся к о. Михаилу. Он тверд в своих убеждениях и далее речет: «К концу 30-х годов православное духовенство было окончательно уничтожено». Окончательно это значит целиком, поголовно, до последнего человека. Однако дальше читаем: «Действовало немногим более 1000 храмов». Насколько эта цифра достоверна, я не знаю, но уж во всяком случае она скорее приуменьшена, чем наоборот. А ведь при каждой церкви — несколько лиц духовного звания, свой причт. Вот так «окончательно», вот так поголовно!

И далее как пример «холодного расчета» автор вспомнил встречу Сталина с высшими иерархами церкви, во время которой были решены многие вопросы церковной жизни — от колокольного звона до восстановления патриаршества. Но в статье встреча объявлена еще и «конъюнктурной», т.е., по-русски говоря, лицемерной, ханжеской, двуличной. Сталин предпринял это будто бы «ради мобилизации всех сил для борьбы с врагом».

Тут обнаруживается, что батюшка писатель, увы, плохо знает как историю Великой Отечественной войны, так и своей церкви, да еще и плохо думает о ней. Когда началась война, церковь сама, безо всякого понуждения власти способствовала «мобилизации всех сил». И собрала пожертвования на строительство танковой колонны и авиационной эскадрильи. А помянутая встреча состоялась в сентябре 1943 года — уже после разгрома немцев под Сталинградом и на Курской дуге, и всякая мобилизация давно прошла, недалекий крах фашистской Германии был всем очевиден. Какая же «конъюнктура» может быть при таком положении? Для чего тут было лицемерить? Зачем ханжесствовать?

«Конъюнктурой» объявил Ходанов и тост Сталина в 1945 году в честь русского народа. Ну, это уж так безграмотно и безбожно, что и возражать не хочу. А могу лишь посоветовать божьему угоднику выучить наизусть стихотворение Бориса Слуцкого об этом тосте, напечатанное еще в 1987 году несправедливо забытым прокуратурой Коротичем в «Огоньке», а также обратиться к любой книге Бенедикта Сарнова нынешней поры, где об этом тосте — то и дело. В этих сочинениях вы, батюшка, с блаженством найдете высокохудожественное выражение своей лютой ненависти к Сталину.

* * *

Затронув тему войны, Ходанов счел необходимым осветить ее вот с какой отрадной для него стороны: оказывается, уверяет он, на оккупированной территории «немцами было открыто 10 000 храмов, то есть в девять раз больше, чем их было на всей не оккупированной части СССР». То есть, он, видимо, имеет в виду названные выше 1000 советских церквей. Но 10 тысяч больше одной тысячи не в девять раз, а в десять — неужели и сей факт для писателя новость? Это во-первых. А во-вторых, откуда взял цифру? И если было открыто ровнехонько 10 тысяч, то назвал

бы поименно хоть десяток — в каких городах или селах, какие конкретно церкви были открыты. Нет, и тут молчит. А на слово кто же поверит человеку, не только восхваляющему оккупантов, но и нетвердому в пределах десяти!

И вот, говорит, «простые люди реагировали на открытие церквей с радостью, понимая это как избавления от ига большевиков». Многие генералы от Деникина до Власова тоже говорили ни о чем другом, а именно об избавлении от этого «ига». Да и Ельцин, Яковлев, Волкогонов — тоже. Не молитесь ли вы, болезный, за упокой их душ, как и душ помянутых открывателей церквей неизвестно где?

Так, может быть, во имя дальнейшего насаждения церквей и будущего расцвета РПЦ нам не следовало сопротивляться нашествию и вышибать захватчиков, а надо было сдать и «неоккупированную часть СССР»? То-то было бы богоугодное дело, да? То-то ликовали бы вы: как много стало церквей!

Ведь ликуете же, когда пишете, что «с 1944 года количество храмов, открытых немцами, продолжало стремительно увеличиваться». Стремительно! Но если даже поверить вам, что фашисты наоткрывали пропасть церквей, то как и где могло это дело «стремительно увеличиваться» именно с 1944 года, если немцы к тому времени были уже изгнаны с большей части захваченной ими Советской земли и Красная Армия вступила на территорию Германии? Или ваши слова надо понимать так, что вот, мол, положение немцев было уже безнадежно, а они все продолжали и продолжали открывать русские церкви? Какое, мол, благородство!

А вот что еще о «радостном реагировании» вы, уважаемый, должны бы знать. Немецкие оккупанты и уничтожили миллионы советских граждан, и разрушили сотни советских городов, десятки тысяч сел и деревень, 6 миллионов зданий, оставив без крова более 20 миллионов человек (Нюрнбергский процесс. Т. 4, с. 82). И вы об этом — ни слова. Вы — о прелестях оккупации, о том, что миллио-

ны бездомных и осиротевших «с радостью реагировали на открытие церквей». В частности, и те, кого, как упоминалось, угоняли в Германию, а это почти 5 миллионов советских граждан (Там же, с. 84). Может, они «с радостью реагировали» еще и по поводу того, что их бесплатно везли любоваться красотами Германии?

Немцы уничтожили или разграбили 40 тысяч больниц, 43 тысячи библиотек, 84 тысячи школ, техникумов и вузов да еще 427 музеев, в том числе — музеи Пушкина в Михайловском, Толстого в Ясной Поляне, Чайковского в Клину, Чехова в Таганроге (Там же, с.82). Вы и об этом ни звука. Может, ваши «простые люди» и на развалины своих святынь «реагировали с радостью»?

Наконец, фашисты не открыли 10 тысяч, а разрушили, сожгли, опоганили 1670 церквей, в том числе всемирно знаменитый Успенский собор Киево-Печерской лавры XI века, древние храмы Новгорода, Пскова, Чернигова, Смоленска... (Там же). Даже об этом у вас ни вдоха. В книге, на которую я ссылаюсь, есть фотографии этих разрушенных и разграбленных заводов, музеев, церквей... Может, выслать вам для расширения кругозора?

А знаете ли вы, гр. Ходанов, что-нибудь о партизанском движении в годы Великой Отечественной? Откуда взялись партизаны? Не из тех ли они, кто «радостно реагировал»? Ничего вы об этом не знаете, ибо вам это совершенно неинтересно. Для вас главное — представить в благоприятном свете извергов, истреблявших ваш родной народ, если вы русский, да пнуть Советскую власть. И опять: он еще насмешливо поучает других: «Снимите розовые очки!».

* * *

После попыток обелить фашистов вполне закономерно выглядит в статье главка «Бомбу (атомную) создали атеисты», где вы пишете: «Вспомним, как прошло первое испыта-

ние атомной бомбы. Ее взорвали, несмотря на то, что никто не знал, не превратит ли она нашу землю в огненный шар. Не знали — все равно пошли на испытания. Ибо разработчики бомбы не имели веры, сдерживающей человеческий произвол, но руководствовались требованиями госзаказа».

Вы и здесь занимаетесь тем, в чем обвиняете других, — говоря по-вашему, «манипулируете фактами», а по-русски — хитрите, лицемерите, наводите тень на ясный день.

Все знают, что первое испытание атомной бомбы в 1945 году провели американцы, среди которых, весьма вероятно, были и верующие. Они действительно не знали о возможных последствиях взрыва. Но вы не смеете назвать американцев, и вместо них угодливо подставляете своих соотечественников, советских ученых, среди которых едва ли были верующие, но они уже знали, что никаких глобально катастрофических последствий не будет, ибо проводили свои испытания через четыре года после американцев. И особенно подло то, что вы говорите только об испытаниях в то время, как вам прекрасно известно, но вы трусливо умалчиваете, что было не только испытание на полигоне, но и безо всякой нужды — использование атомной бомбы, жертвами чего стали сотни тысяч людей. И проделали это те же ваши подзащитные, а больше до сих пор — никто, хотя атомное оружие со временем получили ряд стран Европы и Азии.

Словом, как пытались вы обелить и даже прославить немецких захватчиков, так пытаетесь замолчать и преступление против человечества американцев. Да еще при этом обвиняете историка Ю. Жукова в «преступлении перед народом» и грозите ему: «Судимы будете!..». К лицу ли это священнику! И какой вы патриот — немецкий или американский? Какой земли писатель, если осуждает родину за то, что она в ответ на американскую атомную бомбу в целях самозащиты создала свою? Господи, и все это печатается в писательской газете!..

И тут надо отметить, что протопоп Ходанов, пожалуй, превзошел собрата Ардова. Этот злобствует не только на Ленина и Сталина («кумиры толпы»!.. «монстры!»!), поносит не только Белинского («неуч»!..) и Чернышевского («нравственный урод и графоман»!..), клеветает не только на Шолохова («любимец палачей»!..), но и проклинает Пушкина: «имитатор»!.. «чревоугодник»!.. «развратник»!.. «кощунник»!.. Но, по крайней мере, в отличие от Ходанова, протопоп Ардов никому не грозит судом. Впрочем, это лишь по трусости. Он вообще из живущих прохиндеев, гневно упоминает только безопасного Мавроди, отбывшего свой срок. Зато как беснуется и резвится на могилах почивших! Пишет, например, что «Горький призывал Зощенко «осмеять страдание». Вот, мол, какой аспид. А на самом-то деле Горький призывал «высмеять профессиональных страдальцев». Прекрасная и насущная идея! Если этих профстрадальцев и тогда было много, то ведь теперь от них просто некуда деваться!

* * *

С. Кара-Мурза в своей прекрасной «Советской цивилизации» рассказал примечательную историю. В 1994 году его пригласили на прием по случаю Рождества в какой-то важный дом, кажется, в Фонд мира на Остоженке, который долгие годы возглавлял Анатолий Карпов. Там были председатель Конституционного суда Зорькин, известный Ручкой, знаменитый писатель Солоухин, названный Карпов, великий шахматист... Высший свет! А еще — не названный по имени священнослужитель. Он и стал говорить праздничную речь. Говорил долго, скучно, словно питомец ВПШ, а закончил к великому изумлению Сергея Георгиевича, молитвенным воплем: «Боже, храни Америку!» (Т. 1, с. 333).

Если мне скажут, что этим священником были вы, протопоп Ходанов, я не поверю, ибо вы непременно еще присовокупили бы: «Царство небесное немецким оккупантам!»

2008 г.

ГОСПОДИ, КАКОЙ УМ!

(Обращение к С. Шойгу)

Уважаемый Сергей Кужугетович!

На своей пресс-конференции в День спасателя Вы высказали тревогу по поводу того, что прошедшие недавно митинги имели ясно выраженную антипутинскую направленность. Вы усмотрели в этом «стремление к очередному хаосу» и сказали, что очень опасаетесь его, а он непременно наступит, по Вашему мнению, в случае отстранения Путина. Справедливо заметили, что хаос — это страшное бедствие, от которого могут пострадать миллионы наших сограждан, и весь народ этого не хочет. Вы сказали, что прямая обязанность власти не допустить хаос, и она уже все для этого предпринимает, и Вы лично тоже готовы «делать все, чтобы не повторилось то, что было в 1993 году». Вас все поняли.

Тем более, что Вы вспомнили и рассказали многозначительный эпизод, относящийся к первым числам октября 1993 года. Вам позвонил Гайдар, тогда уже не исполнявший обязанности главы правительства, но остававшийся идейным вдохновителем чубайсовской банды грабителей России, и спросил: «Сергей, ситуация в Москве сейчас такая, что могут начаться погромы». Ну, тогда часто пугали погромами, причем не какими-нибудь, а еврейскими, и многие евреи, поверив этому, бежали из России. И Гайдар спросил Вас: «Если понадобится, Сережа, ты выделишь тысячу автоматов?»

Странно, что ни один журналист из тех, с которыми Вы беседовали, не спросил: «А откуда, почему, зачем в министерстве, задача которого — тушить пожары, бороться с наводнениями и последствиями землетрясений, катастроф, тысячи и тысячи автоматов? Разве это лучшее средство при таких бедствиях?» Надо полагать, что министерство и ныне располагает изрядным арсеналом за эти годы

усовершенствованного оружия, закупленного во Франции или Израиле. Но в Вашем рассказе не это главное, а то, что тогда на вопрос Гайдара Вы тотчас, без колебаний, без раздумий ответили: «Да!»

Когда-то Вы говорили: «Мне трудно представить, чтобы я вдруг присоединился к какому-то движению, к какой-то партии, стал депутатом Думы или Совета Федерации». Трудно? Но ведь можно и не быть членом партии, как Путин, можно не быть депутатом Думы, как Чубайс, и при этом энергично, эффективно работать в нужном для них направлении, даже возглавлять партию или быть ее символом. Именно это в октябре 1993 года и произошло с Вами: Вы поддержали партию Гайдара. Сейчас мы услышали: «Тогда автоматы действительно понадобились». И Вы их дали убийцам. Значит, среди тех автоматов, из которых расстреливали людей на Пресне и на стадионе Юных пионеров, были и автоматы МЧС, лично Вами из рук в руки переданные Гайдару. Яркая и неожиданная для всех страница как в истории МЧС, так и Вашей биографии.

Вы считаете, что верный способ избежать в стране хаоса — это к восьми минувшим годам путинского президентства присовокупить еще двенадцать. И потому на все лады нахваливаете его: «Это наш человек, наш, наш, он человек с будущим, он опытен, его планы направлены на серьезный экономический прорыв, он занимается инфраструктурой транспорта...»

Да, Сергей Кужугетович, Вы правы: он ваш человек. Если расшифровать, человек Собчака и Ельцина, Гайдара и Чубайса, Познера и Швыдкова. Вот хотя бы несколько диких, но убедительных фактов, подтверждающих это. Швыдкой учиняет на телевидении, т.е. на всю страну, передачу «Русский фашизм страшнее немецкого». И где ваш Путин? Общественно опасного наглеца надо было судить за оскорбление русского народа, за разжигание национальной вражды и упрятать в тюрьму или выставить вон из страны,

как в свое время Троцкого и Солженицына, допустим, в родную Киргизию. Но Путин не посмел проговорить даже словечко протеста. Мало того, этот русофоб до сих пор продолжает занимать какие-то важные посты в области русской культуры, решает такие важные вопросы, как ремонт Большого театра, регулярно ведет цикл передач на телевидении. А где в это время были Вы, Сергей Кужугетович? Тушили пожар на Алтае? Так ведь вот-вот мог вспыхнуть куда страшнее пожар в самой столице. Ну, а после Алтая? Ведь не какой-нибудь забулдыга в присутствии дам матюгнулся, это был плевок наглого инородца в лицо великому народу, сломавшему хребет фашизму.

И разве это был единичный случай! Такому антирусскому хамству нет конца. Вот хотя бы еще такой же наглец — писатель Виктор Ерофеев. Он сочинил «Энциклопедию русской души» и несколько раз переиздал ее. Содержание одного из разделов книги обозначил так: «Русских надо бить. Русских надо расстреливать. Русских надо размазывать по стенке».

Группа профессоров и преподавателей Московского университета обратилась к депутату городской Думы народному артисту СССР Николаю Губенко с требованием изъять книгу из продажи, а сочинителя привлечь к ответственности «в соответствии с Конституцией Российской Федерации». И что гарант Конституции, коим тогда был уже Медведев, воспитанник Путина? И где был ваш Путин? Плевали они оба на профессоров МГУ. И русофоб Швыдкой, и русофоб Ерофеев продолжают похабничать на телевидении.

Сейчас президент и премьер то и дело говорят о диалоге с обществом: «Он необходим, мы приветствуем его, мы всегда готовы!» Проснулись, очухались... Но вот же был подходящий случай. Но — они промолчали.

Они нам раз в год дают образцы своего диалога с обществом в виде телевизионных «бесед с народом»... Недавно мой трехлетний внук что-то натворил. Бабушка Валя сказала ему: «Ваня, что ты наделал! Ведь это курам на смех!» —

«Курам? — опасно переспросил внук. — Они будут смеяться?» — «Конечно!». Ваня помолчал, подумал и вдруг спросил: «А петух?» — «Петух не будет, — ответила бабушка. — Петух — птица важная». У Вани, видимо, отлегло от сердечка.

Так вот, Сергей Кужугетович, над «беседами с народом» президента и премьера, скажите им, смеются не только куры, но и серьезные, знающие свое дело петухи.

* * *

Но завершим начатую тему о русофобах. Есть такой бульдог по кличке Кох, однокашник и друг Чубайса, тот самый, что заправлял делами в Госкомимущество и кому мы обязаны грабительской приватизацией. Однажды он публично заявил в интервью иностранной газете, что Россия — обреченная, никому не нужная и всем мешающая страна, что нечего с ней церемониться, надо послать десант в составе двух-трех дивизий и отобрать у нее к чертовой матери все атомное оружие. И что? Ему заткнули глотку? Его тотчас пригласили на телевидение, и он повторил это все уже там. А ведь опять же, не пьянчуга в рыгаловке брякнул, а вице-премьер на всю страну. Вице-премьер!.. И где ваш Путин?

И тут нельзя обойти молчанием поведение членов правительства. В Советское время, о котором Медведев порой говорит в таком духе: «Не надо стесняться признавать, что Красная Армия разбила фашистскую Германию; не надо робеть, говоря, что в космос СССР вырвался первым; не надо краснеть, упоминая имена маршала Жукова или академика Курчатова; не надо смущаться, вспоминая своих отцов и дедов», — в то время советские руководители имели свое лицо, свой голос, они, не говоря уж о Сталине, были фигурами, личностями — Калинин, Молотов, Ворошилов, Каганович, Микоян... Маленков, Вознесенский, Булганин... Каждый на свой салтык. Они были понятны, к ним было заинтересо-

ванное человеческое отношение. Одного неофициально называли «всесоюзным старостой», о другом говорили «железный нарком», о третьем, четвертом сочиняли стихи и песни:

Братишка наш Буденный,
С нами весь народ...
И с нами Ворошилов,
Первый красный офицер...

А что теперь? Чуть ли не каждый день мы видим по ТВ заседания правительства. Входит Предстоятель или Местоблюститель. Все, в том числе женщины, вскакивают. Потом садятся и слушают, некоторые записывают какое-то очередное назидание. Никаких вопросов, никаких споров. Безликая биомасса. Кто из них чем занимается, можно, конечно, при желании узнать, но это неинтересно, ибо совершенно неинтересны сами эти субъекты. Ни поступков, ни жестов, ни речей их мы не знаем. В лицо узнаем по телевидению всех, но ни у одного из них нет лица. Произошло полное омертвление высшего государственного органа. Никому не придет в голову сочинять: «Братишка наш Медведев...» Или:

И с нами друг наш Путин,
И премьер, и президент...

Взять, допустим, Христенко или Жукова. Что они там делают? А мадам Голикова? Она, видимо, полагает, что ее не в правительство ввели, а пригласили на конкурс красоты в Елабугу. И эта мисс Елабуга не способна понять свое место, а ей поручено руководить и социальной сферой, и медициной, с которой до этого она была знакома только как пациентка.

А что такое администрация президента? Какие у нее полномочия? Чем она занимается? Есть в Конституции? Вот недавно под девизом решительного, кардинального об-

военные базы во Вьетнаме и на Кубе, которые позволяли нам наблюдать чуть ли не оба полушария, и самый большой, самый совершенный локатор в Красноярске. Казалось бы, чего лезешь? И кому это на пользу, кому во вред? Вслед за этим мчится в Киргизию и уламывает Акаева согласиться на размещение в республике американской военной базы. Тот согласился на два года, но прошло уже десять лет, а янки и не думают уходить, они никогда не уходят, даже в Германии и Японии все еще стоят их войска с 1945 года. Итак, две наши базы и локатор ваш Путин ликвидировал и одну американскую на вчерашней советской земле создал. Я, старик-ветеран, считаю, что это предательство, а Вы, генерал, молчите, вернее, нахваливаете этого человека да в угрожающем духе рассуждаете о митингах, умалчивая о будто неведомых Вам базах и локаторах.

Скорее всего, тут объяснение такое. Помните Бакатина и его бессмертный подвиг? Самое дикое и страшное в «синдроме Бакатина» даже не то, что русский министр выдал американцам наши важнейшие секреты (были и раньше предатели), а то, что он надеялся, вероятно, был даже уверен, что они ответят нам тем же!

Вот и ваш Путин наверняка же был уверен, что и американцы в ответ на его антироссийскую любезность уничтожат парочку своих баз. А что получил? Базу в Киргизии они подкрепляют еще своими ПРО в Румынии, Чехии, Польше. О чем это свидетельствует? О полном отсутствии государственного ума, вернее, об уме бакатинского пошиба.

В тот же день, когда Вы, Сергей Кужугетович, беседовали с журналистами, Путин просвещал актив своего Народного фронта. И вот что, между прочим, сказал об оппозиции, о несогласных: «Всегда были, есть и будут силы, которым важна не перспектива развития, а важно постоянное броуновское движение. Помните известный троцкистский лозунг «Движение — все, цель — ничто». Такие люди имеют право на существование. Флаг им в руки!»

Это заявление открывает другую грань того же бакатинского ума. Во-первых, оратор путает здесь два весьма известных в истории лица — Леона Бронштейна (Льва Троцкого) и Эдуарда Бернштейна. Для дзюдоиста это простительно, но он же не только дзюдоист, а еще и коллега Буша, который путает Ливию и Ливан.

Увы, приведенный лозунг принадлежит не Бронштейну, а Бернштейну. И Путин по причине, которую он однажды сам чистосердечно назвал («Культурки не хватает!»), высмеивая этот лозунг, оказался в рядах единомышленников В.И.Ленина и И.В.Сталина. Именно так! Ибо они многократно и сурово критиковали Бернштейна и его лозунг. Ленин писал, что это «крылатое словечко» как нельзя лучше выражает сущность ревизионизма — «от случая к случаю определять свое поведение, приспособливаться к событиям дня», пренебрегая интересами народа ради «действительных или предполагаемых выгод минуты».

Но вот странно! Путин, по-ленински высмеивая Бернштейна, на деле действует именно по его предписанию: ради предполагаемых и ожидаемых от американцев выгод, которые, увы, не имеют места быть, он пренебрегает интересами народа. Так с кем же он — с Лениным или с Бернштейном? Я думаю, и с Бернштейном, и с Бронштейном. Два флага ему в руки!

И дальше: «Но в чем здесь проблема? В том, что у них (у противников Бернштейна и Бронштейна — *В.Б.*) нет ни единой программы, ни ясных и понятных способов достижения целей, которые не ясны, и нет людей, которые могли бы что-то сделать, что-то конкретное». Речь тут, разумеется, о делах государственного масштаба, и имеются в виду прежде всего коммунисты. И это очень похоже на то, как если связать человеку руки-ноги да потешаться: «Смотрите, он не может сделать ничего конкретного!» Но чтобы сделать что-то в масштабе страны, надо занимать какие-то государственные посты, должности, иметь доступ к руководству. Посты

премьера и вице-премьера занимали Гайдар, Черномырдин, Кириенко, Степашин, Путин, Медведев... Чубайс, Немцов, Явлинский, Кох, — все до одного лютые либералы.

За все двадцать лет только один раз главой правительства был назначен Евгений Примаков, который недавно в новой книге подтвердил свою верность марксизму, а его заместителем — Юрий Маслюков, бывший председатель Госплана, коммунист, член фракции КПРФ в Думе. Они были назначены в отчаянный для страны момент — после дефолта, до которого нас довели либералы Кириенко и Чубайс. И что? Они, марксисты-коммунисты, спасли страну, оттянули ее от пропасти, к которой подвели эти либеральные бездари.

Спасение было невозможно без ясной программы, без четкой цели, без таких мудрых и мужественных людей. Вспомните, хотя бы о том, как Примаков, уже подлетая к Америке, где должны были состояться важные переговоры, вдруг узнал, что американско-натовские самолеты начали бомбить Югославию, и тотчас велел развернуть самолет и лететь обратно. Поступок, исполненный государственного достоинства, жест гнева и благородства. Кто из всей либеральной шараги, восхваляемой Вами, Сергей Кужугетович, способен на это?

Но стоило Примакову огласить пункт своей программы, состоявший в том, чтобы амнистировать мелких воришек и жуликов, а их место на нарах по заслугам предоставить подлинным грабителям страны и народа, как отец демократии Ельцин, чтимый Путиным и Медведевым в статусе национального героя, тут же отправил его и Маслюкова в отставку. Не мешай грабить!.. Так что, правительство марксистов-коммунистов за все ваши 20 лет, т.е. 240 месяцев простояло у руля лишь 8 месяцев и 1 день, но и за этот малый срок сумело спасти страну.

Как видим, уверение Путина о том, что у противников Бернштейна и Бронштейна нет ни единой программы, ни

ясных и понятных способов достижения целей, которые не ясны, и нет людей, которые могли бы сделать что-то конкретное, есть не что иное, как демагогия. Что для начала может быть яснее, понятнее и конкретнее, чем нары для воров и жуликов государственного размаха? Какой способ спасения страны может быть лучше?

* * *

Вы, Сергей Кужугетович, спросили журналистов: «Помните, что было в Останкине 3 октября 1993 года?» Они Вам не ответили, хотя знают, что там был массовый расстрел безоружных защитников Конституции, как оказалось, из автоматов МЧС. А я спрошу Вас: «Вы помните, что было от Баренцева моря до Черного 22 июня 1941 года?»

Сейчас Медведев и Путин хлопочут о том, чтобы американцы и НАТО дали им бумагу с печатью, в которой говорилось бы, что их ПРО в Румынии, Чехии и Польше не имеют никакого отношения к России. Должно быть, такую бумагу они выклянчат. Этим и успокоятся. Синдром Бакатина. Как же! Создана юридическая база полной безопасности. Без такой базы во всех сферах бытия они жить не могут.

Так вот, хоть Вы, генерал, напомните им, что в 1941 году у нас было с немцами две бумаги со всеми подписями, печатями и ратификациями, с рукопожатиями и тостами, с поздравлениями и уверениями. И вдруг!..

И если все останется так, как Вы хотите, если президентом останется друг собаки Буша, главой правительства станет часовых дел мастер, если обороной по-прежнему будет руководить специалист по двуспальным кроватям, ведать иностранными делами — бессловесный манекен, промышленностью — сапожник, сельским хозяйством — пирожник... Если все будет так, то может грянуть такое землетрясение, что и ужасное 22 июня, воскресенье, покажется просто выходным днем, который нам немного испортили.

P.S. Не так давно В. Путин признался: мы не думали, что национальный вопрос имеет такое большое значение. Они с Медведевым были уверены, что национальность — выдумка коммунистов, плод сталинской пропаганды. Потому и убрали в паспортах графу о национальности. И вот с таким пониманием важнейших вопросов они руководят страной, в которой процентов 20 населения не могут считать русский язык родным, а православие — своей религией.

2012 г.

«АНКОР, ЕЩЕ АНКОР!»

Прослушав в еженедельном телевизионном обзоре Петра Толстого беседу с Евгением Максимовичем Примаковым, хочу обратиться к нему. Уважаемый Евгений Максимович, вы горячо нахваливали опять и опять идущего в президенты товарища Путина. Ему вскружили голову рейтинги, которые изготавливают умельцы демократии, и телевыходы в народ, на которых он беседует с тщательно отобранной публикой, да юные шалавы в майках с надписью «Порву за Путина!». А тут еще Чуров-Левша на парламентских выборах блоху подковал и запустил ее в Думу. И товарищ Путин решил: если все так прекрасно и меня так обожают, чего церемониться! И простодушно поведал о сговоре четыре года тому назад: я стану третий раз президентом, часовых дел мастера Диму назначу премьером, Столыпину, Солженицыну и Собчаку поставлю памятники, а там видно будет. Этот сговор, пожалуй, больше всего и возмутил народ. И спрашивается, ну какой он политик, если не понимает, что сговор этот верх политической непристойности, а самому рассказывать о нем — верх политической недалёковидности.

Слушая вас, Евгений Максимович, я подумал вот о чем. Мы с вами люди одного поколения, но вы несколько помоложе, и потому не могли быть на войне, а мне довелось.

Наши с вами жизненные пути нигде не пересекались, однако было некое соприкосновение. Дело в том, что я после окончания Литературного института работал там же, где и вы, — на радио, которое вело передачи на зарубежные страны (ГУРВ). Я возглавлял Литературную редакцию, вы — редакцию Ближнего Востока. Незабываемые Путинки за Пушкинской площадью! Потом напротив появился «Новый мир», который перевели с Малой Дмитровки из комплекса зданий «Известий». Помните наших начальников: «твердого искровца» Семина, промелькнувшего метеором Юрия Жукова, Чернышова, который не только в служебных речах, но и в частных разговорах всегда почему-то цитировал Вересаева? Потом он был послом в Аргентине и, увы, во время купания стал жертвой акулы.

Я узнал, что вы работали в ГУВР только уже в нынешнее время. И с тех пор, как вижу вас на экране телевизора или на страницах газет, восклицаю: «О! Это мой сослуживец!» А порой даже присовокупляю как бы аллегорически «и земляк!». Мы же оба выросли в Путинках! Когда в трудный для страны час вы возглавили правительство и вместе с Юрием Дмитриевичем Маслюковым — царство ему небесное! — оттянули страну от бездны, я сказал жене: «Это мой сослуживец!» И когда вы летели на переговоры в Америку, но, уже подлетая к ней, получили сообщение о том, что американцы начали бомбить Югославию, и вы приказали развернуть самолет и лететь обратно, я сказал внуку: «Ванечка, это мой сослуживец и земляк!» И когда вы, будучи премьером, по оплошности объявили, что пора мелким жуликам и вора́м освобождать нары для настоящих, широкомасштабных коллег, а Ельцин за это тотчас отправил вас в отставку, я сказал внучке: «Манечка, это мой земляк и сослуживец!» Наконец, когда не так давно вы дали всем знать, что как были, так и остались марксистом-ленинцем, я снова воскликнул: «Это мой сослуживец, земляк и однополчанин!» Да, оба мы с Путинков, но отношение к Путину разное...

И вот я услышал ваши похвалы президенту-перманенту. За что же вы его хвалите? Оказывается, самое первое, самое главное и замечательное его достоинство таково: «В нем нет упертости». Евгений Максимович, вы же академик... Из уважаемых мною людей на этом путинском поприще недавно так огорчили меня Валентина Терешкова, Анатолий Карпов, и вот теперь вы... Ведь именно упертость, косность, заскорузлость, замшелость, сонливость, полное неумение маневрировать, куриная слепота, неспособность там, где нужно, сказать веское слово и держать язык за зубами там, где нужно, — это все и есть самое главное, самое характерное в товарище Путине.

Вы привели только один пример в его пользу: он отменил выборность губернаторов, а теперь она снова вводится, ура!.. Евгений Максимович, во-первых, закон об отмене выборности был введен после трагедии Беслана безо всякого внятного обоснования. Какая связь между этой трагедией и выборами? Во-вторых, для прозрения Путину потребовались не год, не два, а семь лет с лишним — почти два президентских срока. Вот они — сонливость и подследоватость! В-третьих, это произошло вовсе не по доброй воле, не в результате умственного просветления, а в итоге сильнейшего давления на декабрьских массовых митингах. В-четвертых, законопроект о введении выборности губернаторов, который внес в Думу местоблюститель, имеет такие оговорки, которые пожирают саму суть закона. Например, оказывается, по кандидатуре губернатора требуются «консультации» с президентом. Но что такое консультации за кремлевской стеной при закрытых дверях? Это понятие очень неопределенное, если не сказать опасное. Коли губернатор все-таки будет избран вопреки желанию президента, высказанному на «консультации», то разве это сра-

зу не отразится на их отношениях самым печальным образом? Нет, не убеждает ваш досадно одинокий примерчик.

А подумайте заодно, сколько сроков потребуется Путину для того, чтобы отменить плоскую шкалу налогов, которой он до сих пор умиляется и восхищается: «Нам завидуют во всем мире!» Конечно, завидуют — богачи, кровососы. А сколько лет ему нужно, чтобы понять, что такое Буш, которого до сих пор считает другом и призывает нас любить его и посочувствовать ему: «Вы думаете, Бушу легко!» — воскликнул он однажды. О, мы знаем, что потрошить далекие небольшие страны, расстреливать и вешать нелегко, но сочувствовать потрошителю и вешателю?..

Вспомните другое... Внедрение Путина в президентство было пророчески ознаменовано гибелью подводного крейсера «Курск». Погибло 118 человек. Цвет народа! И что он? То ли по своей местечковой замшелости, то ли по кремлевской заскорузлости он и не подумал помчаться туда.

И ведь как объяснял! А что, мол, мне там делать? Я же не водолаз, не подводник, у меня и скафандра нет, у меня совсем другой профиль — я дзюдоист, и среди 118-ти — ни одного дзюдоиста... А ведь двадцать три человека из них двое суток в отсеке ждали спасения...

Это было в начале его президентства, а что через десять лет, когда 7 сентября 2011 года под Ярославлем разбился Як-42, и погибли 45 человек, в том числе — вся местная хоккейная команда «Локомотив»? И тогда не ворохнулся, он же не хоккеист, у него и клюшки нет. Послал туда министра транспорта Левитина с клюшкой. Это ли не упертость со стажем?

А в интервале между этими датами товарищ Путин впал в другую крайность. Создали какую-то новую марку автомобиля — он садится за руль и устраивает персональный автотрибунал в Чите (родина Собчака) — Свердловск (родина Ельцина); начали полыхать лесные пожары — он забирается в кабину самолета и собственноручно выливает

на огонь две бочки: одну — воды, вторую — бензина; поспела кукуруза — они с другом Медведевым лезут в комбайн, и в знак уважения к памяти Никиты Хрущева собирают 20 тонн «царицы полей»; устраивают в Ленинграде благотворительный концерт — он является и исполняет на рояле собачий вальс, и все бобики города танцуют; обнаружили на дне моря античную амфору — он ныряет и достает две и т.д. Никогда не было у нас такого моторного отца отечества!

* * *

А вопрос о смертной казни, Евгений Максимович? Она существует в Китае, в США, во многих странах... Когда большевики пришли к власти, они первым делом отменили казнь и вообще прекраснотушничали: своих явных врагов, даже схваченных с оружием в руках, отпускали под честное слово, как, например, генералов В. Марушевского, последнего начальника Генштаба при Временном правительстве, П. Краснова и других. Отпустили, между прочим, и всех членов Временного правительства, и одни за границей, другие на родине в дальнейшем вели себя более чем достойно. Вплоть до того, что министр С.Н. Третьяков стал во Франции сотрудником нашей разведки, в 1943 году был немцами раскрыт и казнен. Министр путей сообщения А.В. Ливеровский никуда не уехал и во время войны принял участие в строительстве знаменитой «Дороги жизни» в дни Ленинградской блокады.

А военно-морской министр адмирал Д.Н. Вердеревский в 1945 году в Париже явился в наше посольство, пил за победу, за Сталина и получил советское гражданство.

А некоторые генералы все-таки продолжали борьбу против Советской власти. Да еще как! Краснов бежал на Дон, создал там казачью армию, которая ликвидировала Советскую власть, и был одним из главных организаторов Добровольческой армии, которую потом возглавил Дени-

кин. А Марушевский стал генерал-губернатором Северной области, тоже создал под своим командованием армию в 20 тысяч штыков. Ну а спасся он только бегством. Краснов же по совокупности злодеяний в двух войнах получил свою веревку в 1947 году. Вот после таких измен большевики и ввели смертную казнь. Словом, делали выводы из суровых уроков жизни, учились...

А этот? Какую создал атмосферу! Каких гуманистов воспитал! В стране невиданный разгул преступности, терроризма, катастроф по причине безответственности, разгильдяйства, а главное — из-за непомерной жадности. И какая кара? Вот только вчера сообщили: некий Уткир из Узбекистана украл у человека, которому в Рязанской области строил дом, 400 тысяч рублей и ночью скрылся. И мы читаем: «Сразу были организованы поиски вора, поскольку, по словам начальника пункта полиции Кадомского района Вячеслава Федорова, вор мог замерзнуть или быть съеден волками». Поняли? Поскольку мороз и волки... Вот и большевики в 1917-м году были, как этот полицейский Федоров. Спас он Уткира от волков, укрыл шубой от мороза.

Ну, это для смеха. А вот Алексей Жицкий из Благовещенска. Убил женщину, изнасиловал семилетнюю девочку и пытался ее задушить. Ясно же, что тип патологический. Жители города рвались растерзать мерзавца, но стражи стабильности со щитами и дубинками по приказанию власти встали на его защиту. Вот бы товарищ Путин выступил перед этой разъяренной толпой с речью о том, что жизнь человеческая — неприкосновенный дар Божий. Дали скотине 25 лет. Когда выйдет на волю, ему будет 62 года. Возраст еще вполне способный и к насилию, и к убийствам. Или кто-то думает, что у него за решеткой отрастут за это время белые крылышки?

Буквально на другой день сообщают из Свердловской области: некая Лина Догамачук лет сорока под видом сотрудницы Собеса втиралась в доверие к одиноким старушкам, а

в удобный момент убивала их молотком по голове, и крала, что можно. И так 17 божьих одуванчиков. Надо думать, дадут пожизненный. Да ведь она и в лагере будет опасна.

Отмена смертной казни есть не что иное, как потворство преступности, разжигание ее. Кто знает, что может произойти хотя бы и за 10, не говоря уж о 25 годах. Ведь когда этого Жицкого задержали, следователь отпустил его, а сотрудники прокуратуры не приняли у родителей девочки иск об изнасиловании. Кто даст гарантию, что в обстановке повсеместной безответственности, взлелеянной Упертым, не найдутся такие доброхоты и там, где будут сидеть эти чудовища?..

* * *

Недавно мне прислали «Хронику терактов и катастроф за время правления В. Путина». Нельзя не обратить внимание на то, каких имен больше всего среди террористов. Это ни для кого не секрет. Анзор... Мурад... Рашид... Ахмед... Мухажир... Магомет... опять Рашид... А как зовут нашего министра внутренних дел, на которого возложена главная роль в борьбе против терроризма? Разумеется, я о нем лично тут не хочу сказать ничего плохого, но в таких случаях должностные лица, учитывая ситуацию, сами подадут в отставку и просят перевести их на другую работу, ибо национальная и религиозная симпатия — это не выдумка досужих умников или сталинистов. Приведу два безобидных примера из мира спорта. Когда в 1927 году Капабланка и Алехин боролись за звание чемпиона мира, то ведь русские люди болели за Алехина, хотя он с 1921 года жил во Франции. Думаю, что, если бы сразу после войны, как предполагалось, состоялся бы матч между Алехиным и гордостью страны Ботвинником, то и тогда многие русские болели бы за Алехина.

Настоящие политики понимают этот щекотливый вопрос без намеков и указаний. Троцкий на пленуме ЦК и ЦКК 23 ок-

тября 1923 года, еще при жизни Ленина, говорил: «Я должен разъяснить вам, товарищи, мой разговор с Владимиром Ильичем, когда я говорил с ним о моем замстве и прочем. Дело в том, товарищи, что есть в моей работе один личный момент, который, не играя никакой роли в моей личной жизни, так сказать, в быту, имеет большое политическое значение. Это — мое еврейское происхождение.

Я прекрасно помню, как 25 октября в Смольном Владимир Ильич говорил: «Товарищ Троцкий! Мы вас сделаем наркомвнуделом (Рашидом той поры. — *В.Б.*)... Я возражал. Я говорил, что нельзя давать такого козыря в руки нашим врагам; я считал, что будет гораздо лучше, если в первом революционном Советском правительстве не будет ни одного еврея». Один все-таки оказался — сам Троцкий.

И дальше: «Я избежал назначения на пост наркомвнудела и был назначен руководителем нашей иностранной политики, хотя, к слову сказать, и здесь моя оппозиция (т. е. отказ занять пост. — *В.Б.*) была не менее решительной». Разумеется, мотив тут был совсем другой, чем ныне, но столь же веский.

Как по-вашему, Евгений Максимович, что сказал бы Лев Давыдович, узнав, что при Ельцине три еврея, один за другим, назначались премьерами, одновременно три еврея — вице-преьерами, да еще и министр иностранных дел еврей, тут же и вице-премьер Альфред Кох, и губернаторы Кресс, Россель, Босс? И среди них — ни одного Дизраэли или Бисмарка, ни одного Кагановича или Литвинова, ни единого Семена Гинзбурга или Вениамина Дымшица, Героя Социалистического Труда, лет десять работавшего заместителем главы правительства СССР! Серьезный человек, ответственно относящийся к делу, не может задуматься или заколебаться при назначении на более высокий пост. Г.К. Жуков очень не хотел быть начальником Генштаба, решительно отказывался, но в армии приказ не обсуждается, пришлось смириться. А К.К. Рокоссовский? Когда его,

командарма, решено было назначить командующим фронтом, он тоже не хотел, тоже колебался. И это талантливейшие люди! А все бездарные члены нынешней демократической орды, в отличие от Троцкого, Жукова и Рокоссовского, без малейших колебаний и сомнений хватали высочайшие государственные посты и должности. Помните, как Кириенко плясал у трибуны, когда при голосовании в Думе его кандидатура в премьеры с третьей попытки, наконец, прошла. Все они, ну, совершенно, как юный отпрыск гоголевского Манилова, который на вопрос отца: «Фемистоклюс, хочешь быть дипломатом?» — всегда, не задумываясь, отвечал: «Хочу».

Казалось бы, такая монотонная карусель наших дней возможна только в Израиле — три и три почти подряд да еще Кох! Но пришел товарищ Путин и с безумной ельцинской упертостью продолжил линию своего создателя и даже превзошел его: еще одного еврея назначил главой правительства, другого — министром культуры, третьего — министром экономики, четвертого — губернатором Чукотки, пятого — своим представителем в регионе, шестого — личным биографом своего местоблюстителя, седьмого, Аркашу — его главным советником... А этот новый премьер уж такой не Дизраэли, такой не Дымшиц, что хоть плачь. Но теперь он возглавляет разведку. Не пропадать же таланту! А кроме того, по той же тропочке товарищ Путин сбегал в гости к Хазанову, примчался в Марьину Рощу на торжество по случаю открытия Еврейского центра, во время которого травил на всю страну еврейские анекдоты, да еще и ввел в школах обязательное изучение полубессмертного «Архипелага», состряпанного известным Александром Исаичем при содействии ЦРУ. А для маскировки вдруг напялил крест наперсный, стал ходить в церковь по праздникам, осенять себя крестным знаменем той самой дланью, которой только что подписала Указ о вторичном назначе-

нии Абрамовича, укатившего в Англию, губернатором Чукотки. И ведь за этими высокими назначениями — какое презрение к русским!..

* * *

Троцкий тогда продолжал: «Товарищи, быть может, я мог бы сделать гораздо больше, если бы этот момент (еврейское происхождение. — В Б.) не вклинивался в мою работу и не мешал бы. Вспомните, как сильно мешало это в острые моменты во время наступления Юденича, Колчака. Врангеля, как пользовались в своей агитации наши враги тем, что во главе Красной Армии стоит еврей. Это мешало сильно...» Сильно, сильно...

Троцкий отрекся от своего еврейства и устно, и письменно, и в речах, и в анкетах. В графе «национальность» он писал: «революционер». Как Швыдкой, творец «Культурной революции». А когда его соплеменники и земляки однажды явились к нему, как к еврею, в Москву с какой-то своей еврейской просьбой, он их и слушать не стал — выставил. Это, надо заметить, совсем не по-швыдковски. Но, конечно, отречение Троцкого от своего еврейства убеждало далеко не всех, особенно — среди соплеменников. Когда он был снят с поста председателя Реввоенсовета республики и назначен на пост начальника Главэлектро, унаследованный позже Чубайсом, а председателем РВС стал Фрунзе, Вера Инбер пустила гулять стишок:

Горелкой Бунзена
Не заменить ОСПАМ.
Вместо Троцкого — Фрунзе?
Какой срам!

ОСПАМ — это, кажется, шведская фирма по производству электрических лампочек, на которых когда-то так и было обозначено — ОСПАМ или OSRAM, точно не помню.

Так вот, Троцкий был не премьером, а лишь «министром», но мешало его происхождение сильно, на наших же глазах прошли четыре премьера, четыре зама, важнейшие министры, губернаторы, представители президента, голые короли эфира вроде Сванидзе и Млечина... Могла не мешать в России такая концентрация в острые моменты наступления Яковлева-Юденича, Чубайса-Врангеля, Собчака-Колчака? Еще как мешало! Не только русские люди воочию видели, во имя чего, в чьих интересах все затеяно и чьими руками делается. И после этого Путин со своим часовых дел мастером еще учат нас национальной толерантности, этнической деликатности, нежному ксенолюбию, безграничному филосемитству. Конечно, ни Фрадкову, ни Чубайсу, ни Нургалиеву не вложишь ум и опыт Троцкого. Но хоть бы не учили нас филосемитству! У нас его и так много. В этом заскорузлом правительстве, в загадочной и недужной администрации президента, в «Единой России», которая скоро разбежится, по уму нет ни одного Троцкого, но там витает модернизированный дух троцкизма, основу которого составляет не догма перманентной революции, а девиз перманентного грабежа России.

В свое время забытый ныне Вадим Бакатин, секретарь Кемеровского, затем Кировского обкомов КПСС, а потом — предшественник Нургалиева и даритель американцам наших государственных секретов, сказал: «Я всегда стеснялся спрашивать человека о его национальности». А покойный писатель Григорий Бакланов уверял, что национальность человека его никогда не интересовала, что, впрочем, не помешало ему маршала М.Е. Катукова, русского, и генерала Л.М. Доватора, белоруса, записать в евреи. Вы подумайте — не интересовались, даже стеснялись, словно это сущий пустяк и даже что-то неприличное. И это сперва в стране, где русские составляли только половину населения, а потом — процентов 85. И это секретарь обкома, министр, известный писатель... Вскоре боязнь национальности, которой стра-

дали некоторые чиновники и щирые интеллигенты, узаконили и довели до абсурда — убрали из паспортов соответствующую графу. Правда, при этом было почему-то решено, что татарам и башкирам такая графа необходима, а русским и другим — вредна и противопоказана.

А их великие предшественники, Вы-то знаете, Евгений Максимович, не стеснялись размышлять и говорить о национальности и национальных проблемах, допустим, о национальном составе партий и съездов. Есть у Ленина небольшая статья, даже заметка, «Как чуть не потухла «Искра». Она была написана в начале сентября 1900 года после состоявшегося в августе совещания близ Женевы завтрашних большевиков с плехановской группой «Освобождение труда». Ленин писал: «По вопросу об отношении нашем к Еврейскому союзу (Бунду) В.Г.Плеханов проявляет феноменальную нетерпимость, прямо объявляя Бунд не социал-демократической организацией, а просто эксплуататорской, эксплуатирующей русских, что наша цель — вышибить этот Бунд из партии, что евреи — сплошь шовинисты и националисты, что русская партия должна быть русской, а не давать себя «в пленение колену гадову» и пр. Никакие наши возражения против этих неприличных речей ни к чему не привели, и В. Г. остался всецело при своем, говоря, что у нас просто недостает знаний еврейства, жизненного опыта в ведении дел с евреями» (ПСС, четвертое издание. Т. 4, с. 311). Интересно заметить, что жена Плеханова была еврейка. А заметка эта впервые опубликована только после смерти Владимира Ильича в «Ленинском сборнике» № 1 за 1924 год.

В пору того совещания Ленину едва исполнилось тридцать лет, а Плеханову было уже 43 года. Когда Владимир Ильич приблизился к этому возрасту, а потом достиг его, у него порой тоже вырывались «неприличные речи» в таком духе: «Дорогие друзья!.. Если молчать, то еврейские марксисты завтра верхом будут на нас ездить... Бунд при-

способливает социализм к национализму». А в 1913 году — как раз 43 года! — писал Каменеву о статье Сталина «Национальный вопрос и социал-демократия»: «Статья очень хорошая. Вопрос боевой, и мы не сдадим ни на йоту принципиальной позиции против бундовской сволочи». Лев Борисович Каменев, как известно, был евреем, правда, потом оказался и сволочью.

* * *

Все это я поведал только для того, чтобы показать, что были времена и политики, которые не стеснялись говорить о таких вещах: хотите соглашайтесь, хотите нет. А ныне это объявлено ксенофобией, антисемитизмом и даже фашизмом.

А разве вы, Евгений Максимович как русский марксист не замечали, с какой упертостью товарищ Путин сознательно, обдуманно, нарочно многое делает наперекор народу, вопреки его симпатиям, антипатиям и взглядам?

Начать хотя бы с нашего герба, флага и гимна, которые Ельцин выбросил и втюрил нам заплесневелый царский герб, власовский флаг и трижды латанный гимн. Даже Гитлер, ведь тоже не дурак был, учредив партийную символику, оставил в неприкосновенности старый герб и гимн Германии «Deutschland, Deutschland über alles!». У нас часто объясняли его как превознесение Германии надо всем остальным миром. Да ничего подобного! Имеется в виду гражданин Германии, для которого родина должна быть превыше всего. И прекрасно, если бы и наш гимн начинался словами «Россия, Россия превыше всего!» или чем-то подобным.

Так вот, можно было надеяться, что, став президентом, сравнительно молодой офицер ведомства Дзержинского вернет хотя бы наш прекрасный, как ни у кого, величественный герб, который уже сорок лет покоится на Луне и Марсе, или — наш единственный в мире красный флаг, овеянный славой великих побед, каких не знала ни одна стра-

на в мире. Нет! Оставил все и царское и власовское. Если это не упертость, то что это, Евгений Максимович?

Между нами, марксистами, говоря, Евгений Максимович, ведь Путин по многим показателям, в том числе, в антисоветской упертости, даже превзошел Ельцина. Алкаш, по крайней мере, не уничтожил по указанию американцев нашу космическую станцию «Мир», которая могла служить еще долгие годы; не ликвидировал наши базы во Вьетнаме и на Кубе, с помощью которых мы контролировали едва ли не оба полушария; не клеветал на Сталина, например, не взваливал на него вину Тухачевского за поражение в 1920 году; не был в обнимку с Геббельсом в деле Катынской трагедии; не додумался назначить министром культуры малограмотного киргиза Швыдкого; на пускал среди своих министров шапку по кругу на памятник Столыпину; не учреждал премию имени этого банкрота и вешателя; не заставлял школьников штудировать «Майн кампф»; не вопил на Красной площади «О, Маккартни! В советской казарме вы были для меня глотком свободы!».

Наконец, да, Ельцин позволил себе на аэродроме Рейкьявика историческое мочеиспускание на глазах всего мира, но, с одной стороны, все же примем во внимание, что он был, как всегда вдрабодан, и ответственность за это тоталитарное мочеиспускание во многом лежит на охраннике Коржакове, а с другой стороны, он все-таки не падал, как товарищ Путин, на колени перед собакой Буша, не обнимал, не целовал ее, не вычесывал блох.

Тут вспоминается Есенин. Он однажды воскликнул:

Мне сегодня хочется очень
Из окошка луну обос....

Ну, молодой был, бесшабашный, хулиганистый, да и никаких постов не занимал. А Ельцин все-таки догадывался о недостижимости для него луны даже с борта Ту-154, и пото-

му решил сделать то же самое, уже после приземления, на колесо самолета. Другого пути приобщения к поэзии Есенина он не знал. Правда, дело было почти в старости, может, и недержанием уже страдал. И ведь он, осуществляя процесс приобщения, стыдливо отвернулся, встал спиной к дамам, пришедшим встречать его с букетами в руках. Это тоже надо помнить: какая деликатность! Так что в том поступке можно найти нечто даже поэтическое или жалостно-страдательное, что ли, и уж точно, это был совершенно аполитичный поступок.

Если будет решено поставить памятник Ельцину, то хорошо бы в той самой позе у колеса самолета. Есть на одной из площадей Брюсселя знаменитая статуя «Писающего мальчика». Почему бы нам, великой державе, не иметь «Писающего президента-реформатора» где-нибудь на проспекте Сахарова или на улице Солженицына? Пусть бы струя била в лоб Чубайсу или Прохорову, помогая им соображать, будить их дремлющий интеллект...

2012 г.

Вместо послесловия

ПРАВДУ УНИЗИТЬ НЕЛЬЗЯ

(Из беседы с Владимиром Бондаренко)

Владимир Бондаренко. Ради чего вы пишете, Владимир Сергеевич? Может быть, вы надеетесь своими яростными статьями восстановить в скором времени советскую власть? Или хотите помочь обездоленным людям, дать им глоток надежды? Оказать поддержку хотя бы словом? Или же, видя, что все расхищено, разворовано и надежды на реальное возрождение России, а тем более Советской России, в скором будущем не возникает, вы своими статьями мстите, как можете, разрушителям державы?

Владимир Бушин. Это какая-то трудно объяснимая потребность высказаться, выразить свое отношение, свое негодование... Мне кажется, если бы я не мог в эти годы открыто высказываться о наблевшем, я просто бы не смог жить. Разорвалось бы сердце. У Евгения Винокурова есть такие строчки:

Замолкнет сердце вдруг, и разорвется
От песен, переполнивших его...

Сейчас песни разные. Главным образом, гневные, злые. Меня Александр Проханов в последний раз, когда я принес статью, спрашивает: ты — добрый человек? Я отвечаю: моему, я — добрый человек. Я — не злобный человек. Не злопамятный, отходчивый. Но то, что произошло в нашей стране, прощать нельзя. Забыть такое преступление, как

уничтожение великой державы,— недопустимо для любых властителей, любых руководителей. И несмотря на все, что происходит, у меня сохраняется вера, что в конце концов народ восторжествует...

Насчет разрушения СССР. Конечно, эта катастрофа изменила весь мир. Но почему она произошла? В одной из твоих предыдущих бесед, с председателем Союза писателей Валерием Ганичевым, меня поразило одно место. Он рассказывает, что было создано общество дружбы с болгарями, как крыша для русских патриотов, и их притесняли, их обвиняли в национализме, и чтобы смыть с себя обвинения в чрезмерной русскости, они устраивали заседания своего общества то в Тбилиси, то еще где-нибудь в национальной республике...

И вот в 1972 году они летели из Тбилиси в Москву. И вдруг, когда пролетали над Краснодаром, над Кубанью, Семанов и Кожин встали и сказали: «Почтим память Лавра Корнилова, погибшего в этих местах...». И это 1972 год. Валерий Ганичев — главный редактор крупнейшего и влиятельнейшего издательства «Молодая гвардия», другие тоже немалые должности занимали... Вадим Кожин позже вспоминал, мол, у него был в шестидесятых годах краткий период диссидентства. Это неправда. 1972 год. И они чтят память лютого врага советской власти... Почему им тогда не почтить память воевавшего там же в Великую Отечественную войну немецкого фельдмаршала Рундштедта? Для меня это — одно и то же. При всем том, я признаю, что Лавр Корнилов — это русский офицер, а немецкий фельдмаршал — захватчик и оккупант.

Разложение проникло чрезвычайно высоко, и антисоветизм становился моден именно в кругах наших чиновных верхов и интеллигенции, а не в народе. Все они интеллигентные, высокообразованные люди. И они были уже в семидесятые годы — антисоветчики... Мне однажды Валентин Сорокин, наш поэт, и сопредседатель Союза писателей,

тот же вопрос задал, что и ты: «Почему так сразу все рухнуло?» Я ему ответил: «Так ты почитай свои даже нынешние стихи, и тем более статьи... Они же — антисоветские. Ты изображаешь Ленина черт знает как, Мавзолей изображаешь, как какой-то кровавый волдырь на теле земли. Ты Михаила Горбачева называешь последним ленинцем... Вот поэтому все и рухнуло враз».

Конечно, все эти настроения проникали, как метастазы, во все слои, в том числе и руководящие. Концентрирующую роль в идеологии, конечно, сыграл Александр Солженицын и ему подобные. Игоря Шафаревича тогда еще мало кто знал. Я его узнал только по «Русофобии». Я, кстати, у его отца в Энергетическом институте лекции слушал.

В.Б. Извини, я перебыю. Не преувеличиваешь ли ты значения диссидентской интеллигенции? Все-таки, какую роль они сыграли? Конкретно свергли советскую власть и горбачевское политбюро, и тот же Верховный Совет СССР своими решениями. И позже Ельцин со своей командой, набранной, как Бурбулис, сплошь из обкомовских работников. Тотальный удар нанес прежде всего ЦК КПСС. Сколько раз мы ждали, что Горбачев будет свергнут на очередном Пленуме, и все напрасно. Единогласно голосовались все горбачевско-шеварднадзевско-яковлевские решения. Попытка Егора Лигачева со статьей Нины Андреевой, по сути, никем поддержана не была. Кто струсил, кто готовил уже себе уютные валютные места. Хоть один обком партии оказал сопротивление, поднял красное знамя, пытался защитить свой дом, как мы, русские писатели, в том же 1991 году? И этой верхушке, свалившей ради своих будущих владений советскую власть, плевать было на Солженицына и ему подобных. Что она и доказала, не подпуская Солженицына и близко к своей кормушке. К рычагам власти... Им надоело быть временщиками — решили хапнуть навсегда. Вот в чем разбираться надо нынешним красным идеологам...

В. Бушин. Володя, надо было создать атмосферу в обществе. Вот диссиденты ее и создавали. Грех Михаила Горбачева гораздо больший, чем грех Бориса Ельцина. Это он создал атмосферу вседозволенности, цинизма, этого лобзания с папой римским... Все возможно, все дозволено, почему — нет? Старушку-процентщицу убить или государство развалить? Все можно. И виноваты в этом все, создававшие антисоветскую атмосферу. И Александр Зиновьев, который целил в коммунизм, а попал в Россию, должен себя спросить, а зачем он в коммунизм целил? Зачем в Сталина готов был стрелять? Сейчас он превозносит коммунизм, а тогда-то, в семидесятые годы, он целился в коммунизм, не понимая, что Россия и коммунизм — это одно и то же. Так сплелись и переплелись, что не отделить одно от другого. И никогда не было разделения, которым мучаются многие патриоты, на советское и русское. Я всегда себя чувствовал русским человеком, и я всегда считал себя советским человеком. И сейчас считаю. В раннем детстве, еще, наверное, до школы, я первое стихотворение выучил: «Песнь о вещем Олеге». И когда я сейчас читаю у Владимира Солоухина, что у них в деревне в каждой избе был уголок Ленина с портретом трехлетнего кудрявого Ильича, что он в 4 года учил стишки о Ленине, а русской поэзии, мол, не было, мне это странно. Не было этого, особенно в деревнях. Я помню первое стихотворение, которое я прочитал на вечере в школе.

Я — май зеленый, листочек нежный,
И непокорный, и неудержный,
Вперед стремлюсь я и убегаю,
К жизни новой всех вас зову...

Чего советско-коммунистического в этом стишке? Просто жизнерадостные добрые стихи, и их было много в наших учебниках. Никогда не забывалось русское в нашей жизни.

В.Б. Вот вы считаете, что советское и русское — это одно и то же, и еще — «Россия и коммунизм — это одно и то же». Значит, для вас Россия возможна только в советском виде? Вы должны сейчас себя чувствовать крайним пессимистом. Возможна ли для вас, Владимир Сергеевич, Россия — несоветская? Или если нет советской власти, то Россия, безусловно, обречена на гибель?

В. Бушин. Ты мне однажды, Владимир Григорьевич, уже этот упрек высказывал в печати, ставя меня и Татьяну Глушкову в один ряд с поэтом Георгием Ивановым, призывавшим к атомной бомбардировке красной Москвы: мол, или белая Россия, или никакой России... Ничего подобного. Я согласен на любую Россию, но лишь бы жизнь народа была нормальная. Чтобы это была русская земля, русской культуры, русского языка. Сейчас я публикую статью о национальной кротости великороссов. Я там протестую против всего того, что искажает нашу русскую жизнь. Я к этому очень чувствителен. Я ничего не приемлю в нынешней жизни, включая эти новые длинные конверты с западным порядком написания адреса. Это же наш русский быт, наш менталитет, кому он мешал? Почему у меня его отнимают? И чем этот западный порядок написания адреса принципиально лучше? Ванька Жуков писал: на деревню, дедушке... Мы теперь и Чехова будем исправлять? Дедушке на деревню? Это искажает мою жизнь. Или все эти новые названия? Я не приемлю Петербурга... Я не знаю такого города в моей жизни. Письма, которые ко мне приходят из Ленинграда, если там написано Петербург, я на них просто не отвечаю... И книг не посылаю с таким адресом...

В.Б. Извини, Володя, но ведь это же связано еще и с возрастными особенностями твоего поколения. Да, великое поколение, не спорю, и не раз писал об этом. Но уже по возрасту вы — фронтовики, не приемлете нового. Также не принимали новое поколение после 1917 года, даже за «ять» боролись, и за названия старые, и за свои конверты,

рождественские открытки... Поколение Ивана Бунина, Мережковского, Георгия Иванова отрицало все, пришедшее с советской властью, даже поэзию Есенина, не говоря уже о Маяковском. И многие из них боролись не с коммунизмом. Не с идеологией, а с новыми порядками, меняющими привычную жизнь. Это нормальный консерватизм стариков. Они никакими богатеями не были. Не за старые миллионы и особняки боролись многие белогвардейцы. Не было у них особняков и миллионов, даже у Колчака и Деникина. Они привыкли жить в другом мире, в другом привычном укладе, который был порушен. То же самое было и в петровское время. Бояре, которым стригли бороды. Которых переодевали в иные одежды. Напяливали парики — им все это было противно и чуждо. А Патриарх Никон со своими нововведениями, порушивший былую Русь? Почитай «Раскол» Личутина, расхваленный недавно, ужас где — в «Плейбое», и ты увидишь ту же борьбу... Любое поколение борется за свой уклад жизни. Вот и ты борешься за свой уклад. И я борюсь... А наши дети и внуки будут спокойно жить в нем. Или ты считаешь, Владимир Сергеевич, что даже новые конверты — это не очередная ломка уклада русского, а еще одна примета окончательной гибели?

В. Бушин. Нет, я не думаю, что мое неприятие нового — это дело возраста. Не просто идет новое, идет разрушительное новое... Я очень рад созидательному новому, люблю технику. Я рад, что в магазинах сейчас все есть. Без очереди можно купить все что угодно. Я рад, что у меня есть сотовый телефон, и я всегда могу со своей дачи соединиться со всем миром. Рад, что у меня есть компьютер и Интернет. Всему этому я радуюсь...

В. Б. Я смотрю, ты такой технократический реакционер, легко в свои годы осваиваешь новейшую технику, тебе могут позавидовать даже пятидесятилетние, боящиеся дотронуться до компьютера. Куда Личутину до тебя...

В. Бушин. Я тебе расскажу такую вещь. Однажды на Рождество, которое отмечали в Кремлевском дворце, я зашел, там был небольшой фуршетик, подхожу, стоят за столом покойный Петя Проскурин, Царство ему Небесное, Сорокин, кто-то еще. И кто-то из них говорит: вот ты, старик, молодец, много пишешь... Я отвечаю: как же, компьютер помогает. Сорокин удивляется: так ты на компьютере все пишешь? Они на меня смотрели, как на предателя... Как на национального изменника. А я помню время, когда Александр Твардовский возмущался тем, что люди печатают стихи на машинке. Это позор, профанация.... Недавно была какая-то передача, там выступал еще один, оказывается консерватор, режиссер Роман Виктюк, он тоже яростный ненавистник техники, в том числе и компьютера, и говорит: «Я хочу, чтобы между мной и листом бумаги не было ничего...» Но это невозможно. Гусиное перо — уже некое техническое приспособление. Разница только в уровне техники, и телега была техническим новшеством, а как на паровоз смотрели? К новому уровню техники надо привыкнуть. А вот к новым взаимоотношениям социальным я привыкать не хочу. Это уже не новшество, а простая колонизация великой державы. Какой тут прогресс?

В. Б. Может быть, твоя публицистическая ярость связана с типом таланта? Ты неутомим, активен, как сказал бы Гумилев — пассионарен, вот твоей энергии и нужен постоянный публицистический выход? Может быть, ты просто критикан по натуре? Ты — вечный протестант, и такие люди нужны в обществе. Но ведь ты же, Владимир Сергеевич, вечно был чем-то недоволен и в советское время. Я же помню твои свирепые статьи против литературных начальников того, советского времени, твои выступления на писательских собраниях. Все ждали, вот сейчас Бушин резанет. Сидели на собраниях до тех пор, пока ты не выступишь. Тебя ведь и в советское время начальники недолюбливали. Потом ты так легко влился в протестную линию перестро-

ечного времени, уже против новых властей. Если откровенно, как ты думаешь, твоя яростная непримиримая публицистика не связана с типом твоего дарования?

В. Бушин. Думаю, что не связана. Во-первых, потому, что всегда когда что-то критикую, я при этом что-то защищаю. Иногда действительно мне говорят: ты опять разнес того-то и того-то. Зачем? Но я же разнес во имя чего-то другого... Скажем, в статье о Евтушенко я защищаю Михаила Шолохова. Сейчас написал очень резкую статью о Бенедикте Сарнове, при этом защищаю Семена Михайловича Буденного, которого он оболгал. Конечно, есть такие протестующие моменты в моей публицистике, но у меня много и позитивных статей...

В. Б. Не надо оправдывать свои бичующие статьи. В этом нет ничего зазорного, в таком типе таланта. Скажем, есть великий сатирик Салтыков-Щедрин или Гоголь в «Ревизоре». Или обличительная публицистика Белинского. Твой тип творчества все-таки связан с таким бичующим, разоблачающим направлением. И слава Богу. Я могу не соглашаться с тобой в конкретных статьях, и часто, но сам тип полемиста, памфлетиста, литературного фельетониста Владимира Бушина для меня очень ценен. Прозаиков и поэтов у нас много. А Бушин у нас один...

В. Бушин. Спасибо. Но понимаешь, в чем дело все-таки. Тип типом, может, я и в других условиях полемикой все равно бы занимался. С Бондаревым ли. Или с Марковым, но очень уж ненавистна мне, и как человеку, и как писателю, политика разрушителей России. Если бы Горбачев в свое время сказал: дорогие товарищи, коммунистическая партия сыграла свою историческую роль, наступают новые времена, давайте что-то другое придумаем...И без этого хамства, без этого глумления, без поношения прошлого попробовал сделать что-то новое, как делают в Китае, к примеру, это вызвало бы лишь уважение. Ему же удалось из ЦК КПСС удалить чуть ли не 150 человек, и они ушли покорно.

Он действительно им сказал: почтенный возраст, новые задачи, вам уже не справиться. И они честно ушли. Думая, что придут молодые, продолжать их дело... А началось поношение всего и вся. Разор, глумление над армией, над партией, над прошлым. Я никогда не был безумным почитателем Ленина. Я жил при Сталине, и его ощущал как лидера. Это был мой вождь. Мой Верховный Главнокомандующий. А Ленин для меня уже был в истории. Я узнал его гораздо больше сейчас. Просто опровергая ложь на него, я много нового узнал. И он предстал передо мной в гораздо более привлекательном облике. А сколько лжи на него. Вот «Телец» сокуровский, это же ужасно. Не хочется смотреть. Или эта телепередача, в которой люди едят торт, сделанный в форме Ленина, — какое-то людоедство.

В. Б. Я часто думаю: все видят эти тотальные разрушения, эту мерзость разврата и запустения, почему же не сформировалось крепкого протестного народного движения в России? Почему, по большому счету, народ отмолчался и в 1991 году, не поддержав ГКЧП, и в 1993 году, не выйдя миллионами на улицы. Не объявив всеобщую забастовку и так далее? Вот писатели выступали с протестами громко, свою миссию, я считаю, выполнили достойно. И «Письмо к народу», и еще раньше «Письмо 74 писателей», и «Письмо 1993 года», все лучшие русские мастера — от Леонида Леонова до Георгия Свиридова подписывали.... А народ по-прежнему отмалчивался. В чем причина? Может быть, поэтому продолжают и наши бесконечные расколы внутри патриотического движения? Ибо оно замкнуто само на себя, нет движения вширь... Возможен ли союз белых патриотов и красных патриотов, то есть людей, думающих по-разному, но любящих Россию? Возможен ли единый союз государственников?

В. Бушин. Я верю в союз во имя России белых и красных. Но ведь белые-то до сих пор агрессивны. Мы же их долгое время не трогали. Я их могу понять... В советское время

много было наговорено нелепостей, несуразностей об исторической России. Всех царей изображали идиотами ... Конечно, историческое прошлое надо восстанавливать, но не сейчас, когда нас настигла общая государственная беда. И не надо придумывать ложь уже о советском времени. Вот Владимир Солоухин и Астафьев пишут, что войну выиграли тем, что забросали немцев трупами... Как им не стыдно было такое писать? Я не говорю, что это невозможно просто. Я сам готов не трогать царское старое, их ценности. Как правило, я защищаюсь. Мои статьи в большинстве своем носят характер ответов. Вот вышли две книги Сарнова, возмутительные, клеветнические, антисоветские. Человек бесстыдно пляшет на костях. И я защищаю оболганных — от Семена Буденного до Павлика Морозова.... Я всегда — защитник, и не более...

В. Б. Получается, Владимир Сергеевич, по сути, ты — христианский защитник, защищаешь всех оскорбленных и униженных.

В. Бушин. Конечно, я всегда на стороне меньшинства.

В. Б. А сам ты — верующий человек?

В. Бушин. Знаешь, Владимир Григорьевич, недавно умер академик Долежалъ. Ему перевалило за сто лет. К нему явилась наша журналистка, и она задала ему такой же вопрос: «Вы верите в Бога?» Он ей сказал: «Девушка, никогда не задавайте такой вопрос. Это настолько лично, настолько субъективно, настолько интимно». А мы его поставили рядом с вопросом: «Ты за «Динамо» или за «Спартак?»» Я сам однажды на этот вопрос ответил так: «Я в Бога не верю, но Он в меня верит, потому что я Его никогда не подвел...»

В. Б. Тебя можно назвать одним из последних солдат советской державы. Можешь ли ты сейчас уже оценить значимость советской цивилизации? Была ли она неизбежна в истории России?

В. Бушин. Не знаю, была ли советская цивилизация неизбежна. Знаю, что она была. Знаю, что это была высшая

точка всей русской истории за тысячелетие. В этом я целиком согласен с Александром Зиновьевым. Николай Гоголь говорил о Пушкине: «Какой чудный сон я видел при жизни». Так и у нас всех. Мы видели при жизни великую советскую эпоху. Действительно поразительно: в такой короткий срок произошли такие глобальные преобразования. Стали супердержавой. Первыми покорили космос. Это же поразительно. Часто приводят высказывание Иосифа Сталина 1931 года: «Мы отстали на 50 — 100 лет от передовых стран Европы. Мы должны этот отрезок пробежать в 10 лет. Иначе нас сомнут...» И пробежали. Это энтузиазм народа.

В. Б. И кто же автор этой суперцивилизации в советском варианте? Каково место Сталина в истории России? Как ты к нему относишься, как к человеку и как к исторической личности?

В. Бушин. Я думаю, чем дальше идет время, тем больше становится видна величественная фигура Сталина. Как ни парадоксально, демократы своими действиями оправдали Сталина во всем. Абсолютно во всем. Так бы можно предположить, что лучше бы помягче вести политику, лучше бы не делать таких резких шагов, а посмотришь на действия демократов, и видишь, что Сталин был прав. И то надо было, и другое. Как бы трагично это ни выглядело. Репрессии по сравнению с тем, что творится сейчас с любым человеком, выглядят совсем иначе. Вот отключают электричество во время операции. Вот не дают пенсий старикам по полгода. Нужны ли репрессивные меры? Вы верите, чтобы в сталинское время могло случиться такое количество аварий и катастроф? Вы верите, что во время наводнений погибло бы столько людей, как погибает сегодня? Наверняка и предупредили бы, и сделали все, чтобы вывезти вовремя, а может, и наводнения не допустили бы. Вспомни последнюю катастрофу советского времени — в Армении. Вся страна оказывала срочную помощь. Там несколько дней работал Рыжков, глава правительства. А как строили разрушенный Ташкент?

Помнят ли об этом узбеки? А сейчас, в день, когда бушевала стихия, и погибло около семидесяти человек, наш президент был на заключительном концерте конкурса Чайковского. А потом укатил в Канаду. В промежутке еще наградил Волчек. Еще раз Жванецкого, Митту, Ваншенкина...

В. Б. Интересно, во что ты веришь? В новую советскую Россию? Или понимаешь, что той России, того Советского Союза уже не будет, и ты веришь, скорее, в страну, уважающую интересы народа, проводящую четкую социальную политику?

В. Бушин. Да. Вовсе не обязательно, чтобы все было по-старому. В прошлое вернуться нельзя. Но в прошлом было много хорошего и его надо взять в будущее. Не обязательно и невозможно повторять то, что уже было. Я — за новую, за нашу Россию!

СОДЕРЖАНИЕ

Часть 1. ПАТРИАРХИ И ПРЕЗИДЕНТЫ

Лампадным маслицем — по костерку	5
С кем вы, мастера амвона?	11
Культурки не хватает	53
Апрельские казусы	65
Президент, стань русским!	79
Даешь черту оседлости!	92
Кого ждет Колыма?	94
Гений и прощелыга	101
Прореха и скважина	104
«Дядя Вова и медведь»	119

Часть 2. ЛГУЩИЕ И РАБОЛЕПСТВУЮЩИЕ

Митрополит Иоанн и коммунисты	126
Религиозное раболепие	153
«Опять перехватывает дыхание...»	174
Хвала немецким оккупантам, осененная крестом	181
Господи, какой ум!	202
«Анкор, еще анкор!»	212
Вместо послесловия. Правду унизить нельзя	227

Владимир Сергеевич Бушин
ПАТРИАРХИ И ПРЕЗИДЕНТЫ
Лампадным маслом по костру

*Редактор О.В. Селин, художник Б.Б. Протопопов,
верстка А.А. Кувшинников, корректор В.Л. Авдеева*

ООО «Издательство Алгоритм»
Оптовая торговля:
ТД «Алгоритм» 617-0825, 617-0952
Сайт: <http://www.algorithm-kniga.ru>
Электронная почта: algorithm-kniga@mail.ru
Интернет-магазин: <http://www.politkniga.ru>

Сдано в набор 29.05.12. Подписано в печать 28.07.12.
Формат 84x108/32. Печать офсетная. Гарнитура Таймс.
Печ. л. 7,5. Тираж 3000 экз. Заказ